

У

С 56

СОВРЕМЕННАЯ
БУРЖУАЗНАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
МЫСЛЬ:
КРИТИКА ТЕОРИИ
И МЕТОДОЛОГИИ

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

АКАДЕМИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК при ЦК КПСС
КАФЕДРА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

СОВРЕМЕННАЯ
БУРЖУАЗНАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
МЫСЛЬ:
КРИТИКА ТЕОРИИ
И МЕТОДОЛОГИИ

Москва «Мысль» 1986

РЕДАКЦИИ НАУЧНОЙ
И УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ АОН
при ЦК КПСС

Авторский коллектив:

Афанасьев В. С. — д-р экон. наук; *Выгодский В. С.* — д-р экон. наук;
Ланцов В. И. — канд. экон. наук; *Нансен Б.* — д-р экон. наук;
Рипп Г. — д-р экон. наук; *Сорвина Г. Н.* — д-р экон. наук; *Санто М.* — канд. экон. наук; *Светлы И.* — канд. экон. наук; *Таль П.* — д-р экон. наук; *Фролов Б. И.* — канд. экон. наук; *Хеллерман Г.* — канд. экон. наук; *Хойер Р.* — д-р экон. наук; *Хромушин Г. Б.* — д-р экон. наук; *Шванк К.* — д-р экон. наук.

Редакционная коллегия:

Афанасьев В. С. (руководитель авторского коллектива),
Сорвина Г. Н., Фролов Б. И.

Рецензент — доктор экономических наук *Паньков В. С.*

С $\frac{0603010300-104}{004(01)-86}$ 101-86

© Издательство «Мысль». 1986

На рубеже 70-х и 80-х годов развернулся очередной этап кризиса современной буржуазной политической экономии, отразивший дальнейшее углубление общего кризиса капитализма и новые исторические достижения мировой социалистической системы. Важнейшую роль в углублении кризисных процессов в современной буржуазной политической экономии сыграл самый значительный за послевоенное время мировой экономической кризис 1974—1975 гг. Под его воздействием потерпела крах система государственно-монополистического регулирования капиталистической экономики, сложившаяся под определяющим влиянием кейнсианской экономической теории и концепций «неоклассического синтеза».

На концепцию «великого неоклассического синтеза», объединившую кейнсианство и неоклассическую школу, в буржуазных экономических и политических кругах возлагались весьма амбициозные надежды. Буржуазные экономисты и политики полагали, что им удалось наконец-то создать подлинно научный фундамент государственной экономической политики, сочетающей в себе стихийно-рыночное регулирование капиталистической экономики с возможностями государственного воздействия. С этим обстоятельством связывались радужные расчеты на реформирование и стабилизацию капитализма, на изживание экономических кризисов перепроизводства, массовой хронической безработицы, возрастающей инфляции и вместе с тем на ослабление и даже «преодоление» социально-классовых противоречий капиталистического строя в рамках «общества потребления», «государства всеобщего благосостояния». Теория «неоклассического синтеза» по замыслу буржуазных идеологов призвана была преодолеть внутренние противоречия, характерные для буржуазной политической экономии, представляющей множество направлений, течений и школ, и способствовать формированию некой единой экономической теории, противостоящей марксистско-ленинской политической экономии.

Более или менее успешное экономическое развитие капиталистических стран в 50—60-х годах, казалось бы, давало основание для подобных надежд.

Однако под влиянием резкого углубления кризисных процессов капиталистической экономики в 70-х годах ряд наиболее трезвомыслящих буржуазных теоретиков пришли к заключению о том, что концепции «неокейнсианства» и «неоклассического синтеза» не дают выхода из порочного круга противоречий капитализма. Так, например, английская экономистка Дж. Робинсон писала, что экономический рост не только не способен решить проблему относительной бедности, но ведет к увеличению абсолютной бедности... Все большее число семей откатывается вниз. С ростом национального богатства увеличивается абсолютная бедность¹.

К середине 70-х годов кризисное состояние буржуазной экономической теории было признано в среде ведущих западных экономистов. Английский экономист Г. Роус дал оценку положения, сложившегося в буржуазной политической экономии, заметив, что критика высказывается самыми престижными членами братства: президентами Американской экономической ассоциации, Королевского экономического общества или секции содействия науки Великобритании, а также теми, кого приглашают читать лекции имени Ричарда Эли в Американской экономической ассоциации, — К. Боулдингом, В. Леонтьевым, К. С. Фелпсом, Г. Д. Н. Уорвиком, Дж. Робинсон, Дж. Гэлбрейтом².

Под воздействием углубления общего кризиса капитализма произошли важные изменения в направлениях современной буржуазной политической экономии. Концепции «неоклассического синтеза» потеряли свое прежнее господствующее положение. Одно из первых мест в буржуазной политической экономии стала занимать неоконсервативная экономическая теория, представленная прежде всего концепцией монетаризма. В целом же в условиях современного этапа кризиса буржуазной политической экономии поиски стабильных и эффективных экономических конструкций развиваются в следующих основных направлениях:

¹ The American Economic Review, 1972, May, p. 7.

² Routh J. The Origin of Economic Ideas. London, 1975, p. 19—20.

1. На основе концепции свободной конкуренции, разработки теории монетаризма, концепций «экономики предложения» и «рациональных ожиданий» и ряда других теоретических компонентов разрабатывается неоконсервативная экономическая теория.

2. Предпринимаются усилия к модификации неокейнсианской теории.

3. Теоретики «неоклассического синтеза» стремятся расширить синтез буржуазных экономических теорий путем включения в него наряду с неокейнсианством и неоклассической школой ряда важнейших положений неоконсервативной экономической теории, а также некоторых идей неoinституционализма.

4. Осуществляется модификация неoinституциональных экономических концепций, их приспособление к особенностям современной идеологической борьбы.

Современная буржуазная политическая экономия, как никогда, далека от формирования единой, действенной в идеологическом и хозяйственно-практическом отношении экономической теории. Теоретический разброд в современной буржуазной политической экономике продолжается. Американский экономист Л. Туроу, характеризуя реакцию буржуазных теоретиков на крах «неоклассического синтеза» и неспособность неоконсервативных рецептов экономической политики ослабить кризисные процессы капиталистической экономики, писал, что интеллектуальное замешательство среди них было полным — ни проблеска идеи в том, что же происходит, по каким причинам и что должно быть сделано с нашей больной экономикой. В наши дни оно сравнимо со сходным периодом первых дней «великой депрессии»³.

Попытки разработать неоконсервативную экономическую теорию в качестве эффективной альтернативы «неоклассическому синтезу» терпят очевидный провал. Так, в частности, одно из ее направлений — монетаристская концепция, не успев еще как следует сформироваться, совершенно явственно обнаружила свою несостоятельность. Достаточно сказать, что ее основатель американский экономист М. Фридман в работе «Уроки эксперимента денежной политики в 1979—1982 гг.» в связи с очевидными провалами экономической полити-

³ *Thurrow L. Dangerous Currents. Random House, 1983, p. xiv—xv.*

ки, Федеральной резервной системы отрешивается от этой политики, объявляя ее антимонетаристской⁴. Английский ученый Д. Грал, констатируя ослабление влияния монетаристской экономической теории, пишет, что если монетаризм — это религия, то в последнее время наблюдается серьезный взлет атеизма⁵. Японский экономист Я. Мураками в работе «Критика неолибералистской экономической политики» уже в 1983 г. констатировал банкротство экономической политики, основанной на принципах неоконсерватизма. «Самая важная проблема, — писал он, — это провал внутренне-противоречивой политики, которую многие страны, в особенности США, избрали в ответ на крах старого экономического порядка»⁶.

«Неоклассический синтез» оказался неспособным решить проблемы капиталистической экономики. Образовавшаяся на его развалинах неоконсервативная экономическая теория также терпит очевидный провал. Кризис буржуазной политической экономии имеет явную тенденцию к углублению.

В этих условиях еще более возрастает значение марксистско-ленинского анализа происходящих в мире процессов, в том числе процессов кризисной перестройки современной буржуазной политической экономии. Острейшая борьба двух мировоззрений требует «наступательно, аргументированно раскрывать антинародный, бесчеловечный характер империализма, его эксплуататорскую сущность... умение с четких классовых позиций оценивать общественные явления...»⁷.

Предлагаемая вниманию читателей коллективная монография «Современная буржуазная экономическая мысль: критика теории и методологии», являющаяся результатом работы научной конференции, в которой приняли участие экономисты пяти социалистических стран (СССР, ГДР, НРБ, ЧССР, ВНР), призвана внести свой вклад в решение этой важной задачи.

⁴ The American Economic Review, 1984, May, p. 397.

⁵ Marxism today, 1984, March, p. 4.

⁶ Цит. по: Мировая экономика и международные отношения, 1985, № 2, с. 78.

⁷ Программа Коммунистической партии Советского Союза. Новая редакция. М., 1986, с. 54.

ЧАСТЬ I

Методология критики современной буржуазной политической экономики

Глава I

Некоторые теоретико-методологические проблемы критики современной буржуазной политической экономики

Обострение идеологической борьбы на современном этапе связано с дальнейшим углублением общего кризиса капитализма. Наиболее активизирующиеся агрессивные силы империализма делают ставку на военное решение противоречий между двумя мировыми общественно-экономическими системами, на подавление рабочего и национально-освободительного движения.

Идеологическая борьба против рабочего и национально-освободительного движения, против мирового социалистического содружества все в большей мере приобретает характер психологической войны. Буржуазные пропагандисты не гнушаются никакими средствами — явной и завуалированной клеветой на социализм, распространением ложных слухов, различного рода инсинуаций, важнейшей целью которых является морально-политическая дискредитация идеалов социализма и коммунизма.

В условиях углубляющегося общего кризиса капитализма, дальнейшего прогресса социализма важнейшей задачей буржуазной политической экономики является дезориентация трудящихся масс по проблеме основного направления современного социально-экономического развития. Буржуазные идеологи всячески стремятся затушевать жизненную необходимость в развитии общества от капитализма к социализму и коммунизму, предпринимают огромные усилия для искажения социально-экономических и политических процессов реального социализма, систематически обновляют прие-

мы и методы апологии современного государственно-монополистического капитализма.

Значительная роль отводится в современной буржуазной политической экономии идеологическому прикрытию антинародной экономической политики финансового капитала, прежде всего транснациональных корпораций. Усилилось наступление монополий и буржуазных правительств на экономические и социальные позиции рабочего класса с целью переложить на его плечи бремя обостряющихся кризисных процессов капиталистической экономики.

О глубине этих кризисных процессов свидетельствует, в частности, тот факт, что в США число полностью безработных превысило впервые за послевоенный период 12 млн. человек (декабрь 1982 г.), а вместе с частично безработными общее число лиц, непосредственно охваченных безработицей, даже по официальным данным, приблизилось к 18,5 млн. человек¹.

На протяжении всех лет после мирового экономического кризиса 1974—1975 гг. (кроме 1979 г.) численность безработных в США существенно превышала средний уровень безработицы, характерный для этого кризиса. Особенно быстро стала расти безработица с 1980 г., в годы правления нынешней американской администрации, выступающей под лозунгами неоконсервативной концепции. Если в 1980 г. превышение кризисного уровня безработицы составило 18,3%, то в 1981 г. — уже 28,2. В кризисные 1982 и 1983 гг. оно достигло огромных масштабов — 65,4 и 66,0% соответственно. Даже в 1984 г., когда экономика США переживала циклический подъем, это превышение составило 32,3%, а в мае 1985 г. — 30,3%².

Тенденция к существенному возрастанию безработицы наблюдается во всех развитых странах капитализма. Если в кризисном 1975 г. общая численность полностью безработных в странах ОЭСР равнялась 15,6 млн. человек, то в 1979 г. она составила 16,8, в

¹ Economic Indicators, 1983, June, p. 11; 1985, February, p. 11. Для сравнения отметим, что в период самого глубокого экономического кризиса в США в 1929—1933 гг. число полностью безработных достигло 13 млн. человек, а в разгар этого кризиса — 18 млн. человек (Political Affairs, 1985, September, p. 25).

² Economic Indicators, 1983, January, p. 11; 1985, June; Economic Report of the President, 1977, p. 220.

1981 г. — 22,5, в 1982 г. — 27,6, в 1983 г. — 30,0, а в 1984 г. — 28,4 млн. человек³.

Значительных масштабов достигла недогрузка производственных мощностей в развитых капиталистических странах. Например, в обрабатывающей промышленности США в декабре 1982 г. она составила 32,5%. Снизилась реальная заработная плата: в несельскохозяйственных отраслях экономики США к 1982 г. по сравнению с 1972 г. она упала на 15,4% и была на протяжении всего данного периода ниже уровня 1972 г. В 1984 г. этот разрыв составлял 13%. В мае 1985 г. разрыв увеличился до 14%⁴.

Кризисные процессы капиталистической экономики усугубляются антинародной экономической политикой монополистического капитала, вдохновляемой идеями неоконсерватизма и не останавливающейся перед разрушением национальной экономики в интересах максимизации прибылей монополий.

Растущее противоречие между основными догмами современной буржуазной политической экономии и реальным ходом общественно-исторического процесса XX в. обусловило дальнейшее углубление кризиса буржуазной экономической теории в 70-х — начале 80-х годов. Банкротство неокейнсианства и «неоклассического синтеза», ориентированных прежде всего на разработку практических рекомендаций экономической политике государственно-монополистического капитализма, а также концепций «трансформации капитализма», проповедующих мнимую некапиталистическую эволюцию современного буржуазного общества (теорий «индустриального», «постиндустриального», «супериндустриального», «технотронного» общества и др.), вызвало в буржуазной экономической науке глубокий разброд, лихорадочные поиски «новой парадигмы», быструю смену одних направлений другими.

Выдвижение на одно из первых мест среди официальных экономических доктрин неоконсервативной экономической теории оправдывает реакционную экономическую политику ряда буржуазных правительств.

³ См.: Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. Приложение к журналу «Мировая экономика и международные отношения», 1983, № 8, с. 86; 1985, № 3, с. 66.

⁴ Economic Indicators, 1983, June, p. 15, 17; 1985, February, p. 15; 1985, June, p. 15.

В США и Великобритании наблюдается оживление монетаризма, разработаны «экономическая теория предложения», концепции «рациональных ожиданий», «сравнительных экономических систем», активизация «советологов», что представляет собой различные формы кризисной перестройки современной буржуазной политической экономии, поиски более действенных средств ее идеологического перевооружения⁵.

Такого рода перестройки в структуре современной буржуазной политической экономии вовсе не означают, что отмеченные выше и потерпевшие банкротство буржуазные экономические теории полностью сошли со сцены. При определенных политических и социально-экономических условиях буржуазные экономисты используют отдельные разновидности «неоклассического синтеза», неокейнсианства или других форм буржуазных теорий государственно-монополистического регулирования капиталистической экономики, а также те или иные варианты концепций «трансформации капитализма».

Дело в том, что объективная основа для такого рода апологетических теорий в современном буржуазном обществе не устранена. Для современного капитализма характерны сложное переплетение двух форм хозяйственного механизма — стихийно-рыночного и государственно-монополистического, а также углубление тенденции к дальнейшему обобществлению капиталистического хозяйства как в частномонополистических, так и в государственно-монополистических формах и нарастание внутренних противоречий капиталистической экономики.

По этой причине наряду с возрождением «неоклассической школы» в форме неоконсервативной экономической теории с ее апологией стихийного рынка как некоего автоматического регулятора капиталистического хозяйства идет процесс перестройки неокейнсианства и других буржуазных теорий в направлении поиска новых средств усиления действенности государственного регулирования экономики в интересах крупного капитала.

⁵ С конца 70-х годов неолиберализм и неоконсерватизм занимают ведущее положение, констатирует шведский экономист С.-Э. Лидман (Das Argument, 1982, N 134, S. 500).

В условиях углубляющегося кризиса современной буржуазной политической экономии эффективность ее критики во многом зависит от разработки ее теоретико-методологических основ, способствующих выявлению объективных закономерностей кризисной эволюции современной буржуазной политической экономии. Диапазон методологических проблем критического анализа буржуазной экономической науки достаточно широк. Это вопросы классовой и исторической обусловленности новейших течений современной буржуазной политической экономии; структура ее основных течений и направлений; проблема объективных мыслительных форм, свойственных капиталистическому способу производства, и современных тенденций их изменения; проблема функций современной буржуазной политической экономии; проблема соотношения внешних форм проявления и действительного содержания современных буржуазных экономических теорий; вопрос о методологическом значении учения К. Маркса о двойственном характере труда товаропроизводителей как «отправного пункта» понимания всей политической экономии.

В настоящей главе предпринята попытка рассмотреть лишь некоторые теоретико-методологические проблемы критического анализа современной буржуазной политической экономии, которые представляются наименее разработанными в советской экономической литературе, прежде всего вопрос о методологической роли Марксовой теории двойственного характера труда в плане критики буржуазной экономической теории.

В качестве важнейшего объективного закона развития буржуазной политической экономии выступает классовая обусловленность осуществляемого ею познавательного процесса. Социально-экономические процессы познаются буржуазной политической экономией только в той степени, которая диктуется буржуазным классовым интересом в данный исторический момент с учетом как хозяйственно-практических, так и идеологических проблем.

Опираясь на эту закономерность, К. Маркс дал научное объяснение важнейшим процессам, протекающим в буржуазной политической экономии на различных этапах развития капитализма. Он объяснил объективную основу смены классической буржуазной политической экономии, для которой характерны, как правило,

неапологетическая защита капиталистических отношений в качестве двигателя развития производительных сил буржуазного общества, а потому и научный, в рамках буржуазного кругозора, познавательный процесс, вульгарной буржуазной политической экономией с ее апологетической защитой капиталистических порядков и ненаучным характером познавательного процесса. С указанных позиций К. Маркс дал научный анализ основных особенностей как классической, так и вульгарной политической экономии, раскрыл объективную неизбежность кризиса буржуазной политической экономии и тенденции к его углублению по мере обострения классовых противоречий.

Данная зависимость объясняет и новейшие сдвиги в направлениях современной буржуазной политической экономии, в частности выдвижение неоконсервативной теории и кризис неокейнсианства.

По этой причине закономерная зависимость познавательного процесса буржуазной политической экономии от его классовой ориентации требует к себе пристального внимания со стороны марксистско-ленинской экономической науки. Изучение ее различных форм проявления на отдельных этапах развития капиталистического способа производства тем более важно, что она является отражением более глубоких причинно-следственных связей между буржуазной политической экономией и состоянием капиталистического способа производства.

Классовая ориентация познавательного процесса зависит от общественной роли и общественного положения буржуазии на определенном этапе развития капитализма, поскольку эта роль и положение находят свое проявление в специфике ее классовых интересов в данных исторических условиях. В свою очередь общественная роль буржуазии определяется состоянием капиталистического способа производства, находящим свое наиболее концентрированное выражение в степени обострения основного противоречия капитализма.

Таким образом, между характером экономического мышления буржуазии, буржуазной политической экономии и состоянием капиталистического способа производства существует объективная зависимость. Так, например, до промышленной революции конца XVIII — начала XIX в., до появления на исторической арене про-

мышленного пролетариата буржуазия выполняла прогрессивную роль, что и нашло отражение в научной буржуазной политической экономии. В условиях обострения основного противоречия капитализма буржуазия превращается в реакционный класс, заинтересованный лишь в сохранении своего господствующего положения в обществе, что способствовало распространению вульгарного направления в буржуазной политической экономии.

Зависимость познавательного процесса от его классовой ориентации служит ключом к объяснению сложных структурных изменений в буржуазной политической экономии, в том числе смены неокейнсианства неоконсервативной экономической теорией.

Разумеется, весьма важную роль в этой смене сыграло то обстоятельство, что широко разрекламированные кейнсианские рецепты государственно-монополистического регулирования капиталистической экономики потерпели явный и для всех очевидный провал.

Однако причина возрождения «неоклассической школы» состоит отнюдь не в ее большей хозяйственно-практической действенности в отношении ослабления кризисных процессов капиталистической экономики сравнительно с неокейнсианством. «Великая депрессия» 30-х годов и кризис 1980—1982 гг. не оставляют на этот счет никаких сомнений.

Ключ к разрешению проблемы содержится в классовой ориентации познавательного процесса, осуществляемого буржуазной политической экономией, с учетом той конкретно-исторической — экономической и политической — обстановки, которая сложилась в конце 70-х — начале 80-х годов.

Решающую роль в выдвижении неоконсервативного направления на одно из первых мест в современной буржуазной политической экономии сыграло углубление общего кризиса капитализма во второй половине 70-х годов. Его явными признаками были банкротство сложившейся системы государственно-монополистического регулирования капиталистической экономики, разработанной по кейнсианским рецептам, существенное изменение политического курса империалистических держав. В области внешней политики наметился переход от политики разрядки к конфронтации с социалистическими странами, во внутренней — от уступок рабо-

чему движению к политике подавления рабочего класса и его организаций. Неоконсервативная теория, отличающаяся особой реакционностью и агрессивностью, откровенной антирабочей и антисоциалистической направленностью, как нельзя лучше соответствовала идеологическому курсу империализма.

Вместе с тем важную роль в смене неокейнсианства неоконсерватизмом сыграли следующие обстоятельства.

Во-первых, достижение такого высокого уровня обобществления и интернационализации мирового капиталистического хозяйства, при котором остро встает проблема глобального — в рамках мировой капиталистической системы хозяйства — регулирования экономики. Данный сдвиг в экономической жизни капитализма сразу же «обесценил» все те буржуазные экономические концепции, в том числе и прежде всего кейнсианство, которые замыкались национальными рамками. Во-вторых, главной формой капиталистической интернационализации экономики в настоящее время становятся транснациональные корпорации, «осваивающие» мировую капиталистическую экономику под флагом «свободного предпринимательства», не ограничиваемого государственным вмешательством. Наднациональные органы координации экономической политики империалистических стран, органы глобального регулирования мирового капиталистического хозяйства еще только складываются (периодические встречи лидеров империалистических держав, «клубы» ведущих деятелей международной финансовой олигархии, формирование наднациональных органов «Общего рынка» и т. п.). Важно при этом учитывать, что лозунг «свободного предпринимательства» приобретает существенную идеологическую роль и в области внутренней политики современного империализма. Он является идеологическим прикрытием перехода от буржуазно-либеральных к консервативно-реакционным формам государственно-монополистического капитализма и отражает наступление монополий на экономические и политические права трудящихся: существенно сокращаются социальные расходы буржуазного государства, ограничиваются права профсоюзов и т. п. под демагогическим лозунгом обеспечения «свободы» экономической деятельности, «подвижности» параметров экономической системы — заработной платы, цен, налогов и т. д.

В-третьих, в условиях высокого уровня обобществления и огосударствления капиталистической экономики, обострения свойственных ей противоречий и кризисных процессов, на фоне успехов государственного планирования хозяйства в социалистических странах, осуществляемого в интересах трудящихся масс, концепция государственного регулирования капиталистической экономики, даже замаскированная демагогическими лозунгами достижения «полной занятости», «сбалансированного экономического роста», «всеобщего благосостояния» и т. п., становится для монополистического капитала опасной в политическом отношении. Не случайно К. Маркс характеризовал огосударствление производства при капитализме как процесс упразднения частного капитала в рамках капитализма. Дело в том, что очевидная неспособность государственно-монополистического регулирования капиталистической экономики преодолеть или ослабить кризисные явления наталкивает рабочее и демократическое движение на борьбу за переориентацию государственного регулирования экономики, на достижение целей, соответствующих интересам трудящихся.

Переход к неоконсервативной экономической теории отвечает прежде всего политическим интересам монополистического капитала, транснациональных корпораций. Данная теория формально призывает ослабить государственное регулирование капиталистической экономики и усилить стихийно-рыночный механизм саморегулирования капиталистического хозяйства, хотя на деле отстаивает особо реакционный, милитаристский вариант государственно-монополистического воздействия на экономику.

Таким образом, причины распространения неоконсерватизма носят как экономический, так и политический характер, и политические мотивы в данном процессе занимают отнюдь не последнее место. Известный западногерманский социолог Ю. Хабермас в статье «Неоконсервативная критика культуры в США и ФРГ» писал, что неоконсерватизм — это сеть, в которую может попасться либерал, если он испугается своего собственного либерализма⁶.

⁶ Die neue Gesellschaft, 1982, N 11, S. 1024.

Ослабление политических позиций буржуазии вызвано углублением кризисных процессов капиталистической экономики и поступательным развитием мирового революционного процесса. Ю. Хабермас отмечал, что либералы, ставшие неоконсерваторами, обеспокоены... падением авторитета ведущих институтов, особенно политической системы⁷.

Э. Эпплер — председатель одной из комиссий правления СДПГ — спрашивает в работе «Пути выхода из опасной ситуации»: «На что же сетуют новые правые интеллектуалы, которые раньше называли себя либералами, а теперь считают себя неоконсерваторами: на падение авторитета школ, высших учебных заведений, армии, церкви, производственных предприятий и т. д., на распад традиционных форм общения?»⁸

С изменением экономической и политической обстановки бывшие «либералы» перестали заигрывать с массами, отставили в сторону концепции «трансформации капитализма» в некий «некапиталистический», «индустриальный» строй, а также теории достижения «полной занятости», «всеобщего благосостояния» и перешли к открытой защите капиталистических порядков. Тот же Ю. Хабермас писал, что теоретическую основу американского неоконсерватизма создают известные социологи — Д. Белл, П. Бергер, Н. Глазер, С. М. Липсет, Р. Нисбет и Э. Шилс. Они не скрывают, что в прошлом были левыми и либералами⁹.

Известная переориентация познавательного процесса современной буржуазной политической экономии с проблем государственно-монополистического регулирования капиталистической экономики на анализ функционирования стихийного рыночного механизма (при всей ее условности) тесно связана с известными опасностями, которые таит для капиталистической системы хозяйства высокий уровень обобществления и огосударствления экономики в условиях углубляющихся кризисных процессов, растущего недовольства трудящихся масс явной неспособностью буржуазного государства преодолеть кризисные явления капиталистической экономики.

⁷ Ibid., S. 1025.

⁸ Eppler E. Wege aus der Gefahr. Rowohlt-Verlag, 1981, S. 103.

⁹ Die neue Gesellschaft, 1982, N 11, S. 1024.

Особый интерес среди теоретико-методологических проблем критического анализа современной буржуазной политической экономии представляет вопрос об «объективных мыслительных формах» капиталистического способа производства, исследованный К. Марксом в «Капитале», в частности в первой главе I тома.

Категория «объективные мыслительные формы» капиталистического способа производства поднимает вопрос об объективных основах воспроизводства определенных форм буржуазного экономического мышления. Рассматривая проблему товарно-фетишистских форм мышления, К. Маркс писал: «Такого рода формы как раз и образуют категории буржуазной экономики. Это — общественно значимые, следовательно объективные мыслительные формы для производственных отношений данного исторически определенного общественного способа производства — товарного производства»¹⁰. При этом, с одной стороны, данные категории отражают объективную реальность, а именно капиталистические производственные отношения (хотя и отражают искаженно, ненаучно), а с другой — сам характер отражения реальности в данных категориях объективно обусловлен. Он является товарно-фетишистским в силу господства товарно-капиталистических отношений для субъектов, охваченных данными отношениями.

В учении К. Маркса о товарном фетишизме раскрыта гносеологическая основа вульгарной буржуазной политической экономии, а вместе с тем и важнейшие закономерности «объективных мыслительных форм», характерных для капиталистического способа производства.

Рассмотрим некоторые из них.

1. Товарно-фетишистские формы мышления объективно обусловлены, поскольку они являются отражением реально существующих фетишистских форм экономических отношений товарно-капиталистического хозяйства. Критикуя вульгарную буржуазную политическую экономию, в частности ее представления о труде как товаре и о «стоимости труда», К. Маркс писал: «...такие мнимые выражения возникают из самих производственных отношений»¹¹.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 86

¹¹ Там же, с. 547.

2. Поскольку товарно-фетишистские категории непосредственно фиксируют лишь вещную форму производственных отношений товарно-капиталистического хозяйства, постольку они порождают иллюзию о том, что свойства общественно-производственных отношений людей непосредственно проистекают из естественных свойств вещей и определяются ими (например, «власть денег» обуславливается якобы свойствами золота как металла).

3. Товарно-фетишистские категории полностью искажают сущность социально-экономических явлений. К. Маркс в данной связи писал: «Это — категории для форм проявления существенных отношений. Что вещи в своем проявлении часто представляются в извращенном виде, признано как будто во всех науках, за исключением политической экономии»¹².

4. Объективная обусловленность товарно-фетишистских форм определяется характером производственных отношений капитализма и способностью данных форм к самовоспроизведению. Подчеркивая существенное различие между категориями, отражающими внешнюю видимость экономических явлений и раскрывающими их внутренние, закономерные связи, К. Маркс писал: «Первые непосредственно воспроизводятся сами собой, как ходячие формы мышления, вторая может быть раскрыта лишь научным исследованием»¹³.

5. Важнейшим свойством товарно-фетишистских форм мышления является то, что они совпадают с обыденным сознанием, непосредственно воспринимающим лишь внешнюю, обманчивую, вещную форму экономических процессов и явлений, что в значительной мере облегчает распространение вульгарных представлений о природе таких явлений и процессов при капитализме.

6. Поскольку вся система капиталистических производственных отношений выступает в превращенных формах, которые искажают их социально-экономическую сущность, постольку и товарно-фетишистские формы мышления приобретают известные свойства системы, что способствует формированию определенной системы вульгарно-апологетических воззрений буржуазной политической экономии. Отмечая данную особен-

¹² Там же.

¹³ Там же, с. 552.

ность товарного фетишизма, К. Маркс писал: «Так как на одном полюсе цена рабочей силы выступает в превращенной форме заработной платы, то на противоположном полюсе прибавочная стоимость выступает в превращенной форме прибыли»¹⁴.

Глубокое раскрытие К. Марксом закономерностей развития буржуазного экономического мышления явилось, как известно, существенной предпосылкой его критического анализа буржуазной политической экономии. Знание «объективных мыслительных форм», свойственных капиталистическому способу производства, обеспечивает подлинно научный характер такой критики.

В данной связи возникает вопрос, происходят ли в современных условиях какие-либо изменения в «объективных мыслительных формах» капиталистического способа производства?

По нашему мнению, можно выделить по крайней мере два основных направления.

Во-первых, это дальнейшее развитие товарно-фетишистских форм в связи с возникновением ряда новых явлений как в производительных силах, так и в производственных отношениях капитализма в условиях научно-технической революции и государственно-монополистического капитализма. Примером тому может служить появление теории «человеческого капитала». Ее сторонники изображают изменения, которые происходят в потребительной стоимости товара рабочая сила: рост уровня квалификации рабочих, их общеобразовательной подготовки, возрастание сложности их труда. Таким образом, изменения в рабочей силе как элементе производительных сил, представленных в качестве перемен в капиталистических производственных отношениях, приводят к возникновению у рабочих якобы особого рода капитала, а именно человеческого капитала.

Апологетическая и антинаучная сущность теории «человеческого капитала» очевидна, поскольку она основана на подмене категории производственных отношений категориями производительных сил и направлена к оправданию эксплуататорской сущности капиталистической системы. Теория «человеческого капитала»

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I, с. 44.

опирается на те аспекты производительных сил¹⁵, которые отображают вещную форму производственных отношений капитализма¹⁶.

Следовательно, основой фетишизации отношений капиталистической эксплуатации в подобного рода теориях выступают не технико-экономические свойства производительных сил (в данном случае — рабочей силы), а их социально-экономические свойства (в качестве вещной формы проявления капиталистических отношений производства).

Во-вторых, возникновение новых форм фетишизации развитых капиталистических производственных отношений, отличных от товарно-фетишистских форм.

Примером тому могут служить концепции современного институционализма: «индустриальное общество», «зрелая корпорация», «техноструктура», «планирующая система» и т. п., которые выполняют определенные — как идеологические, так и хозяйственно-практические — функции в системе современной буржуазной политической экономии.

В основе этих концепций лежат такие явления производительных сил и их организационных форм, как рост концентрации производства, существенное возрастание роли науки в современном производстве, увеличение доли и масштабов сферы услуг, изменения в управлении капиталистическим производством, которые изображаются в качестве коренных изменений в самой природе капиталистических производственных отношений в направлении развития «индустриального», «постиндустриального», «посткапиталистического» общества и т. д.

Представляется недостаточным рассматривать данные концепции как проявление технологического детерминизма, хотя они и являются его ярким выражением. Дело в том, что технологический детерминизм — это особая форма ненаучного метода буржуазной политической экономии, который сам нуждается в объяснении. Вопрос состоит в том, на чем же основывается сам тех-

¹⁵ Ведь именно потребительная стоимость рабочей силы — важнейший элемент производительных сил общества — изображается в качестве «человеческого капитала».

¹⁶ Ведь именно потребительная стоимость рабочей силы, ее способность к труду и выступает в качестве вещной формы проявления переменного капитала, создающего капиталисту прибавочную стоимость.

нологический детерминизм, на какие объективные мыслительные формы капиталистического способа производства он опирается?

С нашей точки зрения, появление отмеченных выше концепций институционализма представляет собой отражение изменений, происходящих именно в объективных мыслительных формах капитализма и связанных с существенным возрастанием роли производительной формы промышленного капитала в современных условиях. С одной стороны, для современного капитализма, как это отмечал еще В. И. Ленин, характерен подрыв товарных отношений в связи с ростом капиталистического обобществления экономики, монополизации и огосударствления, ее милитаризации. С другой стороны, для современного капитализма характерно и возрастание роли производительной формы промышленного капитала в связи с осуществлением научно-технической революции, автоматизацией, кибернетизацией и роботизацией производства, ведущих к существенному возрастанию технического строения капитала.

На этой основе и возникают изменения в объективных мыслительных формах капиталистического способа производства, которые можно было бы назвать производственным фетишизмом. Его свойства непосредственно не связаны с товарной формой продукта. Они порождены производительной формой промышленного капитала, тогда как товарно-фетишистские формы типичны для всей системы вещных проявлений производственных отношений капитализма как в сфере производства, так и в сфере распределения и обращения. Именно на основе производственного фетишизма возникли такие формы апологетических концепций, как «индустриальное» общество, «вторая промышленная революция», «тройственная революция».

Важно отметить и другое отличие категорий производственного фетишизма от категорий товарного фетишизма. Если последние опираются на вещные элементы производительных сил в их роли внешнего проявления производственных отношений капитализма (так, машина, которая при капитализме является одной из вещных форм капитала, изображается в качестве источника капиталистической прибыли), то категории производственного фетишизма базируются на вещных элементах производительных сил как таковых, из

свойств которых (например, крупные масштабы современного машинного производства, широкое применение научных открытий в производстве, связанное с научно-технической революцией развитие общественного разделения труда и т. п.) пытаются непосредственно вывести буржуазные теоретики и объяснение социально-экономической сущности различных экономических явлений капитализма, а также всего буржуазного общества в целом и тенденций его развития. Естественно, что и в том и в другом случае социально-экономическая сущность общественно-производственных отношений искажается и фальсифицируется¹⁷.

Вместе с тем производственный фетишизм, как и фетишизм товарный, порожден господством капиталистических производственных отношений над непосредственными производителями, над членами буржуазного общества, хотя внешне дело представляется таким образом, что речь идет о господстве современной техники над человеком. По этой причине производственный фетишизм, как и фетишизм товарный, представляет собой исторически преходящее явление капиталистического общества, которое устраняется с ликвидацией буржуазных отношений.

Исследование проблемы изменений в объективных мыслительных формах капиталистического способа производства представляется весьма важным для критики современной буржуазной политической экономии, выявления ее антикоммунистической направленности, для разработки научных основ стратегии идеологической борьбы с империализмом.

В главном научном труде К. Маркса, в «Капитале», подзаголовок которого, как известно, говорит о направленности этого труда на «критику политической экономии», учение о двойственном характере труда рассматривается в качестве отправного пункта, «от которого зависит понимание политической экономии»¹⁸. В письме к Ф. Энгельсу, написанном по поводу завершения подготовки к публикации I тома «Капитала», К. Маркс отмечал: «Самое лучшее в моей книге: 1) подчеркнутый уже в *первой* главе *двойственный характер труда*, смотря по тому, выражается ли он в потребительной или в

¹⁷ См.: Вопросы экономики, 1975, № 1, с. 94—104.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 50.

меновой стоимости...» К. Маркс дает такую оценку концепции двойственного характера труда, которой не удостоена никакая другая часть его теоретической системы, а именно: «...на этом основывается *все* понимание фактов»¹⁹.

Отсюда следуют по крайней мере два важных вывода. Во-первых, учение К. Маркса о двойственной природе труда, содержащегося в товарах, не является концепцией конкретно-экономической дисциплины — экономики труда, хотя оно существенно важно и для нее. Данное учение — важнейший методологический принцип марксистско-ленинской политической экономии, на котором базируется подлинно научное понимание экономических явлений и процессов. Во-вторых, учение о двойственном характере труда представляет по этой причине действенное средство научной критики буржуазной политической экономии.

На чем же основана столь высокая методологическая значимость концепции К. Маркса о двойственной природе труда товаропроизводителя?

Как известно, труд составляет главное содержание экономической жизни общества. По этой причине все экономические категории, которыми оперирует политическая экономия, представляют собой — непосредственно или опосредованно — лишь различные выражения человеческого труда — живого или овеществленного (его функционирование, следствия и результаты, содержание, его социально-экономическая форма и т. п.).

Между тем, как установил К. Маркс, труд товаропроизводителей по своей природе двойственный. Он выступает, с одной стороны, как полезная, целесообразная форма трудовой деятельности человека (конкретный труд), а с другой — как затрата человеческой рабочей силы в физиологическом смысле (историческая форма этой стороны труда, характерная для условий товарного производства, выступает, как показал К. Маркс, в качестве абстрактного труда).

Если труд лежит в основе всех экономических процессов и явлений, выступая как двойственный феномен, то отсюда следует, что все экономические явления и процессы товарного хозяйства по своей природе также двойственны. С одной стороны, все они представляют

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 31, с. 277.

различные проявления конкретного труда, а с другой — одновременно и процессов абстрактного труда, которые в противоречивом единстве составляют всю совокупность экономических процессов и явлений товарного (капиталистического) хозяйства.

При этом под процессами конкретного труда понимается вся совокупность экономических явлений, непосредственно связанных с его функционированием. Таковы, например, «процесс труда» как процесс создания потребительной стоимости; «потребительная стоимость» товара как результат функционирования конкретного труда; «факторы процесса труда» как процесса создания потребительной стоимости, приводимые в движение конкретным трудом; «процесс перенесения старой стоимости» со средств производства на новый товар, осуществляемый конкретным трудом, и т. п. Соответственно процессами, вытекающими непосредственно из абстрактного труда, выступают такие явления, как, например, «стоимость» товара как результат функционирования абстрактного труда; «процесс создания стоимости» товара; «процесс увеличения стоимости» как процесс производства прибавочной стоимости прибавочным абстрактным трудом и т. п.

Разумеется, во всех этих случаях речь идет лишь о неразрывно связанных между собой сторонах экономических явлений товарно-капиталистического хозяйства, поскольку процессы абстрактного труда не существуют отдельно от соответствующих процессов конкретного труда, как, впрочем, и последние находятся в органической связи с первыми. Однако в теоретическом анализе разграничение этих сторон обязательно (например, стоимости и потребительной стоимости товара), поскольку закономерности их движения далеко не всегда совпадают.

Марксистская политическая экономия, опирающаяся на концепцию двойственной природы труда, получила в свои руки мощное методологическое средство, позволяющее открыть двойственный характер всех явлений и процессов капиталистической экономики, провести четкое разграничение между их содержанием и общественной формой, а в конечном счете раскрыть антагонистическую сущность и исторически преходящий характер капиталистического способа производства.

Буржуазные экономисты стремятся к тому, чтобы

на всех уровнях процесса познания скрыть наличие основного противоречия капитализма, углубление которого определяет историческую обреченность данного способа производства. По этой причине они не различают конкретный и абстрактный труд, более того, в апологетических целях они, как правило, смешивают процессы конкретного и абстрактного труда. Отождествление этих процессов К. Маркс рассматривал в качестве важнейшего признака вульгарной политической экономии. Он писал: «К отождествлению потребительной стоимости и меновой стоимости — вот к чему... приходит в конце концов эта вульгаризация взглядов Рикардо, которую мы поэтому должны рассматривать как последнее и самое грязное выражение разложения школы как школы»²⁰.

К. Маркс дал непревзойденные образцы критики буржуазной политической экономии с позиции учения о двойственной природе труда, доказав полную несостоятельность теорий «последнего часа» Н. Сениора, «меновой концепции», «факторов производства» и многих других.

К. Маркс доказал, что в основе «меновой концепции», пытающейся объяснить происхождение прибавочной стоимости из процесса обращения товаров, лежит смешение потребительной и меновой стоимости. Меновой акт, будучи двойственным явлением, выступает, с одной стороны, как обмен качественно различных потребительных стоимостей, в ходе которого отчуждаются бесполезные для участников обмена потребительные стоимости и приобретаются необходимые. С другой стороны, меновой акт выступает как изменение формы стоимости обмениваемых товаров, которое не содержит в себе изменения величины их стоимости. «...Если в отношении потребительной стоимости, — пишет К. Маркс, — оба контрагента могут выиграть, то на меновой стоимости они не могут оба выиграть»²¹.

Критикуя теорию «факторов производства», К. Маркс отмечал, что она основана на отождествлении процесса труда как процесса создания потребительной стоимости и увеличения стоимости как процесса производства прибавочной стоимости. Факторы процесса труда —

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III, с. 189.

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 169.

конкретный труд, средства производства и природа, выступающие лишь в роли источников потребительной стоимости, изображаются сторонниками теории «факторов производства» в качестве трех самостоятельных источников стоимости. В действительности же ее источником является абстрактный труд. Именно на этой подмене и основывается ложное утверждение пропагандистов данной теории об отсутствии эксплуатации рабочего класса буржуазией.

С позиции учения о двойственном характере труда К. Маркс подвергал уничтожающей критике буржуазные теории, преследующие не только идеологические, но и непосредственно практические цели. Одна из них — концепция «последнего часа» Н. Сениора, направленная против законодательного ограничения продолжительности рабочего дня. Как известно, Сениор утверждал, что рабочие одну часть рабочего дня тратят на перенесение старой стоимости со средств производства на новый товар, а другую — на создание новой стоимости, в том числе и «чистой прибыли» в течение одного часа. К. Маркс убедительно доказал, что двойственность процесса формирования стоимости товара — создание новой стоимости и перенесение старой — есть следствие двойственной природы труда. Поэтому нет никаких оснований для включения в структуру рабочего дня времени перенесения старой стоимости наряду со временем создания новой стоимости, поскольку оба этих процесса совершаются одновременно: первый — трудом конкретным, второй — трудом абстрактным²².

В силу своей апологетической сущности теория «факторов производства» в различных формах широко пропагандируется современной буржуазной экономической литературой. Американский экономист П. Дракер, например, рассматривает в качестве «основного принципа» положение о том, что источником стоимости товара является так называемая «производительность». Он пишет: «... производительность, то есть знание, примененное к ресурсам посредством человеческого труда, является источником всей экономической стоимости»²³.

Между тем «производительность» является источником лишь потребительной стоимости товаров, а не стои-

²² См. там же, с. 236—237.

²³ The Public Interest, Special Issue, 1980, p. 17.

мости. Знание, примененное к ресурсам посредством человеческого труда и воплощенное, например, в автоматических машинах, ведет к увеличению массы производимых потребительных стоимостей и снижению стоимости единицы товара.

Марксова концепция двойственного характера труда и основанное на ней учение о двойственности методов подчинения труда капиталу — формального и реального — позволяют раскрыть важные аспекты антинародной экономической политики монополистического капитала и оправдывающей ее экономической теории неоконсерватизма.

Как известно, двойственность форм подчинения труда капиталу вытекает из двойственности капиталистического способа производства как диалектического единства производительных сил и эксплуататорских производственных отношений. По этой причине она имеет место на всех этапах развития капитализма, что вовсе не исключает, а предполагает изменения относительной роли этих методов. В самом деле, под формальным подчинением труда капиталу понимается вся совокупность экономических средств порабощения рабочих буржуазией, которые непосредственно вытекают из социально-экономической формы капиталистического производства, из отношений капиталистической эксплуатации²⁴. В то же время реальное подчинение труда капиталу представляет собой все те отношения зависимости рабочего класса от буржуазии, которые складываются в процессе производства потребительных стоимостей, осуществляющегося в капиталистической форме. В этих условиях различные проявления развития производительных сил — углубление разделения труда, рост производительной его силы — выступают как различные проявления возросшей силы капитала, усиления реального подчинения труда капиталу²⁵.

Наиболее ярко в политике неоконсерватизма проявляется стремление к усилению формального, а не только реального подчинения труда капиталу. Выступая под флагом обеспечения «экономической свободы», отстаивая необходимость урезывания социальных расходов, поскольку они якобы ослабляют экономическую актив-

²⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 49, с. 80, 89.

²⁵ См. там же, с. 66—98.

ность, подавляя деятельность профсоюзов, неоконсерваторы фактически ратуют за усиление прежде всего формального подчинения труда капиталу. Западногерманский экономист П. Кальбах, профессор Бременского университета, писал, что, как показывает развернутая неоконсерваторами кампания против социального государства (а конкретнее — против утвердившейся практики обеспечения безработных), они фактически выступают против мер по обеспечению и защите прав работников наемного труда²⁶.

Важную роль в усилении подчинения труда капиталу играет проводимая неоконсерваторами политика, направленная на возрастание безработицы. В данной связи обращает на себя внимание высказывание английского экономиста Д. Грала о соотношении таких инструментов экономической политики, как количество денег в обращении и динамика безработицы, предлагаемых сторонниками монетаристского направления. Реальная монетаристская политика никогда не ставила в центр «количество денег»; сущность практического монетаризма состоит в том, что он признает безработицу инструментом экономического контроля²⁷.

Политика неоконсерватизма нацелена на то, чтобы превратить рабочего в «экономического человека» — безропотный винтик стихийно-рыночного механизма, бессловесный объект капиталистической эксплуатации, отравленный ядом национализма и религиозным дурманом. Шведский экономист С.-Э. Лидман констатирует, что обычный работник должен быть, по их убеждению, «экономическим человеком» в супермаркете, националистом в национальных вопросах и верующим, чтобы покорно подчиняться чуждому ему порядку²⁸.

Игнорирование различий между процессами конкретного и абстрактного труда в современной буржуазной политической экономии нередко приводит к разногласиям между буржуазными экономистами. Достаточно в этой связи указать на критику сторонниками посткейнсианства теории общего равновесия. Американский экономист П. Дэвидсон в работе «Посткейнсианская школа — выход из кризиса в экономической тео-

²⁶ Gewerkschaftliche Monatshefte, 1985, N 5, S. 268.

²⁷ Marxism today, 1984, March, p. 6.

²⁸ Das Argument, 1982, N 134, S. 503.

рии» упрекает неоконсерваторов в том, что они, игнорируя распадение товарного мира на товары и деньги, затушевывают противоречия капиталистической экономики. Согласно теории общего равновесия, пишет П. Дэвидсон, расходы каждого индивида должны быть равны объему его одновременных продаж. Проблема ликвидности в неоклассических моделях не возникает, поскольку они фактически являются бартерными системами, в которых товар оплачивается товаром по существующим равновесным ценам. В такой системе логически нет места для института денег, для денежной цены или будущих, заранее неопределенных событий²⁹.

К экономическим явлениям современного капитализма, характеризующегося высоким уровнем развития финансового капитала, неоконсерваторы нередко применяют мерку меновой торговли (формулу $T_1 - T_2$, «закон Сэя»). При этом они игнорируют тот факт, что уже многие тысячелетия назад возникли деньги как самостоятельное бытие стоимости, материализация абстрактного труда, противостоящая товарам как воплощению потребительной стоимости, продукта конкретного труда.

Теория общего равновесия включает в себя и другие, не столь непосредственные формы отождествления спроса и предложения, денег и товаров — этих специфических форм проявления процессов абстрактного и конкретного труда. Профессор М. Фридман, поясняет П. Дэвидсон, допускает, что легко воспроизводимые товары являются хорошей заменой денег³⁰. Такая позиция, как и первая, исключает признание даже абстрактной возможности экономических кризисов, а потому и вступает в противоречие с реальной капиталистической действительностью.

Одно из центральных положений монетаризма как составной части неоконсервативной теории представляет собой утверждение о том, что общее количество обращающихся денег оказывает определяющее воздействие на хозяйственную конъюнктуру³¹. Подобное утверждение в методологическом отношении недалеко ушло от «закона Сэя». Дело в том, что данная позиция при анализе современного капитализма фактически исходит

²⁹ The Public Interest, Special Issue, 1980, p. 165.

³⁰ Ibidem.

³¹ См.: Современная экономическая мысль. Пер. с англ. М., 1981, с. 366.

из формулы простого товарного обращения ($T_1—D—T_2$) и сводится к обмену потребительными стоимостями, где целью является потребление. Таким образом, маскируется форма капитала: $D—T—D$, содержанием которой является самовозрастание стоимости, эксплуатация рабочего класса, а целью — прибавочная стоимость.

Эта точка зрения крайне упрощенно трактует причины экономических кризисов при капитализме. По утверждению одного из теоретиков монетаризма, американского экономиста К. Уорбертона, всякому экономическому кризису предшествует период недостаточного роста денежной массы в обращении. Именно обеспечение устойчивого роста количества обращающихся денег является решающим средством сохранения полной занятости, бескризисного развития и ликвидации инфляции. М. Фридман и другие представители монетаризма утверждают, что катастрофического экономического кризиса 30-х годов можно было бы избежать, если бы Совет управляющих Федеральной резервной системы не совершил ряда грубейших ошибок³².

Несостоятельность данной методологической позиции монетаризма в известной мере раскрывается в работах ряда буржуазных экономистов. Так, американский экономист Х. Минский отмечает, что «монетаристский подход основан... на ошибочной характеристике институциональных отношений, господствующих в той экономике, которая нам досталась»³³. Он считает, что к капиталистическому хозяйству, основанному на использовании капитала и располагающему развитой финансовой системой, неприменимы критерии «деревенской ярмарки». «Если речь идет о такой экономике, то значение денег во всем... объеме не может быть ограничено рамками кривой спроса и сведено к операциям какого-то «оценщика» («marker»), услуги которого призваны облегчить обмен товарами на так называемой «деревенской ярмарке»»³⁴.

П. Дракер в статье «К новой экономической науке», опубликованной в специальном выпуске журнала «Публик интерес», целиком посвященном проблеме кризиса буржуазной экономической теории и возможных пу-

³² См. там же, с. 369, 370, 376.

³³ Там же, с. 430.

³⁴ Там же, с. 431.

тей ее «обновления», писал, что центральное место в ней будет также занимать такая, возможно, даже еще более спорная проблема, как взаимосвязь между «реальной экономикой вещей» — товаров, ресурсов, труда и «символической экономикой» — денег и кредитов. Сейчас не может быть и речи о том, чтобы по-прежнему отрицать «символическую экономику», ввиду того что она является прикрытием реальной экономики³⁵.

Такого рода признания весьма симптоматичны. Однако буржуазные теоретики весьма далеки от понимания как объективного характера и масштабов отождествления процессов конкретного и абстрактного труда, так и его значения для дальнейшего углубления кризиса в буржуазной политической экономии.

Важную роль учение о двойственном характере труда играет и в борьбе против различных форм фальсификации экономической теории марксизма. Разумеется, о действительном характере той или иной теории можно судить только на основе анализа всей совокупности ее содержания, методологии, рекомендаций экономической политике, политической направленности. В этом контексте в качестве одного из характерных признаков экономической теории марксизма выступает ее методология, примененная для анализа экономических процессов капитализма. Учение Маркса о двойственной природе труда явилось «отправным пунктом» в исследовании каждого экономического явления и всей системы капитализма в целом. Попытка представить марксистскую экономическую теорию без учета этого учения свидетельствует о той или иной форме ее фальсификации. С этой точки зрения следует рассматривать экономические концепции «неорикардизма» и «неомарксизма», поскольку типичным для них является отождествление процессов конкретного и абстрактного труда. Так, концепция П. Сраффы о «датированном» труде фактически представляет собой попытку приписать конкретному труду функции труда абстрактного и тем самым фальсифицировать трудовую теорию стоимости, отрицания ее методологического значения при исследовании экономических явлений современного капитализма³⁶.

³⁵ The Public Interest, Special Issue, 1980, p. 16.

³⁶ См.: *Шемятенков В. Г.* Теории капитала. М., 1977, гл. IV, § 5; *Осадчая И. М.* Консерватизм против реформизма. Две тенденции в

Английский экономист Я. Свидмен в работе «Маркс после Сраффы» утверждал, что анализ капиталистической экономики можно осуществлять в натуральных величинах, что ни одна стоимостная величина не имеет ни малейшего отношения к этому определению. Отсюда следует, что те, кто работает над материалистическим объяснением капиталистической экономики, должны отказаться от стоимостного анализа Маркса³⁷.

Данная позиция в методологическом отношении несостоятельна. Анализировать капиталистическую экономику только с позиции потребительной стоимости товара при игнорировании стоимостных отношений невозможно. Как можно понять сущность и процесс возникновения денег, игнорируя стоимость товара, развитие противоречий между стоимостью и потребительной стоимостью? Как можно раскрыть природу капитала — этой самовозрастающей стоимости — вне теории стоимости?

На все такого рода вопросы у «неорикардянцев» и «неомарксистов» не существует сколько-нибудь ясного ответа.

История борьбы буржуазной политической экономии против марксистской показывает, что фальсификация трудовой теории стоимости, как правило, не являлась самоцелью. Фактически делались попытки подорвать в своей основе научный подход к исследованию объективных законов капитализма, прежде всего закона прибавочной стоимости, раскрывающего антагонистическую, эксплуататорскую сущность капиталистического способа производства.

Именно так обстоит дело и в разработке «новой теории эксплуатации», не опирающейся на «стоимостной анализ Маркса». Английский экономист Дж. Козн в работе «Трудовая теория стоимости и концепция эксплуатации», характеризуя только одну сторону капиталистического производства — процесс создания потребительной стоимости и умалчивая о другой стороне — процессе увеличения стоимости, писал о рабочем следующее: «Он производит продукт. Он не создает стоимость, но производит нечто, имеющее стоимость. Обви-

буржуазной политэкономии. М., 1984, гл. 3; Афанасьев В. С. Этапы развития буржуазной политической экономии. Очерк теории. М., 1985, гл. 3, § 5.

³⁷ Stedmann J. Marx after Sraffa. London, 1977, p. 27.

нение в эксплуатации основывается не на том, что капиталисты получают кое-что из стоимости того, что производит рабочий. Производят ли рабочие стоимость или нет, они во всяком случае производят продукт — тот продукт, который обладает стоимостью»³⁸.

По Дж. Коэну, эксплуатация труда капиталом вполне может быть объяснена и без трудовой теории стоимости. Не трудовая теория стоимости является реальным обоснованием марксистского объяснения эксплуатации, а та довольно очевидная истина, что труд создает нечто, имеющее стоимость³⁹.

Эксплуатацию труда капиталом он понимает таким образом, что рабочий — единственный, кто создает продукт, имеющий стоимость. Капиталист получает часть стоимости продукта. Рабочий получает меньшую стоимость, нежели стоит то, что он произвел, а капиталист получает часть стоимости того, что произвел рабочий. Рабочий эксплуатируется капиталистом⁴⁰.

Позиция Дж. Коэна затушевывает сущность эксплуатации труда капиталом, ее объективную неизбежность, поскольку действительно игнорирует трудовую теорию стоимости. В самом деле, почему рабочий «получает меньшую стоимость, нежели стоит то, что он произвел» и какова эта часть стоимости, получаемая рабочим, чем она определяется? Ясно, что он получает ту часть созданной им стоимости, которая соответствует стоимости рабочей силы. Между тем вся стоимость, созданная рабочим за определенный период, превышает (в современных условиях — в несколько раз) стоимость рабочей силы за этот же период. Отсюда видно, что без трудовой теории стоимости, без разграничения стоимости, создаваемой рабочим, и стоимости рабочей силы невозможно объяснить процесс эксплуатации труда капиталом, которая выступает в данной трактовке как некая произвольная и случайная недоплата рабочим за их «труд», вполне устранимая в рамках капитализма. Подобная мелкобуржуазная позиция ведет свое начало еще от Прудона.

Хорошо известно, что продукт, т. е. потребительная стоимость, создается не только трудом, но и средства-

³⁸ The Value Controversy. London, 1981, p. 218.

³⁹ Ibid., p. 221.

⁴⁰ Ibid., p. 219.

ми производства, в том числе силами природы, не участвующими в процессе создания стоимости товара. Данная точка зрения Дж. Коэна весьма близка к позиции Готской программы, подвергнутой в свое время К. Марксом уничтожающей критике. Рассматривая тезис Готской программы о том, что «труд есть источник всякого богатства...», К. Маркс писал: «Труд *не есть источник* всякого богатства. *Природа* в такой же мере источник потребительских стоимостей (а из них-то ведь и состоит вещественное богатство!), как и труд, который сам есть лишь проявление одной из сил природы, человеческой рабочей силы»⁴¹.

Таким образом, попытка подменить стоимость потребительной стоимостью, отождествить тем самым абстрактный труд с конкретным приводит к вульгаризации экономической теории, преследующей цели затушевывания эксплуататорской, антагонистической сущности капитализма.

Не случайно американский ученый В. Перло относит такого рода позиции к «версиям марксизма», которые способствуют достижению классовых целей монополистического капитализма.

Анализ показывает, что обусловленное классовой сущностью буржуазной политической экономии отождествление процессов конкретного и абстрактного труда, начиная с его элементарной формы — отождествления потребительной стоимости и стоимости товара — и кончая отождествлением производительных сил и производственных отношений в целом, пронизывает всю систему категорий современной буржуазной политической экономии. По этой причине Марксова концепция двойственной природы труда, являющаяся отправным пунктом научного анализа капитализма, выступает вместе с тем важнейшим методологическим средством борьбы с современной буржуазной политической экономией.

* * *

В критическом анализе буржуазной политической экономии необходимо четко различать внешнюю форму и действительно классовое содержание буржуазных экономических теорий. Однако дело в том, что далеко не всегда легко осуществить данное разграничение.

⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 13.

Изоощренно камуфлируя, неоконсервативное направление подчас вводит в заблуждение определенные слои рабочего класса капиталистических стран. В данной связи показательно заявление заместителя председателя фракции СДПГ в бундестаге В. Рота: «Когда я говорю с наемными рабочими, то у меня создается впечатление, что они подвержены влиянию неоконсервативных идей, хотя в силу своих социальных, можно сказать классовых, интересов они должны были бы обладать иммунитетом против них»⁴².

При этом характерно, что демагогическая форма той или иной буржуазной теории разрабатывается с учетом наиболее острых, насущных потребностей, интересов и устремлений трудящихся масс, прежде всего рабочего класса. В теории Кейнса такова проблема ликвидации безработицы, которая остро встала в 30-х годах. Именно двойственность теорий кейнсианства — их нацеленность, с одной стороны, на обеспечение прибылей буржуазии и стабилизацию капитализма, а с другой — на изучение условий достижения полной занятости — и позволила английским лейбористам разработать на их основе «новую концепцию социализма», направленную на затушевывание реакционной сущности государственно-монополистического капитализма.

И в современных условиях проявляется своего рода закономерность, в соответствии с которой экономические теории правой социал-демократии пытаются приспособить требования крупного капитала к специфическим особенностям их пропаганды в среде рабочего класса. Так, например, С.-Э. Лидман в данной связи писал: «Даже многие социал-демократы, проводящие политику реформ, стали считать важнейшей экономической проблемой современности стимулирование рыночной экономики и снижение затрат на так называемый государственный сектор»⁴³.

Глубокое противоречие между внешней демагогической формой и сугубо реакционным содержанием характерно и для неоконсервативного направления. Выступая под флагом «обеспечения полной экономической свободы для всех», неоконсерватизм на деле направляет свои усилия как в теории, так и на практике на уси-

⁴² Die neue Gesellschaft, 1982, N 11, S. 1020.

⁴³ Das Argument, 1982, N 134, S. 495.

ление подчинения труда капиталу, разгром профсоюзного движения. Провозглашая защиту интересов беднейших слоев населения капиталистических стран, неоконсервативные теоретики и политики фактически форсируют наступление на экономические и политические права трудящихся масс, ведут дело к снижению их жизненного уровня. Перехватив у кейнсианства лозунг обеспечения «полной занятости», неоконсерватизм в действительности проводит политику наращивания безработицы, используя ее как средство усиления эксплуатации рабочего класса и наступления на его жизненные интересы.

Практика показывает, что неоконсервативная концепция служит теоретической основой наиболее реакционных, агрессивных кругов империализма, направляющих свои усилия на подавление рабочего и национально-освободительного движения, на активизацию агрессивного внешнеполитического курса, нацеленного против мировой социалистической системы. Цитированный выше С.-Э. Лидман отмечает: «...неолибералы критикуют все функции государственного сектора, кроме одной — функции подавления, репрессии... При анализе их взглядов становится ясно, что их выступления в защиту армии, капиталистического мирового господства, за подавление рабочего класса не случайны»⁴⁴.

Демагогическая форма неоконсервативной теории характеризуется по крайней мере следующими двумя особенностями: во-первых, мнимой направленностью на обеспечение «полной экономической свободы для всех» и, во-вторых, мнимой ориентацией экономической политики на достижение прогресса в интересах «всеобщего блага».

В действительности неоконсерватизм подчинен своекорыстным интересам крупнейших, прежде всего транснациональных, корпораций, не останавливающихся для достижения своих целей перед разрушением национальной экономики. Как отмечает президент Института экономических исследований в Западном Берлине Г. Ю. Крупп, неоконсерватизм привел к «разрушению значительной части английского производственного потенциала, массовой безработице, уничтожению социаль-

⁴⁴ Ibid., S. 502.

ных структур...»⁴⁵. Он обращает внимание на те опасности, к которым приведет политика неоконсерваторов, направленная на сокращение расходов на социальные нужды, на одностороннюю ориентацию регулирования денежной массы в обращении, на отказ от «политики занятости». Разрушительные последствия неоконсервативной экономической политики, продолжает он, тем более опасны, что они тщательно закамуфлированы и обнаруживают себя в полную меру, когда уже нанесен огромный ущерб национальной экономике. «Опасность неоконсервативных экспериментов состоит в том, что они обнаружат свою несостоятельность тогда, когда уже окончательно будет уничтожен производственный потенциал и разрушены социальные структуры, как показывает опыт Великобритании и США»⁴⁶. На это же указывает и известный американский экономист Дж. Гэлбрейт в статье с характерным названием «Выйти за рамки монетаризма и других иллюзорных теорий»: «В высокоорганизованном обществе монетарная политика срывается против инфляции. Но она срывается, как подсказывает нам сейчас опыт, неравномерно и порождает высокий и стойкий уровень безработицы и сильный спад деловой активности»⁴⁷.

Под флагом обеспечения «полной экономической свободы» неоконсерваторы фактически стремятся к тому, чтобы обеспечить крупнейшему монополистическому капиталу полную свободу наживаться за счет трудящихся масс. «Все неоконсервативные школы... — писал В. Рот, — исходят из того, что экономический рост автоматически начнется, если будут приняты всесторонние меры для улучшения возможностей получения прибыли...»⁴⁸

В эпоху научно-технических и социально-экономических перемен теории неоконсерватизма стремятся закамуфлировать свою глубоко реакционную классовую сущность, направленную на консервацию отживших свой век капиталистических производственных отношений. Они защищают интересы монополистического капитала, и прежде всего интересы военно-промышленного комплекса. Их лозунг — сохранение «культурных

⁴⁵ Die neue Gesellschaft, 1982, N 11, S. 1010.

⁴⁶ Ibid., S. 1010.

⁴⁷ The New York Review of Books, 1981, August 13, 19, p. 30.

⁴⁸ Die neue Gesellschaft, 1982, N 11, S. 1017.

традиций», необходимых как для научно-технического, так и для социального прогресса. Ю. Хабермас так характеризует эту сторону неоконсерватизма: «Неоконсервативное учение, которое в течение 70-х годов через прессу проникло в политическую жизнь, следует простой схеме. Современный мир считается миром технического прогресса и капиталистического роста; современна и желательна любая социальная динамика, которая в конечном счете защищает частные инвестиции; необходимо взять под защиту те мотивы, которые лежат в основе этой динамики. Опасность же исходит из культурных изменений, изменений мотивов и точек зрения... Поэтому по возможности следует тормозить развитие традиций»⁴⁹.

Таким образом, признается любой прогресс производительных сил, однако непременно в капиталистической форме; одобряется любая «социальная динамика», которая не выходит за рамки капитализма.

Неоконсервативная экономическая политика изображается как средство, «благоприятствующее обеспечению полной занятости», препятствующее «перераспределению средств от бедных к богатым», способствующее обеспечению эффективности производства и т. п.⁵⁰ Все эти меры должны способствовать стихийному развитию рыночных отношений, всемерному ограничению экономической роли государства. В действительности же неоконсерваторы лишь переориентируют государственную экономическую политику в направлении все более непосредственного ее подчинения интересам финансового капитала, все более активного наступления на жизненные позиции рабочего класса.

Следовательно, и неоконсерватизм, как в свое время кейнсианство, не просто выступает под демагогическим, фальшивым флагом, но и тщательно маскирует подлинный объект своей теоретической концепции.

⁴⁹ Ibid., S. 1028.

⁵⁰ Gewerkschaftliche Monatshefte, 1982, N 5, S. 271—273.

Методологические аспекты Марксовой критики буржуазной политической экономии

Критика современной буржуазной политической экономии имеет важнейшее значение как часть общей борьбы марксизма с буржуазной идеологией, отражающей на современном этапе «противоположность двух мировых систем — социализма и капитализма»¹. Огромную роль в этой связи играет изучение метода критики идеологов буржуазии, применявшегося Марксом в ходе разработки его экономической теории. К. Маркс показывает нам не только то, как бороться с буржуазной политической экономией с позиций революционного пролетариата, но как использовать ее «завоевания» в интересах самого передового класса современного общества.

Именно так подходил к критике буржуазных экономистов В. И. Ленин. Подчеркивая классовый характер политической экономии, называя буржуазных экономистов учеными «приказчиками» класса капиталистов, он в то же время ставил перед марксистами задачу «усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими «приказчиками»». В. И. Ленин замечал: «...вы не сделаете, например, ни шагу в области изучения новых экономических явлений, не пользуясь трудами этих приказчиков»². Изучение Марксовой методологии критического анализа буржуазной теоретической мысли вооружает марксистов-ленинцев способом познания глубинных экономических процессов.

Не ставя перед собой цели подробного рассмотрения указанной методологии, отметим ее наиболее актуальные черты, проиллюстрировав их характерными примерами из истории создания «Капитала».

Фундаментальная особенность творческого метода К. Маркса заключается в том, что критика буржуазной (а также мелкобуржуазной) политической экономии и выработка своей собственной теории всегда развивались у него во взаимной связи, составляя по существу единый процесс научного исследования. (Это единство

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. Новая редакция, с. 54.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 364.

отразилось, в частности, в двойном заголовке главного труда К. Маркса: «Капитал. Критика политической экономии»). Характеризуя свои экономические исследования, Маркс писал Ф. Лассалю: «Работа, о которой идет речь в первую очередь, — это *критика экономических категорий*, или, если угодно, система буржуазной экономики, критически представленная. Это одновременно изложение системы и критика ее в процессе изложения»³. К. Маркс подчеркивает здесь конструктивный характер своей критики, в ходе которой он теоретически преодолел фундаментальные недостатки предшествующих концепций, совершил в экономической науке революционный переворот, создал политическую экономию рабочего класса.

Марксова критика буржуазной политической экономии, развиваясь в процессе формирования его экономического учения, прошла в этом процессе три стадии. На первой стадии (40-е годы XIX в.) К. Маркс от отрицания всякого научного значения буржуазной политической экономии, в том числе и ее классической школы, перешел к осознанию последней в качестве источника своей собственной теории. На второй стадии (50-е — начало 60-х годов) было осуществлено теоретическое преодоление экономической концепции классической школы и как результат этого — формирование экономического учения К. Маркса уже в качестве составной части марксизма. Наконец, на третьей стадии (60-е годы) критический анализ буржуазной политической экономии занял свое место в логической структуре «Капитала» в качестве его завершающего, историко-критического раздела. По планам К. Маркса здесь должна была быть исследована *история политической экономии с середины XVII столетия*.

В первой половине 40-х годов в ходе критического анализа истории буржуазной политической экономии К. Маркс постепенно пришел к выводу о том, что обобщенным выражением экономических процессов в буржуазном обществе является разработанная классиками буржуазной политической экономии трудовая теория

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 449. В издании: Маркс К., Энгельс Ф. Письма о «Капитале» (М., 1968) — дан более точный перевод: «Критика ее, даваемая самим изложением» (с. 128); в оригинале «durch die Darstellung Kritik desselben» (Marx-Engels Werke, Bd 29, S. 550).

стоимости, выдвигающая труд, «социально определенную *человеческую деятельность*, в качестве единственного источника стоимости»⁴. Вывод этот был четко сформулирован им в 1847 г. в «Нищете философии»: «Теория стоимости Рикардо есть научное истолкование современной экономической жизни»⁵.

В конце 40-х — начале 50-х годов К. Маркс вполне осознал и другой важнейший результат, полученный буржуазными экономистами-классиками, — постановку вопроса о необходимости объяснения прибавочной стоимости в рамках трудовой теории стоимости. Центральной задачей этой теории является распространение ее на отношения между трудом и капиталом, выяснение механизма капиталистической эксплуатации на основе обмена эквивалентов. Буржуазная политическая экономия сумела лишь поставить эту задачу. Ее решение Марксом и означало теоретическое преодоление предшествующих концепций, формирование качественно нового, специфически марксистского экономического учения.

В своей знаменитой статье «Три источника и три составных части марксизма» В. И. Ленин охарактеризовал экономическое учение Маркса как «прямое и непосредственное *продолжение*» учения величайших представителей буржуазной политической экономии, прежде всего А. Смита и Д. Рикардо. В этом факте В. И. Ленин видел проявление антисектантского характера марксизма, давшего ответ на вопросы, уже поставленные передовой мыслью человечества⁶.

Наиболее существенной заслугой буржуазной политической экономии в лице ее классической школы было стремление «понять внутреннюю связь явлений», «понять внутреннюю связь целого в отличие от многообразия форм проявления»⁷. Это нашло свое выражение прежде всего в разработке трудовой теории стоимости.

Уже простая констатация того, что источником стоимости является человеческий труд, составила эпоху в истории политической экономии. Но классическая школа продвинулась значительно дальше, она вплот-

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III, с. 185.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 86.

⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 40.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III, с. 471, 525.

ную подошла к пониманию двойственного характера труда и продукта труда в капиталистическом обществе. «Сведение товара к труду в его двойственной форме... — отмечал К. Маркс, — есть конечный критический результат более чем полуторавековых исследований классической политической экономии»⁸. К. Маркс неоднократно констатировал фактическое различие в теории Рикардо двойственного характера труда⁹. Подобные высказывания К. Маркса не означают, что Д. Рикардо принадлежит заслуга открытия двойственного характера труда. К. Маркс, говоря его собственными словами, различал у Д. Рикардо то, чего сам Д. Рикардо не различал. Да и смешение абстрактного и конкретного труда в теории Д. Рикардо настолько преобладало над разграничением этих категорий, что вульгарные экономисты впоследствии вообще отождествили потребительную и меновую стоимость. Но тем не менее классическая школа сумела — хотя и неосознанно — нащупать двойственную природу труда в буржуазном обществе. Эта линия анализа была непосредственно продолжена в теории стоимости К. Маркса.

Уже в 1851 г., конспектируя работу Д. Рикардо «О началах политической экономии и налогового обложения», К. Маркс выделяет в качестве важного аспекта теории стоимости, не учитывавшегося в теории Д. Рикардо, проблему обмениваемости товара, то обстоятельство, что *«обмен является существенным условием... определения»* стоимости, открывающим *«возможность реализации стоимости товара»*. Только обмениваемость превращает продукт труда в стоимость¹⁰. Эти положения фиксируют генезис Марксова учения о меновой стоимости как необходимой форме стоимости товара, о специфической природе общественного труда, создающего товар.

Разработку своей теории стоимости от внешнего проявления (деньги как наиболее развитая форма стоимости) к внутренней сущности явлений (стоимость) К. Маркс осуществил в рукописи 1857—1858 гг., критикуя прудонистскую теорию денег. «...Мы исходим из меновой стоимости, или менового отношения товаров, —

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 38—39.

⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. II, с. 179; ч. III, с. 184—185.

¹⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 44, с. 110, 132.

писал впоследствии К. Маркс, — чтобы напасть на след скрывающейся в них стоимости»¹¹. При этом К. Маркс начал не с критики количественной теории денег Д. Рикардо, а с мелкобуржуазной теории Прудона, которая представляла собой лишь доведенную до абсурда буржуазную трактовку денег и денежного обращения. Причина этого заключалась в том, что в связи с экономическим обоснованием неизбежности революционного свержения капитализма очень важно было дать детальную критику реформистских иллюзий мелкобуржуазных социалистов относительно возможности неревolutionного перехода к социализму. Необходимо было также опровергнуть тезис прудонистов о том, что путем реформы денежного обращения и банков можно уничтожить антагонистические противоречия капитализма и непосредственно заменить этот строй социализмом.

Критика прудонистской концепции реформирования буржуазного общества была дана уже в «Нищете философии», но там К. Маркс в основном еще опирался на воззрения Рикардо. В процессе разработки своей теории в рукописи 1857—1858 гг. К. Маркс показал, что антагонистический характер капиталистических противоречий «не может быть взорван путем тихой метаморфозы»¹², что попытки прудонистов сконструировать социализм на базе буржуазной экономики, лишь исправив ее «недостатки», являются вредной утопией, дезорганизующей рабочий класс, мешающей ему осознать необходимость социалистической революции. (Заметим попутно, что критика прудонизма оставалась для К. Маркса актуальной задачей и в дальнейшем.)¹³

Процесс исследования в данной рукописи открывается подробным разбором вышедшей за год перед этим книги прудониста Даримона «О реформе банков». Причины экономических кризисов, трудностей процесса реализации товаров в буржуазном обществе прудонисты видели в привилегированной роли золота и серебра по сравнению с другими товарами. Заменяв золотые и серебряные деньги «рабочими деньгами», «часовыми бонами» — квитанциями, удостоверяющими количество проработанных часов и непосредственно выражающими

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 56.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 102—103.

¹³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 31, с. 456.

затраченный труд, прудонисты намеревались устранить указанные привилегии золота и серебра, придать каждому товару форму непосредственной обмениваемости. Практической мерой, позволяющей провести в жизнь концепцию «рабочих денег», прудонисты считали банковскую реформу, которая, по мысли прудонистов, «создала бы совершенно новые условия производства и общения»¹⁴, т. е. по существу превратила бы буржуазное общество в социалистическое. Это противоречило одному из фундаментальных положений материалистического понимания истории, примату общественного производства по отношению к распределению, обращению и потреблению. Именно так и ставит проблему К. Маркс: «В общем виде вопрос заключается в следующем: возможно ли путем изменения орудия обращения — организации обращения — революционизировать существующие производственные отношения и соответствующие им отношения распределения?»¹⁵

Экономическое обоснование примата общественного производства как раз и должно было в данном случае заключаться в объяснении денег из внутренней необходимости товарного производства, в первую очередь в переходе от внешнего явления (деньги) к его глубинной сущности (стоимость). К. Маркс сразу же и сформулировал подобным образом проблему: «Действительный вопрос заключается в следующем: не вызывает ли сама буржуазная система обмена необходимости в специфическом орудии обмена? Не создает ли она необходимым образом особого эквивалента для всех стоимостей?»¹⁶ Здесь поставлен фундаментальный вопрос о сущности денег, о необходимой связи между товаром и деньгами. Впервые этот вопрос был поставлен еще в «Нищита философии», но тогда К. Маркс ограничился указанием на то, что «современная организация производства нуждается во всеобщем средстве обмена»¹⁷. Хотелось бы в этой связи обратить внимание на преемственность Марксовой критики прудонизма в 40-х и 50-х годах. В 1847 г. К. Маркс показал, что обмен эквивалентов сам по себе не может привести к уничтожению капиталистической эксплуатации. В 1857 г. было

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 60.

¹⁵ Там же, с. 61.

¹⁶ Там же, с. 66.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 115.

доказано, что те средства, с помощью которых прудонисты хотели установить справедливый обмен, противоречат самим основам буржуазного производства, т. е. являются утопией. Отвечая на этот вопрос, К. Маркс и разработал свою теорию стоимости. Наметим вкратце основные этапы этой разработки.

Во-первых, К. Маркс показал, что попытки прудонистов сконструировать деньги, не требующие размена на золото, противоречат объективным экономическим законам товарного производства и обмена; что «обратимость — узаконенная или нет — остается требованием, предъявляемым любым деньгам»¹⁸.

Во-вторых, К. Маркс раскрыл принципиальное различие между стоимостью и ценой. Определяя стоимость непосредственно в рабочих часах, минуя деньги, прудонисты как раз стремились снять это различие, не понимая того, что цена есть необходимая денежная форма стоимости. На данной стадии исследования К. Маркс показал, что «определяемая рабочим временем стоимость товаров есть лишь их *средняя стоимость*»¹⁹ за некоторый период, например за 25 лет. (Отметим, что, применяя метод исчисления стоимости как средней за определенный промежуток времени, К. Маркс связывает чисто теоретическое понятие стоимости с ее непосредственным функционированием в экономике как реального центра колебаний товарных цен.) От этой «реальной стоимости» отличается «номинальная стоимость», цена, которая помимо затрат общественно необходимого труда отражает также и колебания спроса и предложения. Поэтому «часовой бон», вместо того чтобы выражать зафиксированные в цене действительные затраты рабочего времени, представлял бы некоторое идеальное рабочее время, которое было бы то больше, то меньше действительного рабочего времени. *«Так как цена не равна стоимости, — резюмирует Маркс, — то элемент, определяющий стоимость, — рабочее время — не может быть тем элементом, в котором выражаются цены...»*²⁰ Таким элементом может быть только особый товар — деньги, поэтому цена с необходимостью выступает в денежной форме.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 74.

¹⁹ Там же, с. 77.

²⁰ Там же, с. 81.

В-третьих, К. Маркс показал, что в процессе обмена, в ходе реализации товара происходит его раздвоение: стоимость товара в форме денег отделяется от его потребительной стоимости. Тем самым внутреннее противоречие между качественной однородностью товаров как стоимостей и их природным различием как потребительных стоимостей находит свое необходимое внешнее выражение. Так была теоретически полностью доказана утопичность прудонистской попытки с помощью «рабочих денег» непосредственно, минуя процесс реализации, превратить товар в деньги. Меновая денежная форма стоимости товара была представлена как необходимая форма ее проявления.

В-четвертых, решающий шаг в разработке теории стоимости был сделан после того, как К. Маркс перешел от представления о товаре как диалектическом единстве потребительной стоимости и стоимости к более абстрактному представлению о труде, создающем товар, как диалектическом единстве конкретного (частного) труда, создающего потребительную стоимость, и абстрактного (общественного) труда, создающего стоимость. «Сама необходимость, — поясняет он, — предварительно превратить продукт... в *деньги*... доказывает два положения: 1) что индивиды производят только для общества и в обществе, 2) что их производство не является *непосредственно* общественным»²¹.

Учение о двойственном характере труда в условиях товарного производства представляет собой основу марксистской теории стоимости, кардинально отличающую ее от трудовой теории стоимости буржуазных экономистов-классиков. На этом учении, подчеркивал впоследствии К. Маркс, «основывается *все* понимание фактов»²².

Учение о прибавочной стоимости было охарактеризовано В. И. Лениным как «краеугольный камень экономической теории Маркса»²³. Но и это учение, создание которого явилось великим открытием Маркса, революционным переворотом в политической экономии, представляет собой непосредственное продолжение учения классической школы, результат дальнейшего раз-

²¹ Там же, с. 101.

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 31, с. 277.

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 45.

вития трудовой теории стоимости, распространения ее на отношения между рабочим и капиталистом.

Классической школе в буржуазной политической экономии принадлежит постановка вопроса о капиталистической эксплуатации, кроме того, ею были сделаны первые шаги в решении этой проблемы. Классикам — в первую очередь Д. Рикардо — удалось свести прибавочную стоимость (в форме прибыли) к прибавочному труду, объяснив тем самым ее происхождение эксплуатацией рабочего класса классом капиталистов, присвоением капиталистами неоплаченного труда рабочих. Пытаясь объяснить на основе закона стоимости происхождение прибавочной стоимости, буржуазные экономисты рассматривали обмен между трудом и капиталом. Это имело глубокие основания, так как именно обмен между трудом и капиталом является основным производственным отношением капиталистического общества, основной формой «обмена деятельности». «Овеществленный труд и живой труд, — подчеркивал К. Маркс, — это те два фактора, на противопоставлении которых покоится капиталистическое производство»²⁴. Но обмен между трудом и капиталом — это лишь самое общее выражение основного производственного отношения капитализма. Оно должно было быть развито и конкретизировано, для того чтобы с его помощью можно было объяснить процесс капиталистической эксплуатации. «Перейти от труда прямо к капиталу, — писал К. Маркс, — столь же невозможно, сколь невозможно от различия человеческих рас перейти прямо к банкиру или от природы — к паровой машине»²⁵. Таким необходимым посредствующим звеном в обмене между трудом и капиталом является купля-продажа товара рабочая сила. Это звено не было найдено буржуазными экономистами, но то, что ими было сделано для решения проблемы происхождения прибавочной стоимости, послужило для К. Маркса непосредственным исходным пунктом в разработке его собственной теории прибавочной стоимости.

Решающее значение для разработки К. Марксом теории прибавочной стоимости имел диалектико-материалистический метод исследования, согласно которому

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. II, с. 162.

²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 207.

любое общественное явление и соответственно любая категория, выражающая это явление, выступают как диалектическое, противоречивое единство вещественного содержания и общественной формы. Именно эта методологическая установка позволила К. Марксу во второй половине 50-х годов прийти к пониманию исторической специфики общественного труда, создающего стоимость, прийти к этому посредством различения как в самом труде, так и в продукте труда того, что составляет, с одной стороны, вещественное содержание труда и его продукта (конкретный труд и потребительная стоимость как результат этого труда), и того, что составляет, с другой стороны, общественную форму труда и его продукта (абстрактный труд и стоимость как его результат).

Буржуазные экономисты оказались не в состоянии сколько-нибудь последовательно и осознанно разграничить вещественное содержание и общественную форму экономических категорий. «У политико-экономов, — писал К. Маркс, — вещественный элемент капитала... сросся с социальной определенностью его формы как капитала...»²⁶ Тщательный критический анализ классической политической экономии, осуществленный К. Марксом, показал, что именно смешение двух сторон труда и двух факторов товара, неспособность «расщепить» труд, а стало быть, и продукт труда не позволили буржуазным экономистам дать объяснение механизма капиталистической эксплуатации. Д. Рикардо оказался в состоянии лишь констатировать неравенство между заработной платой рабочего и продуктом его труда, констатировать то, что источником прибыли капиталиста является неоплаченный труд рабочего. Это было очень важно, но далеко не достаточно для раскрытия внутреннего механизма функционирования буржуазного производства. Однако Д. Рикардо оказался неспособным сделать дальнейший шаг именно вследствие отмеченной выше недостаточности его трудовой теории стоимости.

Напротив, теория прибавочной стоимости К. Маркса является прямым следствием его теории стоимости, последовательным проведением этой теории, распространением ее на специфический для капитализма товар

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III, с. 334.

рабочая сила. Уже само открытие этого товара, преодоление догмы буржуазных экономистов о том, что товаром является труд рабочего, было осуществлено К. Марксом на основе положений его теории стоимости. В самом деле, с точки зрения двойственного характера процесса капиталистического производства, с точки зрения его вещественного содержания и общественной формы он выступает, с одной стороны, как процесс труда, процесс потребления рабочей силы (в ее качестве носителя конкретного труда), предметов и орудий труда и представляет собой процесс функционирования производительных сил, что характеризует вещественное содержание общественного производства. С другой стороны, процесс капиталистического производства выступает как процесс потребления рабочей силы (в ее качестве носителя абстрактного труда), как процесс увеличения стоимости, т. е. как процесс создания прибавочной стоимости. Ради этого процесса, в результате которого капиталист получает прибыль, он и вступает в сделку с рабочим. Следовательно, труд является лишь потребительной стоимостью, а не стоимостью того товара, который служит объектом этой сделки. Он характеризует только одну — вещественную — сторону этого товара. Уже установление одного этого факта позволило К. Марксу объяснить на основе закона стоимости то парадоксальное обстоятельство, что продукт труда рабочего выступает в капиталистическом обществе как собственность капиталиста. К. Маркс показал, что этот результат процесса капиталистического производства с необходимостью вытекает из того, что труд, будучи потребительной стоимостью того товара, который рабочий продает капиталисту, принадлежит капиталисту, а стало быть, капиталисту принадлежит и продукт этого труда, в том числе и прибавочный продукт, в котором заключена прибавочная стоимость.

Но что же это за товар, который рабочий продает капиталисту? Установив, что труд представляет собой лишь одну из сторон этого товара, его потребительную стоимость, К. Маркс затем делает дальнейший шаг, констатируя, что эта потребительная стоимость, этот товар не существуют отдельно от рабочего. Он существует как способность рабочего к труду, как потенциальная энергия рабочего, как его рабочая сила, которая реализуется в процессе труда. Таким образом, ра-

бочий продает капиталисту не труд, а свою способность к труду, свою рабочую силу. После этого анализа К. Марксу оставалось только определить стоимость этого товара — а она определяется тем количеством труда, которого стоит производство самого рабочего, стоимостью тех жизненных средств, которые входят в потребление рабочего и его семьи, — и показать, что стоимость продукта, создаваемого рабочим в процессе производства, превышает (вследствие высокого уровня производительности этого труда) стоимость его рабочей силы. Разность и образует прибавочную стоимость.

Так К. Марксу удалось решить центральную проблему политической экономии буржуазного общества, — проблему, мимо которой прошел Д. Рикардо, которую тщетно пытался решить еще А. Смит, на которой в конце концов потерпела крушение вся классическая школа в буржуазной политической экономии. Однако решение этой проблемы К. Марксом могло быть только в результате исследований, полученных классиками буржуазной политической экономии, часто не осознававшими результатов своего собственного анализа. Заслуга К. Маркса заключается в том, что он осознал эти результаты, осмыслил их и развил дальше экономическую теорию. Критический анализ буржуазной политической экономии не только сократил для К. Маркса путь к его великому открытию — к созданию теории прибавочной стоимости, но этот анализ позволил ему проникнуть в существо капиталистических отношений гораздо глубже, чем это сумели сделать лучшие представители буржуазной экономической мысли.

Чрезвычайно интересен сам механизм Марксовой критики. В своем историко-критическом анализе буржуазной политической экономии Маркс каждый раз прослеживал до логического конца точку зрения буржуазных экономистов по тому или иному вопросу, что и дало ему возможность получить те результаты, которых не смогли добиться буржуазные экономисты-классики. Так, обобщая характеристику классической политической экономии, К. Маркс отмечал, что она «свела к одной форме прибыли все те формы дохода... под которыми не-рабочий получает долю в стоимости товара»²⁷. На этом буржуазные экономисты остановились,

²⁷ Там же, с. 526.

не сумев выделить в чистом виде категорию прибавочной стоимости, отождествляя ее с прибылью.

В чем же состоял здесь критический анализ К. Маркса? Прежде всего К. Маркс показал, что фактически у Д. Рикардо, так же как и у других экономистов-классиков, имелась теория прибавочной стоимости. (Иначе каким же образом можно было бы объяснить название IV тома «Капитала» — «Теории прибавочной стоимости»?) «В нашей критике Рикардо, — писал К. Маркс, — мы должны различать то, чего сам он не различал... его *теорию прибавочной стоимости*, — эта теория, конечно, имеется у Рикардо, хотя он и не фиксирует *прибавочную стоимость* в ее отличии от ее особых форм: прибыли, ренты, процента»²⁸. В других местах²⁹ К. Маркс разъясняет, что там, где Д. Рикардо в своих рассуждениях отвлекается от постоянной части капитала, там, следовательно, где прибыль выступает у него как продукт переменного капитала, там фактически речь идет о прибавочной стоимости.

К. Маркс показывает, далее, что по существу классическая буржуазная политическая экономия изображает прибавочную стоимость как результат неоплаченного труда. У классиков, пишет он, «прибыль сводится к прибавочной стоимости, так как стоимость всего товара сводится к труду; оплаченное количество содержащегося в нем труда сводится к заработной плате; следовательно, избыток над этим количеством сводится к неоплаченному труду»³⁰. Но для того чтобы определить прибавочную стоимость, прежде всего необходимо было определить «стоимость труда» (по терминологии буржуазных экономистов), так как прибавочная стоимость выступает как избыток над «стоимостью труда». Определяя «стоимость труда» стоимостью жизненных средств, потребляемых рабочим, Д. Рикардо объяснял это тем, что закон спроса и предложения сводит «цену труда» к этим жизненным средствам. «Здесь, в одном из основных пунктов всей своей системы, — констатирует К. Маркс, — Рикардо определяет *стоимость посредством спроса и предложения*»³¹, т. е. по существу отходит от трудовой теории стоимости.

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. II, с. 182.

²⁹ См. там же, с. 411—412, 471.

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III, с. 526.

³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. II, с. 442.

Выше было показано, каким образом К. Маркс преодолел это противоречие рикардовской теории, установив, что обмен между трудом и капиталом осуществляется посредством продажи и купли товара рабочая сила. Развивая теорию Д. Рикардо в этом узловом вопросе, К. Маркс следующим образом резюмирует свое учение о товаре рабочая сила: «Рикардо должен был бы говорить не о *труде*, а о *рабочей силе*. А тогда и *капитал* был бы представлен как такие вещные условия труда, которые противостоят рабочему в качестве обособившейся самостоятельной силы, и капитал сразу же предстал бы как *определенное общественное отношение*. Для Рикардо же капитал является лишь «накопленным трудом» в отличие от «непосредственного труда» и берется лишь как нечто просто вещное, просто как элемент в *процессе труда*, из чего никак нельзя вывести отношение труда и капитала»³².

Марксова критика метода буржуазной политической экономии заслуживает отдельного рассмотрения. Нам хотелось бы лишь подчеркнуть то, что теория К. Маркса представляет собой непосредственное продолжение и дальнейшее развитие теории классиков буржуазной политической экономии также и в отношении метода исследования. Классики применяли аналитический метод, посредством которого им в известной мере удалось, например, свести различные формы прибавочной стоимости к их внутреннему единству³³. К. Маркс отмечает, что, несмотря на все противоречия в применении экономистами-классиками аналитического метода, несмотря на отсутствие у них посредствующих звеньев при выявлении внутреннего единства экономических категорий (например, они прямо отождествляли прибавочную стоимость и прибыль), именно с этого метода должны начинаться критика и понимание. «...Анализ является необходимой предпосылкой генетической трактовки, понимания действительного процесса формообразования в его различных фазах»³⁴.

Далее, историзм, пронизывающий всю теорию К. Маркса, прямо противоположен внеисторическому в целом подходу к капиталистическому способу производ-

³² Там же.

³³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III, с. 525—526.

³⁴ Там же, с. 526.

ства, свойственному буржуазной политической экономии. Однако К. Маркс отмечал — и это вытекало из предпринятого им анализа работ Рамсея, Шербюлье и Ричарда Джонса, — что для устранения трактовки капитализма как естественной формы общественного производства классическая политическая экономия «сама прокладывает путь своим анализом»³⁵.

Представляя собой непосредственное дальнейшее развитие теории и метода классиков буржуазной политической экономии, учение К. Маркса кардинально отличается от теории и метода классиков и знаменует собой глубокий качественный скачок в развитии экономической науки. Это вполне соответствует Марксовой характеристике диалектики, которая «в позитивное понимание существующего... включает в то же время понимание его отрицания»³⁶. Только таким методом, представляющим собой единство «позитивного понимания» буржуазных экономистов-классиков как своих непосредственных предшественников и понимания необходимости их «отрицания», т. е. необходимости развития на новой качественной основе их теории и метода, и могла быть создана Марксом политическая экономия рабочего класса.

В этой связи большой интерес представляет содержащийся в IV томе «Капитала» анализ работ пролетарских противников политикоэкономов, исходивших из рикардовской теории, — группы экономистов, пытавшихся использовать теорию Д. Рикардо в борьбе с буржуазной политической экономией. Эта группа экономистов, по словам Ф. Энгельса, «использовала теорию стоимости и прибавочной стоимости Рикардо в интересах пролетариата против капиталистического производства и побивала буржуазию ее собственным оружием. Весь оуэновский коммунизм, поскольку он вступает в экономическую полемику, опирается на Рикардо»³⁷. Исходя из трудовой теории стоимости, социалисты-рикардианцы делали вывод о том, что «труд есть все»³⁸, а капитал представляет собой лишь надувательство рабочего. Если Д. Рикардо считал сокращение необходимого рабочего времени лишь средством для

³⁵ Там же.

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 22.

³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 24, с. 17.

³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III, с. 269.

увеличения прибавочного труда, труда на капиталиста, то социалисты-рикардианцы требовали полной ликвидации прибавочного труда.

Так же как и прудонисты, социалисты-рикардианцы не только не сумели преодолеть буржуазную основу рикардовской теории, но по существу сами стояли на позициях этой теории. Отсюда неизбежно вытекали буржуазная ограниченность и утопизм тех социалистических выводов, которые они делали из теории Д. Рикардо. Они, отмечал К. Маркс, «принимают как вечные формы все экономические предпосылки капиталистического производства и хотят только вычеркнуть капитал, основу и вместе с тем необходимое следствие этих предпосылок»³⁹. Что же касается их методологических установок, то нет ничего удивительного в том, что, так же как и буржуазные экономисты, их пролетарские противники смешивали «антагонистическую форму» развития капиталистического способа производства «с самим его содержанием»⁴⁰. Для того чтобы создать новую, подлинно научную политическую экономию, знаменующую собой революционный переворот в экономической науке, нужно было, опираясь на достижения классической школы, полностью преодолеть недостаточность и буржуазную ограниченность созданной экономистами-классиками теории, качественно развить эту теорию, а не просто применять ее тем или иным образом. В плане классовой борьбы этому соответствовал решительный переход на позиции рабочего класса.

Марксов критический анализ буржуазной политической экономии был историко-критическим ее анализом.

История буржуазной политической экономии по необходимости была исходным пунктом марксистской экономической теории.

В письме к Зигмунду Шотту К. Маркс отмечал тот факт, что «для себя» он «начал «Капитал» как раз в обратном порядке по сравнению с тем, как он предстанет перед публикой (начав работу с ...исторической, части)»⁴¹. В самом деле, рукопись «Теорий прибавочной стоимости» была создана в 1862—1863 гг., т. е. раньше, чем все те рукописи, на основе которых были впослед-

³⁹ Там же.

⁴⁰ См. там же, с. 270

⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 34, с. 238.

ствии сформированы три первых тома «Капитала». К. Маркс исследовал экономические отношения современного ему капиталистического общества в их исторической перспективе, прослеживал тенденции их развития. Он поставил перед собой задачу открыть экономический закон движения капитализма. В. И. Ленин отмечал, что в «Капитале» дана «история капитализма и анализ *понятий*, резюмирующих ее»⁴². В истории буржуазной политической экономии К. Маркс нашел отражение истории буржуазного общества. Коль скоро научная теория является более или менее адекватным отражением действительности, то история этой теории является отражением развития этой действительности, отражением истории действительности. Чрезвычайно интересное соображение по этому поводу содержится в письме К. Маркса к Кугельману. «...*История теории*, конечно, доказывает, что понимание отношения стоимости было *всегда одним и тем же*, только более ясным или более туманным, сильнее опутанным иллюзиями или более научно определенным. Так как процесс мышления сам вырастает из известных условий, сам является *естественным процессом*, то действительно постигающее мышление может быть лишь одним и тем же, отличаясь только по степени, в зависимости от зрелости развития, следовательно, также и от развития органа мышления»⁴³.

Следовательно, изучение истории экономической теории, воспроизведение процесса развития экономического мышления дают возможность воспроизвести процесс развития самой экономической действительности. «...Историческое развитие политико-экономической литературы, — отмечал Ф. Энгельс, — давало естественную руководящую нить, которой могла придерживаться критика; при этом экономические категории в общем и целом появлялись бы в той же последовательности, как и в логическом развитии...тут прослеживается *действительное развитие*»⁴⁴. История буржуазной политической экономии выступает как важнейший источник познания истории капиталистической экономики.

Изучение процесса создания марксистской экономической теории безусловно свидетельствует о том, что

⁴² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 301.

⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 32, с. 461.

⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 497.

разработке тех или иных разделов экономической теории всегда предшествовало более или менее широкое исследование истории буржуазной политической экономии. Чем дальше проникал К. Маркс в механизм капиталистической эксплуатации, тем шире становился круг буржуазных экономистов, работы которых он анализировал, а сам этот анализ — в особенности если речь шла о работах А. Смита, Д. Рикардо и других представителей классической политической экономии — становился все более детальным и глубоким.

В «Теориях прибавочной стоимости» К. Маркс определил те цели, которые он имел в виду при разработке исторической части своего исследования. Историко-критический анализ Маркса должен был «показать, с одной стороны, в какой форме политико-экономы критикуют самих себя, а с другой стороны, в каких формах, явившихся историческими вехами, были впервые высказаны и развиты далее законы политической экономии»⁴⁵. Первый из двух указанных здесь аспектов анализа буржуазной политической экономии прямо вытекает из Марксова метода критики и имеет, на наш взгляд, общее значение как метод всякой научной критики. К. Маркс критикует буржуазных экономистов лишь за непоследовательное проведение ими исходных теоретических предпосылок, сформулированных на основе чисто буржуазной точки зрения⁴⁶. В этой связи Маркса и интересует критика одних экономистов другими, в ходе которой выявляется указанная непоследовательность, происходит поступательное развитие экономической науки, разумеется, в тех пределах, в которых это только и возможно для буржуазной политической экономии. Второй аспект предпринятого К. Марксом анализа буржуазной экономической науки позволил ему воссоздать процесс поступательного развития классической школы в буржуазной политической экономии от ее зарождения до вершины (в лице Д. Рикардо), а затем и процесс ее внутреннего разложения.

⁴⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I, с. 347.

⁴⁶ Так, К. Маркс защищает Д. Рикардо от упреков в том, что интересы рабочих Д. Рикардо приносит в жертву интересам производства, когда он требует производства для производства. К. Маркс подчеркивает, что с буржуазной точки зрения позиция Рикардо является «не только научно честной, но и научно обязательной...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. II, с. 123).

Во «Введении» к рукописи 1857—1958 гг. К. Маркс охарактеризовал свой научный метод как «метод восхождения от абстрактного к конкретному», как такой метод, который приводит к воспроизведению в мышлении конкретного посредством последовательного восхождения от абстрактных определений. Материалистический характер в интерпретации этого метода ярко проявляется в том, что предпосылкой процесса восхождения от абстрактного к конкретному является обратный процесс — переход от конкретного, данного в представлении, к простейшим абстрактным определениям. Таким образом, конкретное выступает здесь не только как результат, но и как исходный пункт исследования.

Формулируя различия, необходимо существующие между способом научного исследования и способом изложения результатов исследования, К. Маркс отмечал, что «способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования. Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное движение. Раз это удалось и жизнь материала получила свое идеальное отражение, то может показаться, что перед нами априорная конструкция»⁴⁷. Историко-критический анализ развития науки, историческое воспроизведение теории является одним из самых существенных моментов в этом освоении материала. Оно как раз и дает возможность избежать идеалистической трактовки теории как некоей «априорной конструкции».

Выше отмечалось, что в истории буржуазной политической экономии К. Маркс нашел более или менее адекватное отражение истории капитализма. Конечно, развитие экономической науки далеко не точно соответствует развитию самой экономической действительности. Здесь имеются свои специфические особенности, которые дали ему повод сделать следующее замечание: «В отличие от других архитекторов, наука не только рисует воздушные замки, но и возводит отдельные жилые этажи здания, прежде чем заложить его фунда-

⁴⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 21.

мент»⁴⁸. Но зигзагообразное, противоречивое развитие науки не препятствует тому, что история политической экономии так или иначе отражает историю экономического развития общества. Оно лишь требует сугубо критического анализа истории политической экономии.

Материалистическая интерпретация процесса восхождения от абстрактного к конкретному заключается, далее, в том, что этот процесс представляет собой отражение действительного исторического процесса. «...Ход абстрактного мышления, восходящего от простейшего к сложному, соответствует действительному историческому процессу»⁴⁹. Это означает, что процесс восхождения от абстрактного к конкретному предполагает подтверждение правильности этого процесса историческим развитием, а стало быть, и отражением исторического развития историей науки на каждом этапе такого восхождения. Возможность и необходимость такого подтверждения вытекают также из того, что структура исследования и структура изложения отличаются друг от друга только «с формальной стороны», только внешним образом. Внутренне они совпадают, так как структура исследования воспроизводит структуру действительности и ее же воспроизводит структура изложения. История политической экономии, как она воспроизведена в IV томе «Капитала», отражает в основном развитие Марксовой теории прибавочной стоимости. В этом смысле материал IV тома «Капитала» составляет существенный момент в историческом обосновании экономического учения Маркса.

По мере перехода от I тома «Капитала» ко II и III томам капиталистические производственные отношения «шаг за шагом приближаются... к той форме, в которой они выступают на поверхности общества, в взаимодействии разных капиталов друг на друга, в конкуренции и в обыденном сознании самих агентов производства»⁵⁰. Историческая часть «Капитала» еще и потому завершает процесс восхождения к поверхности буржуазного общества, что она критически воспроизводит отражение капиталистических производственных отношений в головах апологетов этого общества — буржуаз-

⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 43.

⁴⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 39.

⁵⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I, с. 29.

ных экономистов. Разумеется, разные представители буржуазной политической экономии по-разному отражали капиталистическую действительность. Вульгарные экономисты не шли дальше поверхности явлений, в то время как экономистам-классикам удалось кое-чем проникнуть в глубь экономических процессов, нащупать внутреннюю связь явлений, за что их высоко ценил К. Маркс.

Таким образом, хотя критический анализ истории политической экономии был для Маркса необходимым исходным пунктом в разработке его экономического учения, он в то же время является необходимым завершением теоретического построения, проведенного им в первых трех томах «Капитала».

В процессе критического анализа истории буржуазной политической экономии К. Маркс вскрыл основные закономерности развития этой науки. Отметим лишь некоторые из них.

1. Прежде всего развитие экономической науки является в основном отражением экономического развития общества. Взгляды любого буржуазного экономиста в конечном счете обусловлены современной ему экономической действительностью. К. Маркс показал это на примере всех сколько-нибудь значительных учений, существовавших в буржуазной политической экономии.

2. За внутренними противоречиями той или иной теории всегда лежат внутренние противоречия самой капиталистической действительности.

3. Любые экономические теории неизменно отражают определенные классовые отношения. Между прочим, именно этим объясняется удивительная живучесть, например, многих мелкобуржуазных теорий, давным-давно опровергнутых: теоретически — марксизмом, практически — самим историческим развитием. До тех пор пока существуют соответствующие классы или определенные социальные слои, эти теории будут возникать — с соответствующими модификациями — все снова и снова (в частности, неопрудонизм). Отсюда вытекает также настоятельная необходимость изучения всех оттенков буржуазной политической экономии независимо от того, носят они научный характер или являются антинаучными.

4. Буржуазная ограниченность классической поли-

тической экономии — не говоря уже о вульгарной — обусловила принципиальную недостаточность применявшегося ею метода научного исследования. Отсюда — в гносеологическом плане — вытекали также все недостатки разработанной ею экономической теории. Эта теория является материалистической, что подтверждается уже тем, что в ее основе лежит трудовая теория стоимости. Впоследствии, когда вульгарные экономисты отказались от трудовой теории стоимости, они отошли и от материализма. Но материализм классиков буржуазной политической экономии страдал двумя существенными недостатками. Во-первых, он был метафизическим материализмом, ибо у них «материальный закон одной определенной исторической ступени общества рассматривается как абстрактный закон, одинаково господствующий над всеми формами общества»⁵¹. Во-вторых, материализм классиков был поверхностным, ограниченным, К. Маркс характеризовал его как «грубый эмпиризм». Это весьма отрицательно сказалось на их методе экономического исследования. Анализ классиков часто не идет дальше поверхностных экономических явлений. Так, исследуя прибавочную стоимость, классики обычно рассматривали ее в форме прибыли, так как именно в этой форме она выступает в капиталистической действительности. К. Маркс писал в этой связи: «...они грубо хватаются за эмпирически данный материал, который только и интересует их»⁵².

Классики буржуазной политической экономии делали попытки проникнуть в глубь капиталистического способа производства, рассмотреть действие экономических законов в чистом виде, абстрагироваться в своих исследованиях от явлений, происходящих на поверхности буржуазного общества. Но, будучи метафизиками и эмпириками, классики не смогли пойти достаточно далеко в применении метода научной абстракции. Их абстракция была неполной, что объяснялось прежде всего их общей антиисторической концепцией вечности капиталистических форм общественного производства. Так, классическая школа оказалась не в состоянии выделить самую абстрактную и наиболее общую форму буржуазного способа производства — форму стоимости

⁵¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I, с. 12.

⁵² Там же, с. 68.

продукта труда; не смогла именно потому, что капитализм характеризуется этой формой как исторически определенный тип общественного производства⁵³. Далее, неполнота научной абстракции у классиков была закономерным следствием присущего им эмпиризма. Это проявилось в том, что классики не сумели выделить категорию прибавочной стоимости в чистом виде, абстрагировать ее от конкретных форм проявления прибыли, ренты и т. д. Даже Рикардо так и не сумел преодолеть в своей теории смешение прибавочной стоимости с прибылью, оказался неспособным «при рассмотрении стоимостей товаров забыть прибыли — факт, встающий перед ним из сферы конкуренции»⁵⁴. Из неполноты научной абстракции у классиков с необходимостью следовал формальный характер их абстракции. Формы проявления экономических категорий выступают у них как непосредственное, прямое выражение этих категорий; они не раскрывают развития этих форм проявления. Особого внимания в этой связи заслуживает Марксова характеристика метода Д. Рикардо. Содержащаяся в теории Рикардо постановка вопроса о законе стоимости как основе физиологии буржуазной системы, о сущности явлений и формах ее проявления, о действительном и видимом движении капиталистического общества и т. д. сделала учение Д. Рикардо вершиной буржуазной политической экономии. Но, стремясь доказать всеобщность закона стоимости, доказать, что все другие экономические категории (например, средняя прибыль и цена производства) не противоречат теории стоимости, Д. Рикардо, вместо того чтобы проследить развитие этих категорий из стоимости, предполагает их заранее данными и механически отождествляет или сопоставляет их со стоимостью. Эта неспособность вывести цену производства из стоимости была следствием того, что вместо категорий, связанных с непосредственным процессом производства, Д. Рикардо рассматривал более поверхностные категории, вытекающие из процесса обращения капитала. Так неполнота абстракции приводит к формализму в абстракции, а в результате — к грубым ошибкам в теории.

5. Наконец, важной закономерностью развития бур-

⁵³ См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 23, с. 91.

⁵⁴ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 26, ч. II, с. 206.

жуазной политической экономии, как показал К. Маркс, является непрерывный процесс ее вульгаризации, приведший в конце концов к ее полному внутреннему разложению. В основе этого процесса лежали антагонистические противоречия буржуазного общества. Попытки буржуазных экономистов теоретически преодолеть антагонистическую природу этой общественной формации неизбежно вели к вульгаризации экономической науки. На всем протяжении IV тома «Капитала» Маркс прослеживает корни вульгаризации, разложения буржуазной политической экономии и находит источник вульгаризации в противоречиях теории экономистов-классиков. Таким образом, вульгаризация буржуазной политической экономии, разложение классической школы были логическим завершением ее развития, обусловленным как внутренними противоречиями теории классиков, так и антагонистическими противоречиями буржуазного общества. Вульгарная политическая экономия ничего не производит сама, она получает пищу от классиков, становясь по мере обострения классовой борьбы все более и более апологетической; постепенно вульгарное направление становится преобладающим в буржуазной политической экономии.

Из сказанного следует обосновать вывод Маркса о том, что с обострением классовой борьбы в 30-х годах прошлого века «пробил смертный час для научной буржуазной политической экономии», что вульгарная политическая экономия является «могилей» буржуазной науки⁵⁵. Вместе с тем эти положения отнюдь нельзя трактовать как полное отрицание всякого значения буржуазной политической экономии. Во-первых, эти высказывания характеризуют лишь основную тенденцию развития буржуазной политической экономии, но не все ее направления укладываются в эту тенденцию. К. Маркс сам выделяет такую группу буржуазных экономистов, труды которых знаменовали известный прогресс в развитии политической экономии по сравнению с Д. Рикардо: речь идет о Рамсее, Шербюлье и Ричарде Джонсе. Во-вторых, К. Маркс имеет в виду развитие экономической теории, которое с обострением классовой борьбы действительно становится делом полити-

⁵⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 17; т. 26, ч. III, с. 528.

ческой экономии рабочего класса, марксистской политической экономии. «...После Маркса говорить о какой-нибудь другой, немарксовой политической экономии, — говорил В. И. Ленин, — можно только для одурачения мещан, хотя бы и «высокоцивилизованных» мещан»⁵⁶. Но в то же время и Маркс и Ленин дали образцы критического использования работ буржуазных экономистов, особенно в специальных областях. Отмечая в письме к Ф. Энгельсу тот важный факт, что буржуазная политическая экономия со времени А. Смита и Д. Рикардо в теоретическом отношении по существу не продвинулась вперед, К. Маркс добавляет: «...хотя в области отдельных исследований, часто чрезвычайно тонких, сделано немало»⁵⁷. Но дело не только в этом. К. Маркс показал, что взгляды и теории буржуазных экономистов представляют собой отражения (иногда далеко не адекватные, иногда совершенно извращенные отражения, иногда более или менее адекватные) той или иной стороны объективной экономической действительности, производственных, классовых отношений буржуазного общества. Но ведь это и означает, что научное познание капиталистической действительности необходимо требует конструктивной критики буржуазных теорий, включающей в себя использование того положительного, что содержится в этих теориях.

Резюмируя сказанное выше, можно констатировать, что историко-критический анализ буржуазной политической экономии был для К. Маркса в равной мере формой борьбы с буржуазной и мелкобуржуазной идеологией и средством познания капиталистической действительности; способом теоретического преодоления буржуазных экономических концепций и методом создания собственного экономического учения; ключом к дальнейшему развитию теории метода классической школы и необходимой предпосылкой революционного переворота в экономической науке.

Изучение этих важных аспектов экономического наследия К. Маркса представляет собой необходимое условие успешной, творческой разработки актуальных теоретических и методологических проблем марксистско-ленинской политической экономии.

⁵⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 268.

⁵⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 207.

Несостоятельность буржуазной и реформистской критики марксистской теории трудовой стоимости

Отношение буржуазных и реформистских идеологов к теории трудовой стоимости К. Маркса определяется той ролью, которую она играет в анализе капитализма. Суть этой роли в сжатой форме К. Маркс определил следующим образом: «Капиталистическое производство опирается на стоимость, т. е. на выражение труда, затраченного на производство, в качестве общественно необходимого труда»¹. То есть раз капиталистическое производство основано на стоимости, значит, адекватный ему теоретический анализ может быть построен только на рассмотрении и объяснении капиталистических производственных отношений.

Уже на протяжении долгого времени в буржуазной и реформистской критике марксистского подхода к теории трудовой стоимости наблюдаются два основных направления. Одно из этих направлений требует полного отказа от теории трудовой стоимости и тем самым и от марксистской политической экономии. «Весь марксизм вращается вокруг этой теории, которая обоснована скорее морально, чем экономически»². Другое направление «переосмысливает» марксистское понимание стоимости. «Теория трудовой стоимости представляет собой совершенно незначительный вопрос для дискуссии между марксистами и кейнсианцами»³. Ссылаясь на высказывание Вольтера о том, что стадо овец можно убить с помощью волшебства, если предварительно это стадо отравили мышьяком, Дж. Робинсон заявляет: «Глубокие знания и жгучая ненависть Маркса к угнетению послужили мышьяком, в то время как теория трудовой стоимости была волшебством»⁴. По ее мнению, в культивировании «метафизической идеи» стоимости проявляется вредное влияние идеологии, проникающей

¹ Marx-Engels Müvei. 26/III. köt. Kossuth Könyvkiadó 1976, 228 old.

² Theimer W. Der Marxismus. Lehre — Wirkung — Kritik. Bern, 1950, S. 161.

³ Robinson J. Collected Economic Papers. I. Oxford, 1960, p. 140.

⁴ Robinson J. An Essay on Marxian Economics. London, 1947, p. 22.

в науку, а ведь «наша задача, — говорит она, — состоит в том, чтобы по мере возможностей разделить эту смесь науки и идеологии»⁵.

Главная характерная черта второго направления заключается в том, что здесь открытая критика марксизма подменяется «переосмыслением», которое принимает форму новой интерпретации. В результате этой категории трудовой стоимости утрачивается свое первоначальное значение и обретает иное, соответствующее буржуазной или реформистской концепции. Сторонники его хотят «приблизить друг к другу» марксистскую и буржуазную политэкономии, а точнее, «подогнать» положения марксистской политэкономии к теориям буржуазной политэкономии. При этом они не исключают теорию стоимости, а пытаются дать новую интерпретацию марксистскому анализу.

Основные тенденции в критике марксистской теории трудовой стоимости сложились уже в конце прошлого столетия, и более поздние их проявления тесно связаны со своими историческими корнями. Вот почему многие современные буржуазные и реформистские критики считают, что будто бы критические оценки марксистской теории стоимости и опирающейся на нее теории прибавочной стоимости другими уже давно сделаны и что поэтому нет необходимости в том, чтобы ею заниматься. Характерно, например, что бывший лидер английской лейбористской партии Х. Т. Гейтскелл, комментируя положения теории стоимости, разработанной К. Марксом, говорил, что это всего лишь «уже давно разоблаченные заблуждения»⁶.

Главную позицию «интерпретаторов» марксизма, занимающихся переосмысливанием теории стоимости, выразил еще В. Зомбарт. Непосредственно после выхода в свет третьего тома «Капитала», положительно оценив его, он рассуждал о том, что стоимость — в результате ее превращения в цену производства — не имеет отношения к действительности, что это не эмпирический, а всего лишь воображаемый логический «факт». Подобные взгляды выражал и К. Шмидт, считавший, что закон стоимости является гипотезой, построенной для объяснения действительного процесса обмена, и что это

⁵ *Robinson J. Economic Philosophy. London, 1962, p. 28.*

⁶ *Gaitskell H. T. Recent Developments in British Socialist Thinking. London, 1957, p. 3.*

и есть теоретически необходимая фикция. Отвечая на эту критику, Ф. Энгельс писал: «Как Зомбарт, так и Шмидт... не обращают должного внимания на то, что здесь речь идет не только о чисто логическом процессе, но и об историческом процессе и объясняющем его отражении в мышлении, логическом прослеживании его внутренних связей»⁷.

Следуя своему уточненному «методу интерпретации», Зомбарт критиковал точку зрения Струве, который из-за того, что К. Маркс проводил разницу между стоимостью и ценой, обвинил его в «удвоении» действительности, а само понятие стоимости Струве объявил «фантомом». Определяющим моментом интерпретаторского метода Зомбарта был эклектицизм, стремление придать относительный характер различиям между марксистской и буржуазной экономической наукой. Разногласия по поводу марксистской теории трудовой стоимости и буржуазной субъективной теории стоимости он объявил как какое-то «недопонимание». Этим он хотел определить и для той и для другой науки свою собственную «сферу действия». «Бесконечной дискуссии вокруг объективной и субъективной теории стоимости можно было избежать, если бы каждый уяснил для себя, что стоимостные понятия, созданные при помощи идеи «труд», на своем месте служат такую же добрую службу, как и расчеты полезности; первые помогают понять условия обмена, а последние — условия производства»⁸. Таким образом, в категориях марксистской теории трудовой стоимости Зомбарт видел не научное отражение условий производства товаров, а всего лишь логическую конструкцию, которая способна помочь пониманию определенных экономических связей.

По тропинке, протоптанной В. Зомбартом и К. Шмидтом, следует и основатель современного социал-реформизма Э. Бернштейн. Он довел марксистскую теорию трудовой стоимости до уровня абстрактной гипотезы, существование которой якобы эмпирически невозможно наблюдать и поэтому невозможно научно доказать. При этом Э. Бернштейн также ссылаясь на третий том «Капитала», где К. Маркс утверждает, что в результате модификации стоимости в цену производ-

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 469.

⁸ Sombart W. Die drei Nationalökonomie. Leipzig, 1930, S. 202.

ства происходит отделение производства прибавочной стоимости от ее реализации. Э. Бернштейн комментировал это так: «Таким образом, поскольку речь идет об отдельных товарах или категориях товаров, измерить стоимость уже невозможно, и она превращается в чисто умозрительную конструкцию»⁹. Таким образом марксистская теория стоимости превратилась лишь в «умозрительную конструкцию, основывающуюся на гипотезе». Лишаясь критерия научности, она не могла отличаться от концепции субъективной теории стоимости, которая стала господствующей в буржуазной экономической науке последней трети XIX в. Мнение Э. Бернштейна на этот счет выражалось в следующем: «Исходя из природы вещей, можно позволить Марксу отвлечься от свойств товаров до такой степени, что они в конце концов станут лишь простым воплощением количества человеческого труда, точно так же, как и школа Бема-Джевонса имеет право абстрагироваться от всех свойств товаров, за исключением их полезности»¹⁰.

Интерпретация В. Зомбарта, Бернштейна и их идейных сторонников укрепила эклектическое представление, согласно которому две трактовки стоимости «можно примирить друг с другом» таким образом, что каждая из них будет дополнять односторонность другой.

Противопоставляя научную абстракцию марксистской теории трудовой стоимости методу абстрагирования, которым пользовались представители и защитники субъективной теории стоимости, Р. Люксембург дала ему очень удачную характеристику: «В противоположность этому абстрактная полезность, по Бему-Джевонсу, действительно являет собой лишь умозрительную картину или даже скорее картину бессмыслия; в этом нельзя обвинять ни капиталистическое, ни какое-либо другое человеческое общество, а исключительно лишь буржуазную вульгарную экономическую науку. С этой «умозрительной картиной» в голове Э. Бернштейн и Бем-Джевонс вместе со всем скопищем субъективистов могут еще двадцать лет простоять перед мистическим характером денег, не приходя ни к какому другому решению, кроме того, которое и без них было известно

⁹ *Bernstein E. Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie. Berlin — Bonn — Godesberg, 1977, S. 73.*

¹⁰ *Ibid., S. 73.*

всякому сапожнику и согласно которому деньги есть «полезная вещь»»¹¹.

Отвергая диалектическую взаимосвязь между категориями политической экономии и объективной действительностью, буржуазные и реформистские «переосмыслители» марксистской концепции стоимости рассматривают две теории стоимости с одинаково ненаучной позиции. В результате марксистская теория трудовой стоимости представляется им умозрительной конструкцией, гипотезой, которую нельзя доказать опытным путем. Корни их метода кроются в кантианской концепции, которая проводила жесткую разделительную черту между частным (особенным) и общим. Этот метод принципиально противопоставлял друг другу эмпирическое и понятийное познание. Оспаривался тот факт, что научные категории отражают действительность, рассматривая их как априорные творения ума. Гегелевскую же диалектику им хотелось представить в качестве великого растлителя марксизма, поскольку в ней они видели источник «первородного греха». Для критиков марксизма неизведанным в науке осталось то, что Гегель уничтожил кантианские догмы, разработав основы диалектической концепции научного познания.

Взгляды целого ряда ведущих представителей буржуазной экономической науки, начиная с В. Зомбарта и кончая Дж. Робинсон и Мюрдалем, характеризуются тем, что в марксистском анализе форм стоимости и в изображении модификации стоимости в цену производства они видят исключительно отвлеченный логический вывод, некую «гегелевскую конструкцию» анализа. В результате этого Дж. Робинсон, Мюрдаль и их сторонники пытались марксистскую теорию стоимости представить в качестве некоей «метафизической концепции», которую можно рассматривать в крайнем случае как гипотезу для объяснения относительных цен, которая, однако, лишь в очень малой степени соответствует явлениям действительности. По их мнению, марксистская концепция цены производства «не поддается нападкам», но она не содержит ничего оригинального, поскольку это «теория цен для всех» и в модификации стоимости в цену она выполняет роль «спасительного вопроса». Однако общим для всего рассматриваемого

¹¹ *Luxemburg R. Gesammelte Werke* 1/I. Berlin, 1970, S. 415.

направления является то, что они исключают стоимость из «мира явлений» и представляют ее не как внутреннюю сущность цены, а как независимое от цены абстрактное представление, как более или менее произвольное творение человеческого сознания.

Одной из определяющих черт буржуазных и реформистских экономических теорий является отрицание диалектики, перенесение экономических категорий в область «метафизики». В противоположность этому В. И. Ленин считал: «Отрицать объективность понятий, объективность общего в отдельном и в особом, невозможно. Гегель много глубже, следовательно, чем Кант и другие, прослеживая отражение в движении понятий движения объективного мира»¹².

Хотя В. Зомбарт и критиковал Струве, утверждавшего, что стоимость — это «фантом», все же оба они разделяли основной методологический принцип буржуазной и реформистской экономической концепции, в соответствии с которым движение понятий отрывалось от движения объективного мира. Вот почему характеристика, данная В. И. Лениным относительно утверждения Струве, по своей сути распространяется на всю буржуазную и реформистскую экономическую науку. Он писал в связи с этим: «Для оспаривания непреребримых истин экономической науки требуется совсем, совсем мало багажу. Вставим, например, словечко, что фантомом является стоимость, *как нечто независимое от цены* — и дело в шляпе!

Не беда, что эта вставка абсурдна. Цена есть проявление закона стоимости. Стоимость есть закон цен, т. е. обобщенное выражение явления цены. О «независимости» здесь говорить можно лишь для издевательства над наукой, которая во всех областях знания показывает нам проявление основных законов в кажущемся хаосе явлений»¹³.

Марксистский метод научной абстракции не «удваивает» действительность, не отрывает категории политической экономии от «мира явлений», а всего лишь отвергает ту концепцию, которая отождествляет конкретность явления с непосредственностью эмпирического познания.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 160.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 46.

Научную абстракцию он рассматривает не как нечто отдаляющее от конкретного, а как то, что помогает раскрыть богатство конкретного. Стоимость не существует независимо от цены, но за «кажущимся хаосом» явлений цены нельзя распознать «проявления основных законов» без научной категории стоимости.

Диалектическая концепция научного познания положила конец ложной антиномии, согласно которой абстрактные категории являются «чистыми» продуктами отвлеченного мышления, а конкретное есть лишь форма эмпирического восприятия. В этой концепции понятия, созданные путем научного абстрагирования, представляют собой сущностную зависимость, которая взаимосвязана с чисто эмпирическим познанием и необходима для раскрытия богатства конкретного. Соответственно этому, например, в конкретность определения цены входят не только поддающиеся эмпирическому восприятию условия рыночного ее формирования, но и связь цены со стоимостью, что уже относится к области научной абстракции. Так же как цена (отдельное) включает в себя стоимость (общее), стоимость (сущность) не может существовать без цены (явления).

Логическая связь между первым и третьим томами «Капитала» и модификацией стоимости в цену производства искажается буржуазной и реформистской идеологией тогда, когда исключается марксистская диалектика в отражении объективной действительности и научном познании. Если выделить некоторые положения марксистской политической экономии из их взаимосвязей и рассматривать в условиях чуждой им теоретической системы, тогда их содержание будет определяться уже не сущностным значением, а логикой новой теоретической системы. Именно так и происходит в случае с буржуазной и реформистской интерпретацией марксистской теории трудовой стоимости.

В противоположность всем этим попыткам ложной интерпретации теории стоимости подлинный метод К. Маркса состоял в том, что он, используя как исторический, так и логический анализ, вскрыл связь и различие между сущностью стоимости и формами ее проявления, а также взаимосвязь различных форм проявления стоимости с изменениями, происходящими в отношениях между производительными силами и производственными отношениями. В процессе исследования

К. Маркс показал, почему и как условия крупного промышленного производства и единственно соответствующие им в то время капиталистические производственные отношения способствуют проявлению стоимости в форме цены производства. В то же время К. Маркс, как бы предчувствуя имевшие место позже попытки дать «новую интерпретацию», вскрыл также и то, как в эмпирической трактовке категории цены производства искажается действительное стоимостное отношение и каким образом эта эмпирическая концепция приводит к такому выводу, который противоречит действительному стоимостному отношению (прибавочная стоимость, принявшая форму прибыли, предстает здесь не как продукт труда, а как продукт совокупного капитала).

Марксистское понятие цены производства шире, чем понятие «стоимость», потому что оно включает в себя результат всего процесса научного познания — весь процесс возникновения стоимости и ее модификацию в цену производства. Таким образом, оно выражает не только определенные отношения капиталистической экономики, но и их внутреннюю сущность. Из этого следует, что категория цены производства в марксистской политической экономии приобретает совершенно иной смысл, чем в буржуазной и реформистской политэкономии. Вот почему обманчиво утверждение Робинсон, Мюрдаля и их сторонников о том, что на основе теории цены производства, «очищенной» от понятия стоимости, может произойти взаимное сближение марксистской и буржуазной политэкономии.

В конце прошлого столетия одновременно с попытками дать «новое толкование» основным категориям марксистской политической экономии появилось стремление открыто игнорировать марксистскую теорию трудовой стоимости. За выполнение этой задачи взялся австрийский экономист Бем-Баверк, о работе которого Й. Шумпетер писал, что всегда «Марксу достается только критика, поскольку речь идет о теоретическом содержании марксистской системы»¹⁴. С уверенностью, исключая сомнение, Бем-Баверк заявляет: «Я не

¹⁴ *Schumpeter J. A. Ten Great Economists: from Marx to Keynes.* New York, 1965, p. 156.

вижу здесь никакого объяснения противоречия или его разрешения — одно только противоречие. Третий том Маркса противоречит первому. Средняя норма прибыли и теория цены производства не сочетаются с теорией стоимости»¹⁵. По сути дела то же самое утверждал американский ученый Самуэльсон: «Трансформация модели — алгоритма стоимости в модель цены производства — это есть отрицание первоначальной (стоимость) модели и замена ее моделью цены производства»¹⁶. Й. Шумпетер, высоко оценивая исследования К. Маркса, присоединился вместе с тем к критикам теории стоимости бем-баверкского толка, которые, разрывая связь между стоимостью и ценой производства, пытались преобразовать теорию стоимости в теорию рыночного формирования цен. При таком подходе кажется, будто бы цена производства несовместима с марксистской теорией трудовой стоимости, но могла бы хорошо сочетаться с вальрасовской концепцией общего экономического равновесия. Таким образом, марксистские категории, полученные путем анализа капиталистического способа производства, приспосабливались к совершенно чуждой им концепции, определяющая черта которой заключается в том, что условия общего экономического равновесия, рассматриваемые статически, выражаются в математических уравнениях.

Один из определяющих моментов буржуазной и реформистской критики марксистской теории трудовой стоимости заключается в игнорировании общественной стороны производства, в антиисторическом подходе к законам и категориям политической экономии. Если отвлечься от социальной характеристики производства, если в категориях политической экономии находить проявление лишь общих черт производства, тогда может показаться обоснованным утверждение Й. Шумпетера о том, что теория трудовой стоимости «умерла и похоронена»¹⁷. Именно таким путем Шумпетер пытался представить марксистскую теорию трудовой стоимости всего лишь как «собрание этических требований», что, однако, считал он, противоречит требованиям «полити-

¹⁵ Böhm-Bawerk E. Karl Marx and the Close of His System. London, 1896, p. 66.

¹⁶ The Journal of Economic Literature, 1974, 1, p. 64.

¹⁷ Schumpeter J. A. Capitalism, Socialism and Democracy. New York, 1950, p. 25.

ческой экономии как позитивной науки». С другой стороны, учет этих требований, по его мнению, мог бы означать, что при истолковании стоимости надо вернуться к концепции Сэя из ранней вульгарной политической экономии. «Всякий, кого не ослепила индоктринация, сразу поймет, что, до тех пор пока речь идет об описании фактов, а не об агитационной фразеологии, смысл абсолютно не меняется, если мы говорим, что капитал нанимает услуги земли, или если мы говорим о найме услуг труда»¹⁸.

Подобные взгляды выражал также один из ведущих теоретиков английской лейбористской партии, Крослэнд: «Однако возникновение прибавочной стоимости, или прибыли, никоим образом не зависит от условий капиталистического производства. Она может возникнуть и в любом другом обществе, кто бы ни был обладателем средств производства... Таким образом, возникновение и присвоение прибавочной стоимости является абсолютной предпосылкой экономического роста. Это в такой же мере действительно для коммунистического общества, как и для капиталистического, совершенно независимо от того, каким образом и к кому попадает вначале прибавочная стоимость»¹⁹. Затем в дополнение к сказанному он добавляет: «Прибавочная стоимость, или прибыль, очевидно, представляет собой необходимое явление, поэтому кажется бессмысленным, что социалисты выдвигают против нее принципиальное возражение»²⁰.

Взгляды, не учитывающие общественной формы прибавочного продукта, выражены в концепции, которая не способна провести разницу между общественными формами продукта труда, что логически приводит к отождествлению стоимости с потребительной стоимостью. Выдвигая возражения против теории трудовой стоимости, буржуазные и реформистские критики считают, что она непригодна для выполнения функций измерительного инструмента. Вот как был сформулирован этот аргумент лидером английской лейбористской партии Дж. Стрэчи: «Если за единицу стоимости принять рабочие часы общественно необходимого рабочего времени, тогда мы не сможем показать изменения, происхо-

¹⁸ Schumpeter J. A. History of Economic Analysis. New York, 1954, p. 566.

¹⁹ Crosland C. A. The Future of Socialism. London, 1957, p. 416.

²⁰ Ibid., p. 417.

дящие в производительности труда. Если в целях расчета всего количества продукта мы сложим эти единицы, тогда мы, естественно, получим полное количество рабочих часов, поэтому при данном составе рабочих и при данном рабочем времени сумма всегда должна быть одинаковой. Если мы будем производить расчеты таким образом, тогда очевидно, что увеличение богатства любого общества становится возможным лишь в том случае, когда работает большее количество людей или если они будут работать сверхурочно. Однако это противоречит практике...»²¹. Этим же аргументом намеревался уничтожить марксистскую теорию трудовой стоимости французский ученый Р. Арон: «Один час, отработанный одним рабочим в 1950 году, создает больше ценностей, чем один рабочий час в 1850 году. Это существенный факт»²².

Научный или вульгарный подход к процессу производства и воспроизводства характеризуется различным пониманием основных проблем теории стоимости. Противоречие двух подходов проявляется уже на элементарном уровне, при оценке общественной формы труда, когда различаются продукт и товар, включающий в себя противоречие: потребительная стоимость — стоимость. При этом важно установить: является ли стоимость результатом труда, выполненного при определенных общественных условиях, или же это воплощение действия всех «производственных факторов», участвующих в материальном производстве, которое считается независимым от общественных условий? Возникает еще один вопрос, на который необходимо ответить: является ли капиталистический способ производства переходной с исторической точки зрения формой или же он сохраняется неизменным и тогда не поддается изменениям вытекающий из его условий *l'ordre naturel* (естественный порядок)?

Игнорирование общественной формы продукта труда приводит представителей буржуазной и реформистской политической экономии к единой трактовке стоимости продукта капиталистического и социалистического производства, а также частей его стоимости, созданных фак-

²¹ *Strachey J. Contemporary Capitalism. London, 1956, p. 63.*

²² *Aron R. Die industrielle Gesellschaft. Frankfurt am Main — Hamburg, 1964, S. 120.*

торами производства, основанной на теории ранней вульгарной экономической науки. При таком подходе стоимость и прибавочная стоимость (или формы проявления прибавочной стоимости) превращаются в элементы «естественного порядка» производства, в них как будто бы воплощаются «услуги» факторов производства — труда, капитала и земли, которые могут существовать якобы независимо от исторически сложившейся общественной формации. Согласно этой концепции, стоимость произведенного продукта по своему составу отражает количественные пропорции «услуг», оказываемых факторами производства. Если принять эту концепцию за основу, то тогда действительно можно прийти к выводу, что «машина также производит прибавочную стоимость» и что прибавочная стоимость не представляет собой специфически капиталистическую категорию, а становится «абсолютным условием» роста производства.

Популярность теории факторов производства не в последнюю очередь объясняется тем, что данная теория заведомо исключает признание двух сторон процесса производства и воспроизводства и не признает необходимости различать отношения людей к природе и их общественные отношения. Ведь труд и земля как таковые являются лишь условиями производства потребительной стоимости и ничего не говорят об общественной форме продуктов труда, обладающих этой потребительной стоимостью. Однако капитал является характерной категорией именно капиталистических производственных отношений, категорией, не имеющей ничего общего с таким производством, которое направлено лишь на создание потребительной стоимости.

Вульгарная политическая экономия отождествляет объективные условия производства при капитализме с производственными отношениями. Поскольку вульгарная политэкономия видит лишь вещную оболочку общественных отношений, то общие признаки производственной деятельности, связанной лишь с производством потребительной стоимости, отождествляются со специфическими общественными особенностями капиталистического процесса производства, где потребительная стоимость как раз не выдвигается на первый план. Таким образом, труд заведомо становится наемным трудом, средства производства — капиталом, а земля — определенной формой земельной собственности. В действитель-

ности же, как известно, труд является наемным лишь в том случае, если материальные и личные факторы производства отделены друг от друга. Точно так же средства производства по своей природе не являются капиталом, как не является естественным свойством золота или серебра их функционирование в качестве денег. Точно так же и земля не порождает капиталистическую ренту при капитализме, как при феодализме она не рождает церковной десятины.

Следуя по стопам Сэя, вульгарная политическая экономия абстрагируется от анализа общественной формы производства и поэтому отождествляет потребительную стоимость со стоимостью. В результате этого различным факторам производства потребительной стоимости отводится функция производства стоимости. В качестве создателей стоимости рассматриваются те факторы, которые оказывают влияние на производительность труда. Таким образом, согласно этой концепции, когда какой-либо фактор производства способствует увеличению количества потребительной стоимости, равно в такой же мере он увеличивает и величину стоимости. Таким образом, ход рассуждения буржуазных экономистов выглядит так: производство — капиталистическое производство, потребительная стоимость — стоимость, труд — наемный труд, средства производства — капитал, земля — капиталистическое землевладение. Здесь предпосылка включает в себя умозаключение. Если связь «капиталист — наемный рабочий» является «естественным порядком» производства, тогда и прибавочная стоимость не может быть исторической категорией. Если исходить из теории факторов производства, тогда в условиях крупного промышленного производства, т. е. и при капитализме, и при социализме, состав стоимости продукта может быть только одинаковым. Такая исходная точка зрения «гарантирует» сохранение прибавочной стоимости и при социализме, что в свою очередь исключает принципиальную разницу между капитализмом и социализмом.

Смещение стоимости и потребительной стоимости приводит к тому, что стоимость становится непригодной для измерения производительности труда, а следовательно, и для измерения богатства общества. Критики К. Маркса и в этом случае ставят ему в вину свое собственное недопонимание. Однако, если бы они учли

аргументацию, выдвинутую им против Сэя, это уже могло бы помочь решению дилеммы. Еще Д. Рикардо писал: «Если стоимость двух мешков равна той, которую раньше имел один мешок, тогда очевидно, что и теперь вы получите такую же стоимость, как и раньше, и несколько не больше. Правда, теперь вы приобретаете двойное богатство, двойную пользу, вы получаете в два раза больше того, что Адам Смит называет потребительной стоимостью, но вы не получаете в два раза большей стоимости. Поэтому было бы неверно, подобно Сми-ту, стоимость, богатство и полезность рассматривать как понятия, по своей сути имеющие одинаковую ценность»²³. Далее он продолжает свою аргументацию: «Сэй... говорит о той стоимости, которую дают природные факторы, такие, как солнце, воздух, давление воздуха и т. д.; они иногда заменяют труд человека, иногда в процессе производства действуют вместе. Однако эти природные факторы — хотя они в большой мере повышают потребительную стоимость товара — никогда не дают скоту меновой стоимости, о которой ведет речь Сэй. Коль скоро с помощью машин или наших естественнонаучных знаний мы принудим природные факторы к тому, чтобы они выполняли работу, которая раньше осуществлялась с помощью человеческой силы, меновая стоимость такого продукта труда тут же соответственно упадет»²⁴.

Теория трудовой стоимости К. Маркса, основывающаяся на двойственном характере труда, рассматривает стоимость как проявление абстрактного труда в условиях товарного производства, а ведь абстрактный труд не имеет производительности. Поэтому, если кто-то хочет измерить с помощью категории «стоимость», выражающей абстрактный труд, производительность труда, тот поступает так же простодушно, как человек, намеревающийся измерить вес в метрах. Производительность — категория конкретного труда, производящего определенную потребительную стоимость. Марксистское понятие стоимости есть категория политической экономии, а не бухгалтерского учета. Однако, чтобы познать это, необ-

²³ *Ricardo D.* A politikai gazdaságtan és az adózás alapelvei. Budapest, 1954, 224 old.

²⁴ *Ibid.*, p. 247—248.

ходимо отказаться от вульгарно-экономического подхода, отражающего господство товарного и капиталистического фетишизма.

Глава 4

Искажение историко-теоретических истоков марксистской политической экономии

Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса содержат множество ссылок на классическую буржуазную политическую экономию. Имена Петти, Кенэ, Тюрго, А. Смита, Д. Рикардо встречаются в «Капитале», а также в других работах основоположников научного социализма, в которых дан глубокий критический анализ их теоретических положений. Опираясь на этот факт, В. И. Ленин, как известно, рассматривал классическую буржуазную политическую экономию как источник и составную часть марксизма¹. Правомерность такой оценки с тех пор неоднократно подтверждалась научно-историческими исследованиями².

Исторический процесс познания, развивавшийся в области политической экономии от буржуазных классиков до К. Маркса, по-видимому, вернее всего передается понятиями преемственности и непреемственности.

Поскольку эта проблема имеет основополагающее значение для оценки современных буржуазных позиций

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 443.

² Осуществляемое согласно совместному постановлению Секретариатов ЦК КПСС и ЦК СЕПГ научное издание Полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса придало значительный импульс более глубокому анализу источников марксизма и обнаружило много новых материалов. См., в частности, работы В. С. Выгодского (Wie «Das Kapital» entstand. Berlin, 1976, und Die Geschichte einer großen Entdeckung. Berlin, 1977) и В. Тухшепера (Bevor «Das Kapital» entstand. Berlin, 1974). Далее следует назвать авторский коллектив... unsrer Partei einen Sieg erringen — Studien zur Entstehungs — und Wirkungsgeschichte des «Kapitals» von Karl Marx. Berlin, 1978, и изданные В. Яном «Arbeitsblätter zur Marx-Engels-Forschung», Hf. 1—14, Halle/Saale, 1976—1982. Наконец, в связи с проблемой отношений между классической буржуазной политической экономией и К. Марксом следует еще указать на: Dobb M. Political Economy and Capitalism. London, 1937; Kuczynski J. Zur politökonomischen Ideologie in England und andere Studien. Geschichte der Lage der Arbeiter unter dem Kapitalismus, Bd 26. Berlin, 1965; Kuczynski J. Geburt und Tod einer Wissenschaft — die bürgerliche politische Ökonomie. Berlin, 1975.

по истории политической экономии, ей необходимо уделить некоторое внимание. Наглядный объект — учение о стоимости, поскольку здесь наиболее рельефно выявляется диалектика преемственности и непреемственности в отношении классической школы и экономической теории К. Маркса.

Марксистско-ленинская историография исходит из того, что К. Маркс и Ф. Энгельс революционизировали политическую экономию, т. е. совершили резкий качественный скачок в развитии этой науки. Поскольку они стали на защиту пролетариата, научный анализ капиталистического способа производства помог им сделать качественно новые выводы, которые раздвинули прежние границы познания. Наконец, они раскрыли новые горизонты научного прогресса в области политической экономии, поскольку рассматривали капитализм как исторически преходящую, закономерно сменяющуюся социализмом общественную формацию.

Однако термины «научный прогресс» или «углубляющееся познание» даже тогда, когда они интерпретируются как «научная революция», отнюдь не исключают момента преемственности. Скорее их применение подразумевает продолжение начатого ранее научного процесса познания.

С переходом от меркантилизма к классической буржуазной политической экономии предметом теоретического анализа капитализма становится производство вместо обращения. При этом в известной мере раскрываются сущность, физиология капиталистического способа производства³.

К. Маркс постоянно и с большим уважением говорит о научных заслугах классической буржуазной политической экономии, которую он диалектически воспринял и сохранил в своем собственном учении. В обобщенном виде можно привести следующий перечень политико-экономических положений, выдвинутых представителями классической школы:

— предмет политической экономии, а вместе с ним открытие «естественных законов экономики» определяются главной целью науки: дать практической деятельности ориентиры для «естественного поведения». Собственно, здесь в качестве предмета науки становится ана-

³ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 91.

лиз объективных экономических законов в «естественной оболочке». Однако именно К. Марксу прежде всего принадлежит заслуга открытия исторического характера экономических законов;

— стоимости товаров определяются трудом, затраченным в производстве, что заложило основу научного анализа сущности капиталистического способа производства. Правда, лишь К. Марксу удалось дать историческое объяснение стоимостного бытия продуктов и научное толкование качественной стороны стоимости, а именно ее сущности как особого общественно-производственного отношения людей;

— основные формы проявления прибавочной стоимости, такие, как прибыль и рента, трактовались как «вычеты из продукта труда рабочего» (А. Смит), что соответствует действию основного закона капитализма в элементарной форме. У К. Маркса это положение находится в полном соответствии с теорией трудовой стоимости и благодаря анализу процессов труда и увеличения стоимости находит отражение в категории прибавочной стоимости;

— характеристика «богатства нации» дается с позиции затраченного в обществе производительного труда, который как по своему абсолютному росту, так и по своей эффективности зависит от размеров накопления капитала. Классическая буржуазная политическая экономия смогла лишь в самом общем виде сформулировать проблему зависимости положения рабочего класса от накопления капитала. И только К. Марксу удалось, выйдя за рамки буржуазного классового мировоззрения, дать глубокий анализ объективных закономерностей развития капитализма, определяющих положение рабочего класса, и на этом основании сделать вывод об исторической миссии пролетариата;

— в учении об экономическом либерализме классической школы содержится положение о регулирующей роли закона стоимости в условиях свободной конкуренции. К. Маркс развенчал историческую и классовую ограниченность буржуазного предположения о бескризисном развитии капиталистического производства, обосновал научную теорию экономических кризисов перепроизводства и в качестве альтернативы разработал научную гипотезу социалистического планового хозяйства, ориентированного на общественные потребности.

Таким образом, К. Маркс воспринял, развил дальше и революционизировал именно наиболее зрелые, наиболее глубокие теоретические положения своих предшественников.

Под научно-исторической преемственностью понимается качественно более глубокая, чем у А. Смита и Д. Рикардо, разработка Марксом политической экономии как науки. К положениям, отличающимся от классической школы, необходимо отнести прежде всего пролетарский, в отличие от буржуазного, классовый подход, а также вытекающее из него сознательное овладение методами диалектического и исторического материализма. Эти две предпосылки обуславливают в конечном счете качественно более высокую зрелость совокупного научного результата, достигнутого К. Марксом. Содержанием его революционного учения стало служение рабочему классу.

В определенный исторический момент, приблизительно в конце первой трети XIX столетия, буржуазные классовые позиции стали тормозить научный прогресс в политической экономии.

В теоретическом плане буржуазная политическая экономия не смогла справиться с двумя принципиальными проблемами: обменом между капиталом и трудом, а также реализацией равновеликих прибылей на равновеликий капитал. Она не сумела дать им логически завершенного объяснения, т. е. привести в соответствие со своим собственным законом трудовой стоимости. Лишь под этим углом зрения становится ясно, почему теория трудовой стоимости представляет собой доминирующую проблему научно-исторических отношений между классической буржуазной политической экономией и учением К. Маркса. Лишь его всестороннее обоснование дает ключ к раскрытию закона прибавочной стоимости.

Буржуазная политическая экономия в рамках своего классового сознания не смогла преодолеть присущие ему границы познания. Поэтому и начался процесс вульгаризации классической буржуазной политической экономии: отход от теории трудовой стоимости и замена ее теорией факторов производства. Все это — классовая апологетика и вульгаризация политической экономии, против которых решительно боролся К. Маркс. Выступая против извращений теории классической школы, он

проявил себя как сторонник теоретико-исторической преемственности. Однако он считал, что с чисто научной точки зрения классические позиции не обладали достаточными методологическими предпосылками для объяснения нерешенных теоретических вопросов.

Основные проблемы о двойственном характере труда, сформулированные К. Марксом, явились ключом к пониманию политической экономии. Диалектика преемственности и непреемственности исторической связи между А. Смитом и Д. Рикардо, с одной стороны, и К. Марксом, с другой стороны, отражает как в фокусе важные моменты как в политическом, так и в методологическом отношении.

Оба маститых британских классика очень хорошо осознавали не только тот факт, что в стоимости воплощен труд как определяющая причина меновой стоимости или цены, но и то, что обмен товаров по их стоимости в действительности является обменом, основывающимся на разделении труда как деятельности, в эквивалентных пропорциях. Однако гораздо более важной теоретической проблемой была для них величина стоимости.

Их разработки по этому вопросу еще и сегодня не утратили своего значения. В связи с нынешними дискуссиями следовало бы особо напомнить примечательный тезис о количественной несопоставимости меновой стоимости и потребительной стоимости. Так называемый смитовский парадокс стоимости, в котором потребительная и меновая стоимости описываются как независимые друг от друга, хотя и взаимообусловленные, свойства каждого из товаров — воды и алмаза, лишь задал загадку буржуазной политической экономии. К. Маркс, впрочем, как и Д. Рикардо, стоит в этом вопросе почти на аналогичных позициях, а именно: потребительная стоимость не затрагивает величины меновой стоимости, а последняя зависит лишь от количества труда.

Но с другой стороны, в этом пункте обнаруживается также ограниченность классической буржуазной теории стоимости. Она не занималась более глубоким исследованием сущности труда, создающего товар. Хотя она и разграничивала меновую стоимость от потребительной стоимости готового, появляющегося на рынке товара, она не увидела причины этого явления в производстве. В силу антиисторического подхода у нее не возникало

вопроса о том, при каких предпосылках продукты становятся товарами, не учитывалась роль труда, создающего товары. Для нее меновая и потребительная стоимости — это вечные явления, присущие произведенным товарам в силу самой их природы. Таким образом, согласно классической буржуазной политической экономии, всякий труд создает меновую стоимость и одновременно (используя силы природы) потребительную стоимость.

Однако в действительности, как известно, трудом, создающим стоимость, является лишь тот труд, который овеществляется в продуктах, являющихся товарами и вступающих в обмен. Он выступает как общественный труд. Стоимость поэтому не есть естественным образом присущее полезным вещам свойство, а есть выражение общественно-производственных отношений. Установить это можно, собственно, лишь историческим путем, что непревзойденным образом сделал К. Маркс в анализе форм стоимости. Только тогда становится очевидным двойственный характер труда, создающего товар. Он выступает, с одной стороны, как конкретный труд, проявляющийся в процессе производства потребительной стоимости, и, с другой стороны, как абстрактный труд, относящийся к процессу образования стоимости.

Но значение этого Марксова положения не ограничивается более глубоким раскрытием истоков потребительной стоимости и стоимости. Это скорее лишь начало. Конкретный и абстрактный труд — это ключевые понятия для глубокого анализа процесса капиталистического производства вообще. Они позволяют глубоко проникнуть в его сущность: капиталистическое производство — это не только и не столько производство потребительной стоимости (процесс труда), сколько производство стоимости с собственно преследуемой капиталом целью присвоения содержащейся в ней прибавочной стоимости в виде неоплаченной части стоимости (процесс увеличения стоимости). Таким образом, при капитализме абстрактный труд является общественным содержанием конкретного труда, непосредственно затраченного на производство потребительных стоимостей. Процесс труда, как таковой, ничего не говорит об общественной среде, в которой он постоянно осуществляется. Поэтому политическая экономия должна исследовать процесс труда непременно в его исторически зафиксированной социально-экономической детерминирован-

ности. Непременным условием научного анализа оказывается разграничение функций конкретного и абстрактного труда в процессе капиталистического производства.

Открытие двойственного характера труда и самовозрастания стоимости послужило К. Марксу основой для разработки категории прибавочной стоимости. Классическая буржуазная политическая экономия не смогла продвинуться так далеко вследствие социально-экономической ограниченности и в силу своего антиисторизма.

Однако здесь следует особо подчеркнуть то обстоятельство, что учение К. Маркса об абстрактном и конкретном труде представляет собой логическое продолжение, которое имеет свои истоки в классической буржуазной политической экономии. Все проблемы, остававшиеся нерешенными, стали разрешимыми благодаря этому открытию К. Маркса.

Противоположность между буржуазной и марксистской политической экономией особенно обнаруживается в вульгарных теориях, нарушивших научно-историческую преемственность в вопросах трудовой стоимости. Они так и не смогли понять теоретического вклада К. Маркса — открытие абстрактного и конкретного труда, — который по сравнению с классической политической экономией приобрел основополагающее значение.

Буржуазных теоретиков, занимающихся общими научно-историческими вопросами, насчитываются буквально единицы. Современная буржуазная экономическая литература, описывая целые этапы истории политической экономии, обходится без научно-исторического анализа.

Для большей части современной буржуазной политической экономии история науки ввиду общего доминирующего позитивистского образа мышления не является источником познания. Прагматический подход, а также все отдаляющаяся от действительности формализация («моделирование») теории порождают впечатление, что обращение к истории излишне.

Теоретико-историческое невежество содержит в себе серьезный недостаток для пропаганды буржуазной идеологии. И хотя внеисторичность используется апологетами капитализма, такие понятия, как «история», «традиция», «наследие», нередко выпадают из формирования сознания. Более того, при подобных условиях научно-ис-

торическую позицию могут занять идеи, которые будут противодействовать господствующей буржуазной идеологии.

В силу этого «элита» современной буржуазной политической экономии сравнительно часто обращается к историческому обоснованию собственных позиций. Так, группа «main — stream — economics» буржуазных экономистов создала довольно значительный объем исторической литературы об экономических теориях. В него вошли прежде всего авторы, взгляды которых оказали существенное воздействие на формирование соответствующих теоретических кадров или же на создание «фабрики мнений», т. е. современного манипулирования массами. Ввиду очевидного краха теорий «управления экономической конъюнктурой», «постоянного экономического роста», «обеспечения полной занятости», «программирования экономической политики» и т. д. «любовь» к истории экономической науки переживает определенный подъем, что отнюдь не устраняет упомянутого выше теоретико-исторического ее невежества. Однако в исторических исследованиях буржуазных экономистов ни классическая буржуазная политическая экономия, ни марксизм не нашли достойного места. В современной буржуазной политической экономии распространены или фальсификации, или принижение значения научных трудов К. Маркса. «Марксология» ничего не изменила в этом смысле, хотя ее распространение свидетельствует о том, что буржуазная идеология в современных условиях не может проходить мимо учения К. Маркса.

Не лучше обстоит дело и с оценкой классической буржуазной политической экономии. Достаточно сказать, что буржуазные экономисты часто ссылаются на сформулированное К. Марксом понятие классической школы, но употребляют его без четко определенного содержания. Так, наряду с классиками в буржуазной истории политической экономии фигурируют такие имена, как Мальтус, Сэй, Мак-Куллох, Милль, Маршалл, в качестве представителей классической буржуазной политической экономии. В ранг критерия «классического» возводится не раскрытие сущности капиталистических производственных отношений, а изменяющийся от автора к автору перечень теорий, выдаваемых за «классические». Поскольку в разряд классической школы часто включаются представители вульгарной политической экономии,

искажается связь между классической буржуазной и пролетарской политической экономией. Занимая подобную позицию, современная буржуазная политическая экономия извращенно изображает марксистскую политическую экономию. Практикуемые при этом методы разнообразны, порой они даже находятся в противоречии друг с другом.

Поскольку буржуазная политическая экономия давным-давно отказалась от постижения объективных экономических законов, составляющих сущность капиталистических производственных отношений, постольку буржуазная история политической экономии оказывается не в состоянии понять важность многих теоретических положений как классической буржуазной, так и марксистской политической экономии, а также исторического соотношения между ними, считая их «безнадежно» устаревшими. Это главным образом относится и к теории трудовой стоимости вообще, но в еще большей степени к научному обоснованию К. Марксом учения о двойственном характере труда, производящего товар, со всеми вытекающими отсюда для анализа прибавочной стоимости последствиями.

Современная буржуазная история политической экономии, характеризуя отношения между классической буржуазной политической экономией и учением Маркса, считала его эпигоном, учеником или сторонником классической школы. Главным представителем этой точки зрения и одним из ее авторов является известный буржуазный экономист Й. А. Шумпетер.

Согласно Й. Шумпетеру, К. Маркс в социологических рамках своей экономической теории не отличается «ни объективной новизной, ни личной оригинальностью». Он указывает на А. Смита «как на вероятный источник» Марксовой характеристики соотношения между капиталом и трудом⁴⁻⁶. Что касается «экономических элементов Марксовой системы», то Шумпетер договорился до того, «что К. Маркса, пока речь идет о чистой теории, следует рассматривать как «классического», ученого-экономиста, и особенно как члена группы «вокруг Рикардо»⁷. Несколько позднее он прямо говорит о

⁴⁻⁶ *Schumpeter J. A. Geschichte der ökonomischen Analyse* (1955). Göttingen, 1965, S. 487.

⁷ *Ibid.*, S. 488.

К. Марксе как об одном из «учеников Рикардо», а в другом месте Д. Рикардо характеризуется «как профессор ученика К. Маркса»⁸.

Эта мысль часто встречается в буржуазной экономической литературе либо в непосредственно цитируемой, либо в несколько видоизмененной форме⁹. «Уже у А. Смита мы встречаем понятие прибыли, которым оперирует также Карл Маркс...

— Возникновение наемного труда, как его... описывает Смит, уже также предваряет марксистскую теорию перехода от общества мелких, самостоятельных товаропроизводителей к капиталистическому товарному производству.

— У Давида Рикардо мы знакомимся с взятым Марксом на вооружение понятием (меновый) стоимости, величина которой пропорциональна затраченному труду.

— По примеру Кенэ Маркс разрабатывает схемы обращения общественного капитала»¹⁰.

Другие буржуазные экономисты пытаются искать корни такой «преемственности» в области методологии. Соул, например, считает, что разработанное в «Капитале» учение — «почти совершенно классическое». И он обосновывает это так: «Вряд ли какое-либо из Марксовых положений уже не было до того сформулировано каким-либо писателем классической школы, и его образ мышления был таким же, как и образ мышления классических экономистов, — дедуктивным, дедукция на основе нескольких, сравнительно простых постулатов»¹¹. Арндт также пытается обосновать «родство» методологии Смита, Сэя, Рикардо, Маркса, Вальраса и Самуэльсона, которое он объединяет общим понятием «абстракция» и которому он приписывает «поспешные обобщения»¹². Далее следует указать на Штавенхагена, соглас-

⁸ Ibid., S. 833.

⁹ Как непосредственный продолжатель классиков К. Маркс рассматривается также: *Weber A. Allgemeine Volkswirtschaftslehre*, Auf. 6. Berlin (W), 1953, S. 30, 43; *Wilson G. W. Classics of Economic Theory*. Bloomington, 1964, p. 29, 45; *Napoleoni C. Grundzüge der modernen ökonomischen Theorien*. Frankfurt am Main, 1971, S. 122.

¹⁰ *Fetscher I. Der Marxismus — Eine Geschichte in Dokumenten*. München, 1967, S. 287.

¹¹ *Soule A. Die Ideen großer Nationalökonomien*. München, 1955, S. 117.

¹² *Arndt H. Kapitalismus, Sozialismus, Konzentration und Konkurrenz*. Tübingen, 1976, S. 12.

но которому К. Маркс оперирует в «своих экономических теориях понятиями и моделями классического учения»¹³. Особенно резко эту точку зрения формулирует английский экономист М. Блауг: «...для всякого, кто успешно справился с «Принципами» Рикардо, «Капитал», по-видимому, не таит в себе новых страхов. Метод мышления — тот же самый, а весь анализ полон рикардовских догадок»¹⁴.

Наконец, следует еще упомянуть Ректенвальда: «Действительное понимание его (Марксова. — П. Т.) экономического учения начинается с вывода о том, что он как теоретик был учеником Рикардо. Он был учеником не только в том смысле, что его собственная аргументация, по всей видимости, исходит из утверждений Рикардо, но и в том гораздо более значительном смысле, что он научился у Рикардо искусству теоретизирования»¹⁵.

Эти примеры в достаточной мере показывают некоторые типичные черты буржуазной истории политической экономии: абсолютное непонимание ею основывающегося на диалектическом и историческом материализме метода исследования, примененного К. Марксом¹⁶. Как известно, К. Маркс все явления и взаимосвязи анализировал во внутренней противоречивости и историческом движении, вскрыл также их социально-экономическую детерминированность. Стремления буржуазных историков политической экономии, конечно, имеют свой апологетический смысл — навязать ложное представление о том, будто для К. Маркса характерно более или менее пассивное восприятие классических теорий.

¹³ *Stavenhagen H. G. Geschichte der Wirtschaftstheorie* Göttingen, 1969, S. 147.

¹⁴ *Blaug M. Systematische Theoriengeschichte der Ökonomie*, Bd 2. München, 1972, S. 222 В другом месте Блауг пишет: «По-видимому, теперь рассеиваются все сомнения относительно того, был ли Маркс великим классическим экономистом. Ни один из экономистов XIX столетия не смог так, как он, до конца, осмыслить логику аргумента» (*ibid.*, S. 250). Формальная похвала не может затушевывать того, что непосредственное отнесение К. Маркса к классической школе неправильно трактует его научно-историческую позицию.

¹⁵ *Recktenwald H. Lebensbilder großer Nationalökonomien*. Köln — Berlin (W), 1965, S. 303

¹⁶ См., в частности, по этой проблематике: *Jahn W., Noske D. Fragen der Entwicklung der Forschungsmethode von Karl Marx in den Londoner Excerptheften von 1850—53, Arbeitsblätter zur Marx — Engels — Forschung*, H. 7, 1979.

Когда буржуазная история политической экономии касается теоретических проблем, которые, на ее взгляд, характеризуют главным образом отношения между классической школой и К. Марксом, то она определенным образом указывает на теорию трудовой стоимости, следовательно, на теорию прибавочной стоимости и эксплуатации. Нельзя не видеть то, что эта позиция обусловлена стремлением закамуфлировать такую взрывоопасную для буржуазного общества проблему, как проблема стоимости и прибавочной стоимости, в ее подлинно научной постановке и решении, которые дал К. Маркс.

Главная версия, представляющая собой стремление хоть как-то «справиться» с научно-исторической постановкой вопроса, сводится к попытке приписать К. Марксу то, что он якобы у Рикардо позаимствовал теорию трудовой стоимости.

И здесь непререкаемым авторитетом для буржуазных теоретиков снова является Шумпетер. Он писал: «Маркс позаимствовал по сути Рикардову теорию стоимости... и защищал ее с помощью рикардовских аргументов»¹⁷. К. Маркс, по утверждению Шумпетера, ее дополнил, дабы устранить несоответствие между рикардовской трактовкой стоимости и реальными ценами. Здесь Шумпетер имеет в виду Марксов подход к диалектике стоимости и цены производства, не отдавая, правда, должного значения этому теоретическому положению¹⁸. Он «выдает» также Марксу «свидетельство» в том, что он был единственным, кто, развив теорию меновой стоимости, основательно «проработал» заимствованную у Рикардо «теорию количества труда»¹⁹.

За этой «похвалой» сразу же следует принципиальное возражение. Шумпетер называет «чрезвычайно спорным положение» о том, что сопоставимость товаров обусловлена содержащимся в них трудом, потому что потребительная стоимость в равной степени присуща всем товарам²⁰. Все аргументы против непосредственного количественного измерения качественно неоднородных потребительных стоимостей, которые встречаются уже в буржуазной классической политической экономии и в развернутом учении Маркса, Шумпетер обходит

¹⁷ *Schumpeter I. A. Geschichte der ökonomischen Analyse*, S. 488.

¹⁸ *Ibid.*, S. 728.

¹⁹ *Ibid.*, S. 727.

²⁰ *Ibid.*, S. 728.

молчанием. Он обходит и такую кардинальную политико-экономическую проблему, как общественный труд в качестве источника стоимости, на основе которого происходит обмен деятельностью товаропроизводителей. Недопонимание двойственной природы труда неизбежно ведет к попытке свести меновую стоимость непосредственно к полезности и солидаризироваться с позицией Сэя²¹.

Правда, не вся современная буржуазная политическая экономия стоит на позициях идентификации толкования стоимости Рикардо и Марксом. Некоторые буржуазные теоретики отмечают определенные различия между ними. Однако какого рода эти различия? Здесь наблюдается странная путаница, которая мешает порой даже самому элементарному пониманию не только теории Маркса, но и теории Смита или Рикардо.

Обратимся к некоторым типичным позициям. Кершагель, например, утверждает, что К. Маркс «позаимствовал взгляды на стоимость как на затраченное рабочее время... у Рикардо», в то время как «учение об общественно необходимом рабочем времени... представляет собой идеи Кэри и его предшественников...». В довершение всего Кершагель, несмотря на бездоказательность этого обвинения Маркса, полагает, что оба этих аспекта теории стоимости якобы уже не могут больше «полностью логически согласоваться друг с другом». Потому-то у Маркса «остаётся совершенно неясным тот факт, когда он, с одной стороны, называет стоимость «затраченным рабочим временем»... а с другой — что одни и те же товары в различные промежутки времени обнаруживают различное количество затрат»²². Получается, что К. Маркс будто бы ничего не знал о росте производительности труда и изменяющихся во времени и, как правило, уменьшающихся затратах на производство единицы товаров.

Штафенхаген, который, с одной стороны, также исходит из того, что К. Маркс основывает «свои взгляды на теории трудовой стоимости, содержащейся в классическом учении, прежде всего Рикардо», с другой стороны, отмечает «значительное расхождение с теорией Рикардо». Он пишет: «Для Маркса труд является единствен-

²¹ Ibid., S. 732.

²² Kerschagel R. Was kann Marx uns heute noch sagen? — *Montaner A. Geschichte der Volkswirtschaftslehre*. Köln — Berlin (W), 1967, S. 159.

ным фактором, образующим стоимость. Для Рикардо, напротив, содержащееся в благах количество труда означало не причину, а лишь измеритель их меновой стоимости. Кроме того, Рикардо допускал, что в действительности порой могут наблюдаться отклонения от закона трудовой стоимости». Относительно последнего следует, между прочим, отметить, что К. Марксу не было надобности занимать позицию Рикардо, поскольку он дал теоретически обоснованное объяснение объективно порожденного капиталистическими отношениями образования цены производства в соответствии со стоимостью товаров.

Полностью несостоятельным является часто выдвигаемый тезис о том, что представители классической политической экономии якобы хотели с помощью труда лишь измерять стоимость, а не вывести ее из последнего. В действительности же они следовали простой логике, согласно которой измеряемое должно иметь нечто общее с мерилом. Применительно к взаимно обменивающимся товарам содержащийся в них труд является предметом «процесса измерения», и он по своей сути также является самой выражаемой во времени мерой. Предполагаемая разница между Марксом и Рикардо при ближнем рассмотрении оказывается попыткой «под исторической личиной» выхолостить значимость теории трудовой стоимости.

В том же духе рассуждает и западногерманский социал-реформист Шахтшнабель, утверждавший, что «если А. Смит в основу объективного определения стоимости товаров кладет общие издержки производства, Д. Рикардо — количество труда, то К. Маркс определяет стоимость товаров лишь рабочим временем, соразмеряя время с количеством труда, затраченным на производство единицы товара»²³.

Здесь навязывается совершенно ошибочное положение о том, что Смит, Рикардо и Маркс соответственно разработали якобы «разные» теории стоимости. Однако эти «различия» не имеют ничего общего с фактической историей развития теории стоимости. Смит, как известно, подходил к труду как основе стоимости. При этом с точки зрения теории воспроизводства он неверно пытал-

²³ *Schachtschnabel H. G. Geschichte der volkswirtschaftlichen Lehrmeinung. Stuttgart, 1971, S. 104.*

ся обнаружить в предшествующем живом труде те элементы «издержек производства», которые связаны с применением средств производства. Вопрос о том, каким еще образом, кроме как через рабочее время, Рикардо, впрочем, так же как и Смит, измерял «количество труда», Шахтшнабель оставляет открытым. Вся его «мысль» выливается в бессмысленную фразу: «В конечном итоге К. Маркс делает из теории трудовой стоимости теорию стоимости рабочего времени»²⁴.

Наряду с теми буржуазными авторами, которые утверждают преемственность учения Маркса с классической теорией трудовой стоимости, имеют место и такие, которые приписывают ему искаженное толкование классиков политической экономии. Утверждается, например, с одной стороны, что, собственно, Смит и Рикардо вовсе не разработали никакой теории трудовой стоимости, она скорее была открыта лишь Марксом. С другой стороны, классикам приписываются зачатки «современных» теорий.

Последнюю точку зрения и разделяет Шахтшнабель, когда утверждает, что для А. Смита такой фактор производства, как труд, является «действительным источником благосостояния и богатства». «Но согласно А. Сми-ту труд отнюдь не является единственным фактором производства... Наряду с трудом в качестве мерила стоимости учитываются также капитал и земля»²⁵. Не вызывает сомнения то, что эти тезисы не согласуются с требованиями формальной логики.

Но прежде всего следует отметить, что используемая Шахтшнабелем теория «факторов производства» А. Смита фактически представляет собой его теоретическую ошибку, противоречащую основным взглядам в области теории стоимости. К. Маркс превосходно опроверг «тройственную формулу», позднее систематически разработанную Сэем²⁶. Однако в буржуазной экономической литературе весьма распространены попытки выдать А. Смита за творца теории «факторов производства», предавая, таким образом, забвению его научный вклад в теорию трудовой стоимости и отрывая тем самым в научно-историческом плане учение Маркса от учения

²⁴ Ibid., S. 105.

²⁵ Ibid., S. 47.

²⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 410—411.

А. Смита. Так, Ректенвальд в своей антимарксистской «хвалебной оде» по поводу появившегося в ФРГ нового перевода его «Богатства народов» писал: «И поскольку капитал и земля, так же как труд, производительно участвуют в создании стоимости, то само собой разумеется, что стоимость имеющихся товаров должна превышать стоимость затраченного труда на величину доли капитала и земли, которые вместе образуют прибавочную стоимость»²⁷.

Однако уже Рикардо показал, что средства производства, в том числе и земля, воздействуют на потребительную стоимость производимых с их помощью товаров, но не участвуют в создании их меновой стоимости. Он писал: «Сэй обвиняет док. Смита в игнорировании стоимости, которой наделяются товары благодаря естественным факторам и механизмам, поскольку он рассматривает стоимость всех товаров как вытекающую из человеческого труда»²⁸. Однако, мне кажется, что это обвинение несправедливо, поскольку Смит никогда не недооценивал те услуги, которые оказываются нами силами природы и механизмами, но он совершенно справедливо выделяет природу стоимости, которой они наделяют товары. Они полезны нам благодаря преумножению количества продуктов, благодаря тому, что они делают людей богаче, что они преумножают потребительную стоимость; но поскольку они выполняют свою работу безвозмездно, поскольку за потребление воздуха, теплоты и воды ничего не платится, оказываемая и нам польза ничего не добавляет к меновой стоимости»²⁹. Отсюда видно, насколько важно последовательное теоретическое разграничение между потребительной стоимостью и меновой стоимостью, т. е. того исходного пункта, который у К. Маркса выделился в различении конкретного и абстрактного труда.

Современная буржуазная политическая экономия, напротив, обходит эту проблематику. Она стремится фальсифицировать и опровергнуть учение классической школы о труде как источнике стоимости. Так, Циммер-

²⁷ *Recktenwald H. Würdigung des Werkes. — Smith A. Der Wohlstand der Nationen. München, 1974, S. LIV.*

²⁸ Заметим, что Сэй все-таки знал, что Смит не сделал именно того, что Ректенвальд приписывает ему как «заслугу».

²⁹ *Ricardo D., a.a.O., S. 262; см. также: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III, с. 184.*

ман писал: «Когда классики говорили о «труде», то они под этим понимали обусловленную трудом жертву свободного времени»³⁰. Подобным образом рассуждает Штафенхаген, приписывая А. Смиту «психологизацию принципа издержек». Затраченный на производство товара труд рассматривается им как «усилие или бремя». Труд, таким образом, придается психологическое толкование, в том смысле, что он отождествляется с «жертвой»³¹. С фальсификацией взглядов А. Смита выступает и М. Блауг, утверждавший, что «Смит под трудом понимает не количество часов, а упущенную выгоду, психологические трудовые издержки индивидуума, а под стоимостью — скорее субъективную, чем меновую, стоимость»³².

При таком толковании буржуазной классической школы ссылки делаются прежде всего на А. Смита, фальсифицированные взгляды которого противопоставляются К. Марксу. Это понятно, поскольку у А. Смита в силу его противоречивого метода исследования, как известно, сосуществуют экзотерические и эзотерические высказывания, порой противоречащие друг другу. Буржуазная политическая экономия обходит молчанием данную особенность учения А. Смита, ссылаясь главным образом на положения, носящие экзотерический характер, и не учитывают при этом научного прогресса, который наблюдался от Смита до Рикардо. Таким образом, и этот подход служит косвенным подтверждением вывода о том, что теория трудовой стоимости Маркса представляла собой выдающееся событие в истории политической экономии.

В чем же заключается причина столь упорного искажения буржуазными теоретиками научно-исторических отношений между классической буржуазной и марксистской теорией стоимости? Ответить на этот вопрос нетрудно.

Все эти попытки предпринимаются для того, чтобы скрыть или опровергнуть разработанные в классической буржуазной политической экономии теоретические позиции, которые по своему содержанию подводят к понима-

³⁰ *Zimmerman L. J. Geschichte der theoretischen Volkswirtschaftslehre. Köln, 1967, S. 259.*

³¹ *Stavenhagen H. G. Geschichte der Wirtschaftstheorie, S. 120.*

³² *Blaug M. Systematische Theoriegeschichte der Ökonomie, Bd 1. München, 1971, S. 110.*

нию прибавочной стоимости, основного экономического закона капитализма. Крузе, например, утверждает, что теория трудовой стоимости Смита якобы вовсе не имела никакого значения и что Смит скорее создал «теорию издержек производства»³³. Бесспорно то, что А. Смит, с одной стороны, выводит стоимость из труда, содержащегося в товаре, и, с другой стороны, из того труда, которым можно распоряжаться с помощью продукта. Но Крузе совершенно не понял сущности этих различий. Для К. Маркса же они были своеобразным импульсом к научному анализу, поскольку противоречия А. Смита способствовали развитию важных теоретических проблем³⁴. По сути для буржуазной истории политической экономии важна не научно-историческая истина, а «опровержение» теоретической логики, необходимым образом связанной с теорией трудовой стоимости.

Крузе представляется убедительным следующее утверждение: «Если бы Смит и далее был бы последовательным в своих выводах, то он должен был бы подойти к точке зрения социалистов, согласно которой рабочие эксплуатируются собственниками и от них утаивается часть трудового дохода в виде прибыли и ренты. Но этого не произошло»³⁵.

И все-таки, как известно, это произошло! Приводя высказывания А. Смита о том, что прибыль и рента являются «вычетами из продукта труда рабочего»³⁶, К. Маркс совершенно однозначно отмечает: «Тем самым Смит уловил истинное происхождение прибавочной стоимости»³⁷. Буржуазные интерпретации теории А. Смита обнаруживают свою полную несостоятельность. И никакая риторика не в состоянии изменить это.

³³ Kruse A. Geschichte der volkswirtschaftlichen Theorien. Berlin (W), 1959, S. 52. В принципе это тот же самый тезис, с которым мы уже познакомились выше у Шахтшнбеля и Ректенвальда. Между прочим, его разделяют также М. Блауг (Blaug M. Systematische Theoriegeschichte der Ökonomie, Bd 1, S. 113 и т. д.) и С. Холлендер (Hollender S. The Economics of Adam Smith Toronto — Buffalo, 1973, p. 117).

³⁴ См. в этой связи: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I, с. 42 и т. д.

³⁵ Kruse A. Geschichte der volkswirtschaftlichen Theorien, S. 52.

³⁶ Smith A. Eine Untersuchung über das Wesen und Ursachen des Reichtums der Nationen, Bd I. Berlin, 1979, S. 85.

³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I, с. 53.

Посмотрим на некоторые попытки подобного рода. Американский экономист Д. Рима с похвальной открытостью посвящает нас в апологетическую сущность своих научно-исторических трудов. Относительно классической теории стоимости, в частности теории А. Смита, он рассуждает так: «Если вся стоимость создается трудом, то не является ли вычет в пользу собственников земли и капиталистов эксплуатацией того, что, собственно, принадлежит рабочему? Смиту никогда бы не пришло в голову подобное суждение. Он видел общество благодетельным; в нем не существовало расхождения классовых интересов»³⁸.

В унисон с ним Ректенвальд интерпретирует теорию Смита как «мирное послание», «которое представляет собой резкую противоположность с диалектикой и антигуманной классовой борьбой у К. Маркса, хотя его идеи находятся под сильным, правда, искаженным влиянием Смита, во всяком случае более сильным, чем это признавалось до сих пор»³⁹. Обоснования этим, мягко говоря, ошибочным положениям автор не дает никакого, демонстрируя явное невежество по отношению к марксистско-ленинской литературе.

Это относится особенно к противопоставлению позиций буржуазных классиков и К. Маркса в вопросе классового антагонизма в рамках буржуазного строя. Согласно Ректенвальду, лишь К. Марксу пришла в голову идея об «антигуманной классовой борьбе». Аналогичным образом высказывается Штафенхаген: «Сам Маркс в своей экономической теории апеллирует к понятиям и моделям классического учения, однако он в сознательной социологической интерпретации придает им новое содержание». Это объективно правильно, однако не в том толковании, которое дает этим словам Штафенхаген: «С разделением общества на два антагонистических класса в учении Маркса вместо гармонического взгляда на примирение противоречивых интересов... выдвигается принцип классовой борьбы»⁴⁰.

Приписывание классической школе незнания классовых противоречий капиталистического общества — это один из крупнейших просчетов буржуазной истории по-

³⁸ Rima J. H. Development of Economic Analysis. Homewood, 1967, p. 75.

³⁹ Recktenwald H. Würdigung des Werkes, S. XV.

⁴⁰ Stavenhagen G. Geschichte der Wirtschaftstheorie, S. 147.

литической экономии. Как известно, Д. Рикардо придавал социальному конфликту между капиталистами и наемными рабочими определенное теоретическое толкование, утвердившееся в его концепции обратно пропорциональной зависимости между заработной платой и прибылью. Эта классовая противоположность настолько очевидна, что по отношению к нему буржуазным теоретикам приходится быть несколько более осторожными. Но тем больше за это приходится расплачиваться А. Смиту. Он везде представляется как «теоретик равновесия» и изобретатель «гомо экономикус», у которого якобы все экономические действия ведут к общественной гармонии.

Однако такая позиция не соответствует действительности. Смит — и это в принципе относится ко всей классической буржуазной политической экономии — показал в конечном счете противоречивость интересов «трех крупных классов всякого цивилизованного общества». Например, он относительно капиталистов отмечает, что «их интерес никогда полностью не совпадает с интересом общества»⁴¹.

Вернемся еще раз к проблеме теории трудовой стоимости, находящейся в центре реальной научно-исторической связи между классической буржуазной политической экономией и К. Марксом, поскольку исходя из этого — и только из этого — можно в конечном счете вскрыть сущность эксплуатации. Все приведенные выше попытки буржуазной интерпретации этой связи по сути разбиваются о действительное поступательное развитие истории экономической науки. Главное здесь состоит в том, что научная логика теории трудовой стоимости, разработанная в известной мере уже у А. Смита и Д. Рикардо, содержит подход к открытию закона прибавочной стоимости. Значение этого постоянно подчеркивал К. Маркс.

Следует отметить, что некоторые представители современной буржуазной политической экономии порой вы-

⁴¹ *Smith A., a.a.O., Bd 1, S. 328.* Заслугой Штефана Геретика является то, что он доказал несостоятельность утверждения в том, будто бы Смит является автором положения об экономическом человеке в качестве исходного пункта «анализа экономики» (*Heretik S., Smith A. «Reichtum der Nationen» und die gegenwärtige Krise der bürgerlichen politischen Ökonomie. — 200 Jahre Adam Smith' «Reichtum der Nationen». Internationales Kolloquium in Halle 1975. Berlin, 1976, S. 149.*

нуждены это признать. Например, английская экономистка Дж. Робинсон отмечает, что классическая буржуазная политическая экономия и К. Маркс в принципе едины в своем стремлении «за стоящими на переднем плане феноменами заработной платы и цен, которые определяются свободными, заключающимися на рынке торговыми соглашениями», вскрыть «сущность капитализма». Она также утверждает, что К. Маркс здесь в качестве кардинальной проблемы исследования рассматривал феномен «возникновения избытка». Правда, она, так же как другие буржуазные авторы, слишком упрощает проблему: «Для анализа этого выдвигающегося на первый план феномена Маркс взял на вооружение классическую теорию, согласно которой товары обмениваются в соответствии со стоимостью, которая определяется рабочим временем, необходимым для их производства»⁴². Однако еще недостаточно свести научно-историческую связь К. Маркса с его буржуазными предшественниками к простому «взятию на вооружение» теории трудовой стоимости классической школы. Вместе с тем. Дж. Робинсон преувеличивает значение обращения К. Маркса к буржуазным классикам в раскрытии им сущности эксплуатации: «Маркс, следовавший здесь за классическим экономистом, объяснял прибыль властью капитала эксплуатировать рабочих»⁴³. В теоретическом плане здесь многое остается недостаточным и неразработанным⁴⁴,дно во всяком случае не утверждается, что Марксова теория прибавочной стоимости находится вне рамок научно-исторической логики.

Однако большинству буржуазных историков политической экономии отказано в такой логике. Отсюда распространение в буржуазной экономической литературе субъективного учения о стоимости, осуществляющего «коренной отход от теории трудовой стоимости Рикардо

⁴² *Robinson J., Eatwell J. Einführung in die Volkswirtschaftslehre, Frankfurt am Main, 1977, S. 58.*

⁴³ *Robinson J. Ökonomische Theorie als Ideologie. Frankfurt am Main, 1974, S. 35.*

⁴⁴ Прежде всего потому, что Дж. Робинсон отвергает учение о трудовой стоимости как «метафизическую концепцию», и, таким образом, ее научные замечания приобретают чисто формальный характер. Научный прогресс и дальнейшее раскрытие научной истины не являются темами ее научного интереса (*Robinson J. Economic Philosophy. London, 1962, p. 29*).

и всего того, что было на ее основе построено Марксом и Энгельсом»⁴⁵.

Такие позиции фактически тождественны с апологетикой и позитивистски ориентированной вульгарной буржуазной политической экономией (благозвучно названной прагматизмом), но не имеют ничего общего с теоретической и теоретико-исторической логикой.

Таким образом, в современной буржуазной истории политической экономии преобладает теоретико-историческое невежество. Именно совершенный Кейнсом, по его собственному заявлению, «разрыв» с «классической школой» (как он ее понимает, т. е. с теорией А. Маршалла) более всего соответствует буржуазному стремлению уйти от тех проблем, которые ставит история политической экономии и которые своей высшей точки достигают, в частности, в произведениях К. Маркса.

Буржуазной истории политической экономии лучше всего удастся уйти от этих проблем с помощью абсолютного агностицизма, относительно которого Сурани-Унгер более полувека тому назад сформулировал следующее: «Поскольку господствующие в развитии социального законы вечно останутся недоступными нашему взору, мы должны ограничиться скромной констатацией различий между ведущими мыслями и идеями отдельных исторических эпох и отказаться от попыток на основе возможных аналогий между ними сделать выводы относительно их будущего развития»⁴⁶.

С отрицанием познаваемости законов развития науки отпадает также необходимость исследовать закономерности перехода от буржуазной классики к пролетарской политической экономии. Ни один из буржуазных авторов даже не подозревает, что скрывается за Марксовым открытием двойственного характера труда, производящего товар. Эта проблема вообще и не затрагивается в буржуазной литературе по истории политической экономии. Поэтому диалектика развития отношения учения К. Маркса и теорий классической школы не может быть научно освещена буржуазной экономической мыслью.

⁴⁵ Schmölders. G., a.a.O., S. 81.

⁴⁶ Suranyi-Unger T. Philosophie in der Volkswirtschaftslehre, Bd 1. Jena, 1923, S. 1.

Критика буржуазных концепций социалистического планового хозяйства

В противоборстве между социализмом и капитализмом достигнута новая ступень. Она характеризуется империалистической политикой сверхвооружений и конфронтации. Эта политика находит свое отражение и активную поддержку в буржуазной идеологии и не в последнюю очередь в ее нападках на экономику реального социализма.

В современной буржуазной критике экономики социализма господствует неоконсервативное течение. Преобладают воинственно антикоммунистические, откровенно клеветнические нападки на социалистическое плановое хозяйство, которые преимущественно опираются на явные извращения теории и практики социализма.

Наряду с этим в рамках буржуазной идеологии существуют и более дифференцированные подходы к социалистическому хозяйству. Они служат прежде всего цели империалистической политики постепенного подрыва единства и сплоченности стран социалистического содружества.

В условиях резко обострившейся идеологической борьбы между двумя противоположными мировыми системами необходимо действенно и убедительно выступить против фальсификации сущности и функций социалистического планового хозяйства. Выполнение этой задачи требует, как никогда ранее, творческого применения учения Маркса и его методологии, требует поистине широкого диалектического подхода.

Буржуазные трактовки социалистического планового хозяйства, искажающие диалектику производительных сил и социалистических производственных отношений, неразрывно связаны с отрицанием важного методологического принципа, который заключается в учении К. Маркса о двойственном характере труда товаропроизводителя, являющемся «отправным пунктом» для понимания политической экономии как науки¹.

Двойственная природа труда товаропроизводителя проявляется не только в противоречивом единстве конкретного и абстрактного труда, но и в том, что она при-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 50.

дает всем остальным явлениям и процессам в условиях товарного производства двойственный характер. Все они имеют предметно-вещественную сторону (в соответствии с данным уровнем развития производительных сил) и общественную, социальную сторону, которая определяется существующими производственными отношениями. Так, например, из двойственного характера труда вытекает, что процесс капиталистического производства выступает как диалектическое единство процесса труда и процесса увеличения стоимости.

Из этого методологического принципа следует, что действительно научное экономическое исследование должно быть направлено как на изучение материально-вещественной предметной стороны экономических явлений и процессов, так и на их социальную природу.

Для конца 70-х и начала 80-х годов характерно наличие двух основных направлений буржуазных концепций социалистического планового хозяйства. Первое — это откровенно антикоммунистическая, консервативная линия, которая в настоящее время является хотя и доминирующей, но отнюдь не однородной и целостной. Она опирается прежде всего на теорию «централизованно управляемого хозяйства» и отчасти даже на концепцию «командной экономики», которая в течение нескольких последних десятилетий в буржуазной экономической критике социализма почти не применялась. Представители второго, более умеренного направления стремятся модифицировать теорию «централизованно управляемого хозяйства», чтобы придать ей бóльшую (хотя бы видимую) достоверность. К этому направлению относятся также и попытки буржуазных экономистов охарактеризовать и классифицировать все «современные» хозяйственные системы с помощью теории «смешанной экономики».

Рассмотрим несколько подробнее оба этих направления.

Обращение к реакционной теории разделения хозяйственных систем на «централизованно управляемое» и «рыночное» хозяйства соответствует современной неоконсервативной стратегии монополистического капитала в двух отношениях. Во-первых, наиболее агрессивные круги монополистической буржуазии под флагом борьбы за «свободную рыночную экономику» в капиталистических странах (например, в США, Великобритании, ФРГ) стремятся использовать государственно-монополистиче-

ское регулирование экономики в интересах крупнейших монополий, и прежде всего военно-промышленного комплекса.

Во-вторых, концепция «централизованно управляемой экономики» отвечает целям идеологического крестового похода империалистической реакции против социализма, служит теоретической базой для нападков на основы социалистического планового хозяйства.

Названная выше теория была разработана немецким экономистом В. Ойкеном, одним из основателей неолитерализма, с позиции методологических принципов «конструкции идеальных типов» хозяйства М. Вебера и далее развита К. П. Гензелем и К. А. Тальхеймом².

Ядро этой теории состоит в утверждении, будто исходным пунктом экономического исследования являются не реально существующие экономические системы, а «идеальное типичное хозяйство». При этом различаются два «идеальных типа»: «централизованно управляемое хозяйство» и «рыночное хозяйство». И в зависимости от того, в какой степени реальная экономическая действительность соответствует тому или иному «идеальному типу» хозяйства, определяется характер экономического строя той или иной страны. «Идеальное» выступает здесь в роли творца реальной экономической действительности.

Признаки «централизованно управляемого хозяйства», как говорит само название, усматриваются в полностью централизованном управлении процессом общественного воспроизводства. В соответствии с этой трактовкой за предприятием остается лишь обязанность выполнять план. В связи с этим делается вывод, будто в социалистических государствах только «хозяйственная и партийная бюрократия» является субъектом хозяйствования и принятия экономических решений, а непосредственные производители — объекты принимаемых решений³. Таким путем обосновывается «несуверенность» про-

² *Eucken W.* Grundsätze der Wirtschaftspolitik. Bern — Tübingen, 1952 (особенно гл. VII); *Hensel K. P.* Systemvergleich als Aufgabe. Stuttgart, 1977. К. П. Гензель (1907—1975) был профессором теории народного хозяйства в университете г. Марбурга и руководителем основанного им Исследовательского центра по сопоставлению экономических управленческих систем; *Thalheim K. C.* Wirtschaftspolitik, Bundesrepublik Deutschland und Deutsche Demokratische Republik. Die beiden deutschen Staaten im Vergleich. Berlin (W), 1980, S. 352.

³ *Hensel K. P.* Systemvergleich als Aufgabe, S. 218.

изводителя и потребителя, мнимое подчинение потребления производству в социалистическом плановом хозяйстве.

Несостоятельность данной концепции в теоретико-методологическом плане обнаруживается в том, что предметом экономических исследований являются нереальные производственные отношения и законы их действия. Не ставится вопрос о том, насколько идеальные модели соответствуют действительности и помогают раскрыть и отразить сущность экономических систем. Напротив, решается вопрос, отвечает ли (и в какой мере) реальная действительность модели «идеального типичного хозяйства». Соотношение между субъектом и объектом полностью искажается. С таких субъективно-идеалистических позиций буржуазные экономисты, конечно, не могли и не могут раскрыть социальную природу экономики социалистического общества.

Буржуазные теоретики утверждают, что не собственность на средства производства, как основное производственное отношение, составляет базис для определения социальной сущности экономики, а функциональный и управляющий механизм хозяйствования, тип и способ его организации, планирования и управления. Таким образом, не социальная сущность экономических отношений объявляется критерием способа производства, а специфический вид целесообразной, полезной деятельности людей по управлению и планированию экономикой.

Исходя из этой посылки, буржуазные экономисты противопоставляют руководителей и исполнителей. При этом не учитывается тот факт, что трудящиеся при социализме не только объективно являются собственниками средств производства, но также и субъективно все полнее принимают участие в производстве и в его дальнейшем развитии (например, участвуют в социалистическом соревновании, в обсуждении плана, путей его реализации и т. д.).

Следует принять во внимание, что такая сложная структура, определяемая множеством основанных на разделении труда производственных процессов, как социалистическое плановое хозяйство, никогда не функционировала без органов планирования и управления на всех уровнях народного хозяйства. Разделение труда между непосредственными производителями и руководи-

телями не определяет тип соответствующей экономической системы. Такого рода разделение труда имеет место и при капитализме, например между рабочими и управляющими капиталистических фирм. Поэтому оно не может быть основополагающим признаком для классификации «экономических систем». Подобную функцию общественное разделение труда выполняет только в том случае, когда оно выражает ту или иную форму собственности на средства производства. К. Маркс и Ф. Энгельс сформулировали это следующим образом: «Различные ступени в развитии разделения труда являются вместе с тем и различными формами собственности, т. е. каждая ступень разделения труда определяет также и отношения индивидов друг к другу соответственно их отношению к материалу, орудиям и продуктам труда»⁴.

Игнорируя эту поистине важную взаимосвязь, приверженцы теории «централизованно управляемого хозяйства» отождествляют общественную и организационно-техническую стороны разделения труда. Тем самым они не учитывают, что организация плановой и управляющей деятельности, хотя и отчасти схожа в техническом отношении в социалистическом и капиталистическом хозяйствах, но по своей социально-экономической сущности она противоположна в различных общественно-экономических системах. Нет планирования и управления самих по себе, их сущность всегда определяется соответствующим социально-экономическим базисом — социалистическим или капиталистическим.

К тому же сущность процессов планирования и управления состоит не в их «централизации» или «децентрализации». Эти формы, или оба уровня планирования и управления экономическими процессами, существуют в различных экономических системах. Как указывал К. Маркс, определенная ступень развития производительных сил неизбежно ведет и в условиях капитализма к определенной централизации, организации и координированию экономики. И эти процессы приводят к тому, что капиталистическое производство принимает «вид общественно-комбинированного процесса» и требует «управляющей воли». «Труд по надзору и всестороннее вмешательство правительства» охватывают также «выполнение общих дел, вытекающих из природы всяко-

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 20.

го общества, и специфические функции, вытекающие из противоположности между правительством и народными массами»⁵.

Следовательно, и в буржуазном обществе в настоящее время (как составная часть государственно-монополистического регулирования) существует «централизация», но здесь она явно определяется противоречием между трудом и капиталом. В противоположность этому утверждению «централизация» при социализме есть составная часть всего общественного планирования, но далеко не идентична с ним. Следовательно, категория «централизация», как таковая, не отражает еще сущности социализма.

С другой стороны, было бы абсурдно полагать, что планирование и управление существуют только на централизованном уровне. Так как планомерность является существенным признаком коммунистического способа производства, то она распространяется на все звенья общественного процесса воспроизводства (производство, распределение, обращение, потребление) и охватывает все уровни народного хозяйства — начиная от бригады вплоть до отдельного подразделения на предприятиях, целого предприятия, комбината и отрасли и всего народного хозяйства. Само собой разумеется, что народнохозяйственный план, который в результате принятия его высшим органом народного представительства приобретает силу закона, не может быть суммой независимо друг от друга разработанных отдельных планов. Чтобы он был действительно сбалансированным, министерства доводят основные плановые задания до нижестоящих, подчиненных хозяйственных единиц. После анализа и конкретизации этих заданных показателей постепенно, проходя различные ступени агрегации (или уровни), план народного хозяйства вырастает в единое органическое целое. Только тогда народнохозяйственный план становится законом, а планы производственных звеньев приобретают характер государственных заданий. Однако буржуазные экономисты сводят планирование социалистического народного хозяйства лишь к этой последней ступени.

Такая в высшей степени сложная, состоящая из многих звеньев система народного хозяйства не может непо-

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I, с. 422.

средственню управляться из какого-то одного воображаемого «центра», как с некоего командного мостика. Это означало бы, что условия воспроизводства всех без исключения производственных единиц, в том числе и самых незначительных (в каждый данный момент времени), должны быть известны центру в их количественной и качественной определенности, чтобы к каждой производственной единице непосредственно, во всех их частностях, подходили все (!) решения центра.

Следовательно, теория «централизованно управляемого хозяйства» опирается на абсолютизацию роли центральных органов планирования. Она является псевдонаучным упрощением, которое осуществляется буржуазной политической экономией совершенно сознательно, и фактически направлена на дискредитацию не столько централизованного планирования, как такового, сколько его социалистической сущности, против обязательного характера демократического централизма в экономике, а тем самым и против руководящей роли рабочего класса и его марксистско-ленинской партии в экономической и политической жизни общества.

Этим же целям служит позиция сторонников теории «централизованно управляемой экономики» в отношении общественного производства. Они заявляют о «суверенности потребителя» в «рыночной экономике» и его якобы «несуверенности» в централизованно управляемой экономике или о примате производства по сравнению с потреблением при социализме. Данные взгляды не только типичны для вышеназванной теории, но и характерны для всей буржуазной критики экономики социализма.

Подобные утверждения буржуазных экономистов извращают диалектику производства и потребления, накопления и потребления в социалистическом и капиталистическом обществах.

Гносеологической основой подобных искажений являются внешние формы процесса конкретного труда: примат во всех формациях принадлежит производству, и в то же время всегда производят для нужд потребления. «Однако, — как подчеркивает К. Маркс, — производство создает для потребления не только предмет, — оно придает потреблению также его определенность, его характер, его завершенность»⁶. Тем самым в диалектиче-

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 718.

ском отношении между производством и потреблением определяющей, решающей стороной является производство, ибо оно производит «способ потребления и побуждение к потреблению»⁷.

Однако производство потребительных стоимостей во всех способах производства опосредовано их социально-экономической целью. В условиях капитализма таковой является, как известно, максимизация капиталистической прибыли. При социализме производство потребительной стоимости, а тем самым и действительное потребление являются непосредственной целью производства при одновременном снижении стоимости каждого изделия. Эта взаимосвязь воплощает в себе существенный признак социалистического производства, который коренится в его основном законе. Для природы социалистической, и прежде всего всенародной, собственности на средства производства характерны процессы, направленные не на увеличение стоимости, а в первую очередь на получение все большей (и лучшего качества) потребительной стоимости, сокращая при этом пропорционально издержки производства. Поэтому на этапе развитого социалистического общества интенсивно расширенное воспроизводство является доминирующим типом.

При этом диалектическая связь двух сторон социалистического воспроизводства (производство потребительной стоимости и стоимости) такова, что даже и в длительной перспективе сохранится преобладание производства потребительной стоимости, которое будет стимулироваться производством стоимости. В противоположность этому при капитализме производство прибавочной стоимости, возрастание капитала стоят на первом плане. Потребление лишь тогда представляет интерес для капиталиста, когда оно обеспечивает платежеспособный спрос на новые товары. Эта взаимосвязь отражается в основном экономическом законе капитализма — законе прибавочной стоимости.

Отсюда следует, что «суверенитет потребителя» в капиталистическом обществе объективно не может существовать, хотя на поверхности явлений дело представляется в совершенно ином свете. Так как стоимости реализуются только через потребительные стоимости, то последние находятся в центре внимания в процессах обраще-

⁷ Там же.

ния и потребления (в рекламах и в исследованиях о рынке). Потребителю внушается, что именно его потребности являются якобы целью роста капиталистического производства.

Причина кажущейся «суверенности» индивидов при капитализме по сравнению со всеми предшествующими общественными способами производства объясняется К. Марксом следующим образом: «Чем больше мы углубляемся в историю, тем в большей степени индивидуум, а следовательно и производящий индивидуум, выступает несамостоятельным, принадлежащим к более обширному целому... Лишь... в «гражданском обществе», различные формы общественной связи выступают по отношению к отдельной личности просто как средство для ее частных целей, как внешняя необходимость. Однако эпоха, которая порождает эту точку зрения — точку зрения обособленного одиночки, — есть как раз эпоха наиболее развитых общественных... связей»⁸.

Общественная детерминированность, взаимозависимость индивидов, существует при социализме на более высокой ступени, в новом социальном качестве. При этом она не затушевывается, не игнорируется, а подчеркивается и осознается, что вызывает у трудящихся такое социальное поведение и активность, которые соответствуют их ответственности перед всем обществом в целом и становятся предпосылкой для планомерного, сознательно осуществляемого общественного труда.

Следовательно, именно на искажении закономерных особенностей капиталистического и социалистического хозяйствования буржуазные теоретики создают ложные теории о наличии или отсутствии «суверенитета» индивидов в обществе. Мнимая «свобода» индивида в буржуазном обществе вытекает из капиталистической конкуренции и анархии и соответствует им, в то время как планомерная организация экономических отношений при социализме выдвигает объективные общественные взаимосвязи и зависимости. «Оживление» теории «централизованно управляемой экономики» в ее первоначальном виде происходит параллельно с попыткой ее модификации. Некоторые буржуазные экономисты, например Ф. Хаффнер (профессор университета в г. Мюнстере) и Ф. Левчик (директор Венского института сравнительно-

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 710.

го анализа международных экономик), перед лицом реально существующих социалистических плановых хозяйств и их успешного функционирования вынуждены были признать, что теория «централизованно управляемой экономики» от этой реальности весьма далека. Так, например, Ф. Хаффнер заявил, что модель «централизованно управляемой экономики» якобы не имеет важного значения, так как почти все ее послыжки нереалистичны⁹. Следовательно, продолжает автор в отношении этой модели, речь идет о «реальной утопии», и ее необходимо сильнее увязать с реальностью¹⁰.

Ф. Хаффнер вынужден признать, что «социалистические предприятия» отнюдь не только «чисто исполнительные органы», но и «отчасти самостоятельно действующие и планирующие» хозяйственные единицы. Вследствие этого отношения между «центром» и предприятиями не сводятся к «подчинению» в смысле «тотального» планирования¹¹. Этот факт нашел свое выражение, по утверждению Ф. Хаффнера, в переходе социалистических стран от «полного» планирования к «неполному», при котором «рыночные элементы и рыночные отношения... выстроены в господствующую систему планирования»¹². Данное положение Х. Лейпольд (доцент в Марбургском университете) пытается аргументировать тем, что центральное планирование якобы проявляет все больше «несовершенств», так как оно «не заполняет все уровни принятия решений»¹³.

Во всех этих высказываниях вынужденное, хотя и частичное, признание социалистической действительности (относительная самостоятельность предприятий) всячески искажается. Внушается, что в первые десятилетия социалистического строительства действительно якобы существовало «совершенное» или «тотальное центральное планирование», которое исключало рыночные отношения и косвенное руководство предприятием через стоимостные категории. Только когда эта система «отка-

⁹ *Haffner F.* Erklärungsmomente für naturale und monetäre Disproportionen aus einre Theorie der unvollkommenen Planwirtschaft. — *Schenk K. E.* Lenkungsprobleme und Inflation in Planwirtschaften. Berlin (W), 1980, S. 16.

¹⁰ *Ibid.*, S. 9—14.

¹¹ *Ibidem.*

¹² *Ibid.*, S. 25.

¹³ *Leipold H.* Wirtschafts — und Gesellschaftssysteme im Vergleich. Stuttgart, 1980, S. 213.

зала», в социалистических государствах были вынуждены дополнить «императивное планирование» «рыночными элементами». К тому же настойчиво подчеркивается, что сфера принятия решений предприятиями и при «неполном центральном планировании» остается весьма ограниченной, а «рыночные элементы» не представляют собой «полностью развитой рынок»¹⁴.

Трансформация теории «полного планирования» Ф. Хаффнера в теорию «неполного планирования» содержит не менее искаженную картину социалистической экономики. Здесь исключается абсурдная идея о том, что социалистическое хозяйство планируется и управляется исключительно из «центра», а вместо этого утверждает, что только в том случае, когда оно планируется «не полностью», и только там, где плановый механизм не срабатывает, начинает действовать рыночный механизм.

Тем самым «план» и «рынок» не только механически уравниваются, но и противопоставляются друг другу. «Рынок» отождествляется со стихийным регулятором экономики на основе закона стоимости в условиях свободной конкуренции, причем уточняется, что рынок, который не выступает как регулятор хозяйства, не может выполнить своих функций. Таким образом, утверждает, что в условиях нынешнего государственно-монополистического капитализма нет уже «настоящего рынка», ибо «свободная игра сил» происходит здесь только в весьма узких «свободных пространствах».

К тому же буржуазными теоретиками совершенно не учитывается, что «план» и «рынок» как категории не могут составлять диалектического единства, как, например, производственные отношения и производительные силы. Напротив, они в системе производственных отношений принадлежат к различным уровням. Антиподом планомерности является стихийность, а не «рынок». Следовательно, друг другу могут быть противопоставлены плановое хозяйство и хозяйство, для которого характерны анархия и конкуренция¹⁵.

¹⁴ *Haffner F. Erklärungsmomente für naturale und monetäre Disproportionen aus einre Theorie der unvollkommenen Planwirtschaft*, S. 25.

¹⁵ Эта альтернатива имеет значение также и для государственно-монополистического капитализма, так как «глобальное управление» хотя и включает в себя элементы планирования, однако общественное планирование совершенно несовместимо с законами капитализма.

Антиподом товарного производства является натуральное хозяйство, а не «план». Попытки буржуазных теоретиков отождествить социалистическое плановое хозяйство с натуральным несостоятельны. Х. Лейпольд, например, утверждает, что в социалистическом хозяйстве все в большей мере монетарные величины будут затыкать бреши в «натуральном централизованном планировании»¹⁶. В то же время такая постановка вопроса показывает, что буржуазные теоретики противопоставляют плановую организацию всего народного хозяйства («план») и обмен товарами при социализме (включая товарно-денежные отношения и хозрасчет).

Классовая позиция буржуазных теоретиков не позволяет им признать, что планирование и рынок при социализме не только не исключают, но и обуславливают друг друга. Экономические законы, и прежде всего закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства, эффективно используются лишь в том случае, если ни одна фаза процесса воспроизводства не остается вне планирования, и, наоборот, не может быть товарного производства, в том числе социалистического, где бы ни применялись категории «рынок» и «хозрасчет» не только в процессе обмена, но и на остальных фазах процесса воспроизводства (производство, распределение, потребление). Это подтверждается открытой К. Марксом двойственной природой товара и труда товаропроизводителя. И при социализме при всей его специфике труд, производящий товары с их двойственным характером — потребительной стоимостью и стоимостью, обладает двойственной природой, выступает как труд конкретный и труд абстрактный. «...В обмене они (эти товары. — *Авт.*) относятся друг к другу как стоимости и реализуются как стоимости, — писал К. Маркс. — Значит, товары должны реализоваться как стоимости, прежде чем они получают возможность реализоваться как потребительные стоимости.

С другой стороны, прежде чем товары смогут реализоваться как стоимости, они должны доказать наличие своей потребительной стоимости, потому что затраченный на них труд учитывается лишь тогда, когда он выступает в форме, полезной для других. Но является ли

¹⁶ *Leipold H. Wirtschafts — und Gesellschaftssysteme im Vergleich*, S. 223.

труд действительно полезным для других, удовлетворяет ли его продукт какой-либо чужой потребности, — это может доказать лишь обмен¹⁷. Иными словами, товарное производство не может существовать без обмена.

В то же время закон экономии времени требует как сокращения стоимости, перенесенной конкретным трудом со средств производства на новый продукт, так и снижения расходов абстрактного труда на единицу изделия. Для осуществления социалистического производства требуется все более полное удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей людей¹⁸. В свою очередь для реализации этой цели необходимы показатели применения как живого, так и овеществленного труда. Это означает, что товарное производство выражается через все его категории, которые вытекают из двойственного характера труда, создающего товар. Но эти категории (например, цена, издержки, прибыль, выручка, производительность труда, фондоотдача, материалоемкость и т. д.) в той или иной форме отражают все фазы планируемого социалистического воспроизводства.

Искажая соотношения категорий «план» и «рынок», буржуазные экономисты рассматривают социалистическое производство прежде всего с точки зрения конкретного процесса труда. Процесс образования и реализации стоимости, по их мнению, в социалистическом хозяйстве едва ли происходит. Но если они все-таки признают результаты этого процесса, то только как чуждые «плану» элементы и фрагменты «рынка».

Несостоятельно и утверждение, будто «планируемый рынок» — это некий «несовершенный» рынок, который негативно воздействует на эффективность производства. Утверждается господство анархии и конкуренции в обращении товаров в условиях капитализма.

При социализме распределение общественно необходимого рабочего времени по отдельным сферам и отраслям народного хозяйства осуществляется не законом стоимости и конкуренцией, а на основе закона планомерного, пропорционального развития.

С иным вариантом «совершенствования» теории

¹⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 95.

¹⁸ Это предполагает также соответствующую структуру распределения общественного труда по отраслям народного хозяйства.

«централизованно управляемой экономики» выступил Ф. Левчик, который подверг критике других представителей этой теории за их выбор критериев для определения сущности экономических систем и их классификации. Он признает, что «отношения собственности являются хотя и не исключительным, но решающим критерием при различении социально-экономических систем»¹⁹. Ф. Левчик пришел и к заключению, что различия, существующие в общественно-экономических системах, создают разнотипные предпосылки для планирования народного хозяйства²⁰, что находит свое выражение в «планировании посредством директив» или в «индикативном планировании». «В первом случае, — отмечает Ф. Левчик, — центральные власти берут на себя как функцию владельца собственности, так и функцию предпринимателя, и в этом случае планирование становится преобладающим инструментом управления». Во втором случае государство должно якобы довольствоваться «косвенными хозяйственно-политическими мероприятиями и регуляторами»²¹. Таким образом, он признается в том, что в конечном счете именно собственность определяет сущность всех экономических и общественных отношений, а тем самым и характер планирования. Однако ни сущность, ни содержание категории собственности не получают у него научного толкования. Собственность понимается Ф. Левчиком не как общественное производственное отношение, не как процесс постоянно повторяющегося присвоения, а как «компетенция для принятия решений». Это положение полностью созвучно с «теорией централизованно управляемой экономики», где представителям «центральных властей» приписываются функции владельца собственности и «предпринимателя».

Все модификации данной теории суть лишь косметические операции, сквозь которые совершенно ясно проглядывает первоначальный облик вульгарной теории «централизованно управляемой экономики».

Одной из разновидностей буржуазных теорий экономических систем является концепция «смешанной эко-

¹⁹ *Levcik F. Wirtschaftsplanung, Gesellschaftssystem und Wirtschaftsentwicklung. Berlin (W), 1979, S. 59—60.*

²⁰ *Ibid., S. 64.*

²¹ *Ibid., S. 65.*

номики». Так, американский экономист П. Самуэльсон утверждает, что существуют уже не «чистые», а только «смешанные экономики», где предпринимательство определяют «как общественные, так и частные инвестиции»²². Тем самым П. Самуэльсон пытается избежать явной односторонности и ограниченности, которые характерны для других буржуазных концепций. Однако и данная теория полностью искажает картину экономической действительности.

Западногерманские буржуазные теоретики А. Круппа, В. Брель, Х. Лейпольд исходят из субъективно-идеалистического принципа, состоящего в том, что конкретные формы организации соответствующей «смешанной системы» определяются путем якобы волеизъявления избирателей. Исходным пунктом этой позиции является утверждение, будто в реальной жизни существуют только «смешанные системы», «которые с разным успехом практикуются при решении различных экономических проблем»²³.

Что же понимается под «смешанными системами» в буржуазной политической экономии?

А. Круппа (профессор в области исследования экономики и политики при Высшей школе в г. Оснабрюке) придерживается следующего мнения: «Реальные системы суть смешанные системы как относительно форм координации, так и организационных форм»²⁴. При этом автор интерпретирует организацию как «централизацию» или «децентрализацию» распределения компетенции и исходит из той посылки, что полномочия по принятию хозяйственных решений в своей сущности всегда являются «компетенцией планирования»²⁵. Этот вид полномочий «комбинируется», по А. Круппа, еще с одним определенным способом «координации» — «рыночной» или «плановой»²⁶. «Плановую координацию» он делит на «командную или управляемую экономику» (с прямым управлением) и государственное плановое хозяйство

²² Samuelson P. A. Volkswirtschaftslehre. Eine Einführung 6. Bd 1. Köln, 1975, S. 65.

²³ Bröll W. Die Planwirtschaft im Vergleich zur Marktwirtschaft Theorie — Betriebliche Praxis — Entwicklungstendenzen. München, 1980, S. 10.

²⁴ Kruppa A. Vergleich sozialökonomischer Systeme. Köln, 1981, S. 92.

²⁵ Ibid., S. 19.

²⁶ Ibid., S. 20.

(с централизованно управляемой координацией). Эта теоретическая эклектика игнорирует тот решающий факт, что формы хозяйствования, характер хозяйственного механизма становятся зависимыми от социально-экономической сущности общественного строя и ею определяются.

В концепциях «смешанной экономики», даже с позиции буржуазной политической экономии, к определению сущности экономических систем не добавилось ни одной новой мысли. В основном сохраняется схема: социалистическое плановое хозяйство — преимущественно централизация — директивное планирование — командная экономика или капиталистическая экономика — преимущественно децентрализация — рыночная координация, так же как и в модификациях теории «централизованно управляемой экономики». Вместе с тем в концепциях «смешанной экономики» признается, что не только в «рыночном хозяйстве» есть рынок и не только в «плановом хозяйстве» осуществляется планирование и централизованное координирование. Следовательно, эти признаки едва ли могут определять сущность и характер экономических систем. Такая позиция наносит несомненно удар по примитивным конструкциям теории «командной экономики». Однако и теория «смешанных экономик» ни на шаг не приблизилась к действительному пониманию сущности экономической системы. Игнорируя решающую роль собственности на средства производства, они отрицают то важное положение, что экономическая система — это относительно целостный социальный организм, а не конгломерат произвольно выбранных и социально индифферентных частных систем.

Модификация теорий «централизованно управляемой экономики» и «смешанных систем», с одной стороны, показывает, что буржуазная политэкономия вынуждена приспособляться к реальной действительности, а с другой — демонстрирует ее полную научную несостоятельность и антинародную сущность.

Однако здесь следует подчеркнуть различие между идеологией неоконсервативных представителей теории «централизованно управляемой экономики», сторонников «доктрины тоталитаризма» в экономической области и представителями умеренной буржуазной экономической «критики» социализма. В то время как первые занимают позицию воинствующего антикоммунизма и ставят

под сомнение право социализма на существование, вторые придерживаются более умеренного направления, ориентируясь на мирное сосуществование двух противоположных систем.

Глава 6

Антимарксистские трактовки природы и характера труда при социализме

В крестовом походе буржуазных идеологов против реального социализма не только предпринимаются настоячивые попытки дискредитировать его вообще как социально-экономический строй и на этой основе предложить свои «модели улучшенного социализма», но и прилагается немало усилий по фальсификации экономических, политических, духовных отношений этого общества. Среди них не последнее место занимают извращения современной буржуазной политической экономией природы и характера труда при социализме. И это не случайно.

Во-первых, критики социализма, приписывая социалистическому труду не свойственные ему черты (якобы принудительный, подневольный характер, наличие эксплуатации), тем самым пытаются опорочить социализм. Цель подобных попыток предельно ясна — доказать, что социалистическое общество не отличается принципиально от капитализма, сходно с ним, что в нем не меняется положение трудящихся, ибо сохраняется отчуждение труда и эксплуатация.

В конечном счете на основе подобных высказываний делается вывод о бессмысленности борьбы рабочего класса за революционное ниспровержение капитализма, за ликвидацию капиталистических отношений. Более того, теоретические «откровения» такого рода нередко служат основанием для демагогических политических призывов и выводов противников социализма.

«Теоретический» багаж контрреволюции в этих случаях базируется на грубых фальсификациях природы социалистического труда. Во-вторых, извращение характера социалистического труда объективно составляет базу для превратного толкования буржуазными экономистами экономических категорий и явлений социализма. Это связано с тем, что главное содержание первой и

решающей сферы человеческой деятельности — материального производства — составляет труд. В силу этого в иерархии экономических отношений отношения по труду представляют первичные, исходные отношения. Они по существу являются тем фундаментом, на котором возникает и функционирует система производственных отношений в целом. Поэтому экономические процессы и явления выступают непосредственно или в конечном счете лишь как различные формы отношений по поводу человеческого труда (живого или овеществленного).

Такие экономические категории, как производственные фонды, заработная плата, общественные фонды потребления, по существу лишь определенные формы бытия труда и отношений, возникающих на этой основе. Именно такой подход лежит в основе методологического анализа экономических отношений основоположниками научного коммунизма. «Все, что не является результатом человеческой деятельности, результатом труда, — подчеркивал К. Маркс, — есть природа и в качестве таковой не является социальным богатством»¹

Оно (богатство) в конечном счете «выступает всего лишь как постоянно исчезающее и постоянно вновь создаваемое объективирование человеческого труда»². И неслучайно анализ труда товаропроизводителей рассматривался К. Марксом как определяющий момент для выявления сущности и особенностей товарного производства при капитализме³.

В условиях социализма общественная форма (характер) труда, бесспорно, имеет свои особенности, которые проявляются в социалистических производственных отношениях, а следовательно, и в категориях, их выражающих. Это обстоятельство предопределяет стремление буржуазных экономистов, социологов извратить в первую очередь природу социалистического труда как базу для фальсификаций экономических отношений социалистического общества. Таким образом, разоблачение теоретической несостоятельности антимарксистских трактовок характера социалистического труда и его категорий необходимо для понимания приемов извращения буржуазными экономистами экономических процессов и явлений социалистического общества.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III, с. 446.

² Там же.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 31, с. 277; т. 32, с. 9.

Искажение экономической природы социалистического труда буржуазной политэкономией носит многоплановый характер и осуществляется по различным направлениям. При этом в качестве аргументов не берутся реальные факты отношений по труду в социалистическом обществе, а используется, по выражению В. И. Ленина, «старый прием реакционеров: сначала извратить социализм, приписав ему нелепость, а потом победоносно опровергать нелепицы!»⁴ Так, буржуазные авторы затрачивают немало усилий для того, чтобы доказать «принудительный характер социалистического труда». Измышления эти родились не сегодня. Советологи Р. Хофф, Мизес и др. в разных вариантах толкуют, что «принудительный труд» составляет «одно из условий коммунистического порядка».

Помимо этого утверждается, что в социалистическом обществе «много институтов принуждения, обусловленных марксистской идеологией, вменяющей в обязанность каждому гражданину трудиться»⁵.

Тезис о принудительном характере труда при социализме на разные лады пропагандируется не только буржуазными экономистами, но и идеологами социал-реформизма. Так, лидер Итальянской социалистической партии Б. Кракси утверждает, что «тотальный государственный контроль» над средствами производства и экономической жизнью общества при социализме означает разрушение «всех предпосылок развития свободы рабочего класса»⁶.

Подобные фальсификации характера социалистического труда имеют далеко идущие цели: «обосновать» отсутствие свободы и нарушение прав человека при социализме. В идеологическом же противоборстве социализма с капитализмом, как известно, проблема свободы и прав человека занимает одно из центральных мест. Пожалуй, нет никакой другой проблемы, вокруг которой буржуазными политиками и идеологами было бы поднято столько шума, допущено столько политических спекуляций в попытках «доказать» отсутствие свободы и нарушения прав человека в социалистическом обществе, а капитализм представить как колыбель свободы.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 361.

⁵ Howard L. The Disequilibrium Model in a Controlled Economy. Lexington, 1979, p. 15.

⁶ Socialist Affairs, 1977, N 4, p. 89; 1979, N 3, p. 64.

Однако их доводы на этот счет при ближайшем рассмотрении оказываются несостоятельными, и в первую очередь это относится к вопросам трактовки сущности свободы вообще и свободы труда в частности. Представители буржуазной науки в многотомном труде «Марксизм, коммунизм и западное общество. Сравнительная энциклопедия» — этой библии антикоммунизма — свободу трактуют как «определенную область, предоставленную и гарантированную индивиду государством, где он может действовать и развиваться свободно»⁷.

С этих же методологических позиций буржуазными авторами определяется и свобода труда. Поэтому вполне логично, что, с их точки зрения, решающим признаком таковой является то, что «индивид должен свободно распоряжаться своим трудом...»⁸.

Но дело все в том, что понимается под свободой распоряжения. С позиций буржуазных экономистов она в конечном счете означает свободу купли-продажи рабочей силы⁹, «продажу труда с целью получения дохода».

В подобных определениях свободы вообще и свободы труда в частности показательным является, во-первых, то, что свобода лишь сводится к определенным юридическим отношениям, т. е. внешним, поверхностным, хотя и существующим реально. Ее же социально-экономическая природа не принимается во внимание буржуазными теоретиками. При таком подходе нарушается важнейший принцип научного исследования: за формой проявления не видят его содержания; во-вторых, свобода представляется как некое внеисторическое и внеклассовое явление, полностью индивидуалистическое; в-третьих, затушевывается классовое содержание свободы. В самом деле, сам по себе акт купли-продажи рабочей силы внешне выглядит как свободное волеизъявление двух равноправных товаровладельцев, один из которых — покупатель, другой — продавец. Но такая «свобода» в своей сущности есть наемное рабство, в рамках которой осуществляется эксплуатация труда капиталом. Вот этот момент, определяющий суть отношений по

⁷ Marxism, Communism and Western Society. A Comparative Encyclopedia, vol. 4. New York, 1972—1973, p. 31.

⁸ Wiles P. Economic Institutions. Compared. New York, 1977, p. 481.

⁹ Ibidem.

труду в капиталистическом обществе, и опускается буржуазной наукой.

Конечно, свобода купли-продажи рабочей силы, пришедшая на смену феодальным отношениям личной зависимости работника от хозяина, для своего времени имела прогрессивный характер, означала определенный шаг в освобождении труда. Подлинное его освобождение предполагает уничтожение частной собственности и замену ее общественной, уничтожение эксплуатации человека человеком, т. е. уничтожение наемного рабства.

Применение «советологами» ошибочных методологических принципов к анализу социалистического характера труда, естественно, ничего не может дать, кроме извращения реальных социалистических производственных отношений. Поэтому догмы о принудительном труде при социализме, хотя и составляют неотъемлемую часть буржуазных фальсификаций экономического строя социалистического общества, не опираются на серьезные теоретические аргументы, исходят из неверных методологических посылок и, самое главное, противоречат практике реального социализма.

Каков же действительный характер социалистического труда?

Прежде всего в отношениях по труду между членами социалистического общества определяющим является то, что в качестве производителя выступают не обособленные, частные хозяйственно-производственные ячейки, а непосредственно само общество. С помощью средств производства, находящихся в его собственности, оно осуществляет производство, распределение, обмен материальных и духовных ценностей. Поэтому каждое социалистическое предприятие функционирует не как частное, а лишь как дробная интегрированная часть всего общественного производства. Естественно, что хозяйственная его деятельность контролируется обществом в его интересах. В силу этих обстоятельств средства производства и рабочая сила не противостоят друг другу. Соединение их не опосредствуется частной собственностью и носит непосредственно-общественный характер. Отношения между участниками производства выступают как отношения между тружениками, объединенными в единую трудовую ассоциацию в масштабе всего общества, это «союз свободных людей, работающих общими средствами производства и планомерно... расходующих свои

индивидуальные рабочие силы как одну общественную рабочую силу»¹⁰.

Основу его составляют общественная собственность на средства производства, единство цели общественного производства, всеобщность труда и совместность присвоения его результатов в интересах всех членов общества и лишь на этой основе индивидуальное присвоение каждого труженика.

Следовательно, речь идет не просто о совместном труде, обусловленном непосредственно-технической стороной производства, а о совместном хозяйствовании, где все члены общества являются равноправными совладельцами средств производства, имеют равные права доступа к ним, несут равную ответственность за их сохранность, использование и преумножение. У трудящихся впервые после столетий труда на чужих, подневольной работы на эксплуататоров является возможность работы на себя.

Поэтому в социально-экономическом отношении социалистический труд — это не эксплуатируемый, а свободный труд. Такой труд еще диктуется внешней необходимостью, выполняется по нормам. Но для трудящегося он не только средство для обеспечения своих жизненных благ, но и во все большей степени он становится способом самовыражения личности, делом чести и славы. Конечно, это еще социально неоднородный труд, осуществляемый в соответствии с самым справедливым (на данном историческом этапе) принципом, равно обязывающим всех членов общества трудиться по их способностям и равно обеспечивающим их вознаграждением по количеству и качеству вкладываемого труда.

Достигнутый уровень развития производительности труда еще не обеспечивает полного социального равенства и полной социальной однородности труда. Продолжают сохраняться существенные различия между умственным и физическим трудом, индустриальным и аграрным, управленческим и исполнительским, что находит свое выражение и в неравной оплате их носителей — рабочих, колхозников, интеллигенции, служащих. Остается еще существенная зависимость человека от внешних факторов, от природы. Есть еще работники, занятые тяжелым ручным трудом либо трудом монотонным, непривлекательным, дающим мало простора для творчест-

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 88.

ва. В индивидуальном сознании части людей сохраняются элементы отчуждения к труду. Остатки такого отчуждения встречаются и в реальной жизни, хотя это и не меняет общего социально-экономического характера труда при социализме как труда свободного. Естественно, что на данном этапе труд в целом не стал пока первой жизненной потребностью человека. Всего этого общество достигнет на более высоком этапе своего развития, с построением коммунизма, когда развитие человеческих сил станет самоцелью. Наступит, по словам К. Маркса, «истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе»¹¹. Об этой ступени свободного труда можно судить лишь на основе научного предвидения тех тенденций, которые развиваются в наши дни. Коммунистический труд — это не только высокопроизводительный труд, основанный на единой коммунистической собственности на средства производства, высших достижениях научно-технического прогресса, труд планомерно и научно организованный, социально однородный и обеспечивающий всестороннее, гармоническое развитие человека. Это также, по словам В. И. Ленина, «труд добровольный, труд вне нормы, труд, даваемый без расчета на вознаграждение, без условия о вознаграждении, труд по привычке трудиться на общую пользу и по сознательному (перешедшему в привычку) отношению к необходимости труда на общую пользу, труд, как потребность здорового организма»¹².

Все это означает, что социалистический и коммунистический труд различаются между собой, но это различия не между несвободным и свободным трудом, а между двумя ступенями свободного труда.

Попытки представить социалистический труд как подневольный находятся в противоречии и с историческими фактами социалистического строительства. В этой связи немалый интерес представляет борьба партии с троцкистами по вопросу о путях социалистического строительства.

Как известно, в противовес ленинскому плану построения социализма, предполагавшему самое широкое и самое активное участие трудящихся в его осуществле-

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 387.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 315.

нии, троцкисты выдвинули идею «милитаризации труда», принуждения и насилия. Мобилизация трудящихся на строительство нового общества, по Троцкому, должна неизбежно поддерживаться «мерами принудительного характера, т. е. в последнем счете вооруженной силой...». «Пулеметные методы, — заявлял он, — будут самыми лучшими для разрешения хозяйственных задач». Отсюда не случайно он выступил автором идеи «завинчивания гаек» в отношении трудящихся, так как принудительная организация труда есть, по мнению троцкистов, единственный путь к социализму.

Партия решительно выступила против этих антимарксистских, антиленинских идей, противопоставив им теорию и практику массового добровольного, сознательного участия трудящихся в строительстве нового общества, в управлении государством.

В. И. Ленин связывал построение социализма «с *полным* развитием демократии, т. е. действительно равноправного и действительно всеобщего участия *всей* массы населения во всех *государственных* делах и во всех сложных вопросах ликвидации капитализма»¹³. Это вытекает из самой природы социалистического общества, где впервые в истории ликвидируется эксплуатация человека человеком, в силу чего появляются могучие стимулы к добровольному труду. Конечно, добровольный труд, его свободный характер вовсе не означают отсутствие дисциплины. Но это свободная и сознательная дисциплина самих трудящихся, свободных от эксплуатации.

В. И. Ленин, КПСС дали решительный отпор идеям «милитаризации труда», построения социалистического общества, в основе которого лежали бы принудительный труд и насилие. Таковы факты истории. Однако их замалчивают апологеты капиталистического строя, чтобы убедить читателей в принудительном характере труда при социализме. Нередко эти утверждения базируются на противоречиях развития современной техники, которой приписывается способность подавлять человека, лишая его труд всякого творческого начала.

Так, французский социолог Ж. Эллюль утверждал: «По вине техники, как таковой, человек сведен к нулю... почти к нулю, подавлен ею в мыслях и действиях, что

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 72.

порождает соответствующее отрицательное отношение к самому процессу труда»¹⁴.

Эти выводы автор в одинаковой мере относит и к капитализму, и к социализму. Ход мыслей таков: объявить идентичность капиталистического и социалистического труда, скрыть коренные социальные различия между ними. Но в методологическом отношении эта позиция несостоятельна. Порочность ее прежде всего заключается в том, что на технику, как таковую, возлагается социальная ответственность за последствия ее применения. Это по существу есть луддизм на новый лад, в новых исторических условиях.

Буржуазные экономисты нередко используют утверждения «о принудительном распределении трудящихся по рабочим местам», о «навязывании им выбора профессии».

Однако практика социализма с полной определенностью говорит о другом: о суверенности каждого члена общества в выборе рода занятий, специальности, смене рабочего места.

Это вытекает из самой сущности отношений по труду между равноправными членами единой трудовой ассоциации, объединенных единой целью. Вместе с тем реальность этого права не просто провозглашена обществом, но она обеспечивается развитием социалистической системы хозяйства, созданием необходимых рабочих мест, бесплатным профессиональным обучением, повышением квалификации и обучением новым специальностям, развитием системы профориентации и трудоустройства.

В Конституции СССР право каждого «на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой, образованием и с учетом общественных потребностей»¹⁵ закреплено в качестве закона.

Естественно, выбор профессии, смена рабочего места определяются не указанием центральных органов социалистического общества, а каждым его членом самостоятельно, суверенно. Но было бы нелепо на этом основании отрицать необходимость целенаправленного воздействия последнего на процесс планомерного формирова-

¹⁴ Ellul I. The Technological Society. New York, 1965, p. 206.

¹⁵ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977, ст. 40, с. 18.

ния и движения трудовых ресурсов с учетом потребностей народного хозяйства. Социализму чужды бесплановость, анархия производства. Это в полной мере относится и к подготовке, распределению, повышению квалификации рабочей силы.

На базе изучения потребностей в кадрах разных специальностей (рабочих, инженеров, врачей, учителей и т. д.) определяется программа их подготовки. При этом каждый член общества выбирает себе профессию добровольно, с учетом его способностей и склонностей. Естественно, что плановые органы социалистического общества не планируют, а соответствующие учебные заведения и предприятия не осуществляют подготовку рабочих, специалистов по тем профессиям, на которые нет в обществе спроса. Это понимают и наиболее дальновидные буржуазные экономисты. И не случайно, наверное, среди них раздаются призывы приступить к разработке принципов планирования подготовки высококвалифицированных кадров, к созданию соответствующей организации, на которую будет возложена ответственность за прогнозирование потребностей экономики страны в специалистах различного профиля.

Следует также иметь в виду, что так называемая свобода в трудовых отношениях означает искусственное сужение сферы действия закона планомерного, пропорционального развития, развязывание стихии в обеспечении народного хозяйства рабочей силой.

Но сами по себе стихийность и анархия, как известно, не равнозначны свободе, как таковой, не показатель отсутствия принуждения и угнетения.

Следовательно, согласованное в масштабе общества ведение хозяйства включает в качестве необходимого звена распределение живого и овеществленного труда между различными отраслями народного хозяйства в плановом порядке, для чего активно используются различные рычаги — экономические, социальные, воспитательные и др. В масштабе общества сформирована также система подготовки и переподготовки кадров, профориентации, трудоустройства.

Неотъемлемым фактором подлинной, а не фиктивной свободы в выборе профессии является создание условий, обеспечивающих реализацию права каждого труженика на обеспечение работой в соответствии с его специальностью, образованием. Вся историческая практика сви-

детельствует о том, что только социализм обеспечил это право не на словах, а на деле.

Никакие пышные речи буржуазных идеологов не в состоянии скрыть многомиллионные очереди безработных, которым капиталистическая система не в состоянии обеспечить самого необходимого права — права на труд.

Среди «критиков» социализма нередки также утверждения, что сам принцип нашего общества «кто не работает, тот не ест» является показателем несвободного труда. Однако подобные рассуждения, несмотря на их внешнюю убедительность, не имеют под собой оснований.

Во-первых, свободный характер социалистического труда вовсе не означает освобождения от него членов общества. Как раз наоборот, в обществе, основанном на началах коллективизма, на общем владении средствами производства, обязательность труда для его трудоспособных членов составляет неотъемлемый момент. В социалистическом обществе для его членов уничтожаются все иные источники доходов, кроме трудового дохода. Во-вторых, всеобщность и обязательность труда — это далеко не одно и то же, что и подневольность труда. Как известно, коренной признак последнего — работа на других, на эксплуататоров.

Социализм утверждает всеобщность и обязательность труда, ликвидирует возможность его эксплуатации, а тем самым и подневольный его характер.

Что касается распределения по труду, то оно, будучи следствием распределения условий производства в социалистическом обществе, как раз обеспечивает наиболее справедливый на данном этапе развития принцип: что каждый трудящийся «дал обществу в одной форме, он получает обратно в другой форме»¹⁶.

Тем самым конкретно реализуется связь между мерой труда и мерой потребления, между его эффективностью и вознаграждением. И это обстоятельство обществом не только должно учитываться, но и активно использоваться в хозяйственной практике.

В тесном единстве с измышлениями буржуазных экономистов о принудительном характере труда при социализме находятся утверждения о том, что эксплуатация характерна не только для капиталистических, но и для социалистических государств. Нередки попытки «дока-

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 18.

зять», что «эксплуатация и господство одних людей над другими имеют место в любом обществе, в том числе и при социализме»¹⁷. Такие рассуждения о господстве эксплуатации в условиях социализма, о том, что СССР является капиталистическим государством, о господстве здесь «класса администраторов» и т. п. на разные лады перепеваются буржуазными идеологами.

Но при ближайшем рассмотрении все «аргументы» о наличии эксплуатации при социализме в научном плане оказываются несостоятельными.

В методологическом отношении они не выдерживают критики, потому что базируются не на анализе реальных экономических отношений социалистического общества, а на тех или иных внешних формах, присущих труду как материально-техническому процессу. В частности, из того факта, что в современном социалистическом производстве «существуют, с одной стороны, люди, которые управляют машинами, а с другой — обслуживающие эти машины», делается вывод о наличии господствующей элиты в лице руководителей производства, инженеров, выступающих по отношению к основной массе рабочих в качестве эксплуататоров. На основе подобных «выводов» делаются заключения о возникновении в СССР «бюрократического класса» (под которым понимается научно-техническая интеллигенция, партийное и государственное руководство), «класса администраторов».

Но утверждения такого рода далеки от истины.

Во-первых, они несостоятельны в методологическом отношении, ибо классы являются прежде всего продуктом экономических отношений, а не технико-технологических или управленческих сторон труда. «...Общественные классы, — подчеркивал Ф. Энгельс, — являются в каждый данный момент продуктом отношений производства и обмена, словом — *экономических* отношений своей эпохи»¹⁸.

Во-вторых, эти утверждения неверны и потому, что при социализме средства производства составляют все-народное достояние, а тем самым и нет экономической основы для присвоения чужого труда, т. е. эксплуатации человека человеком. В социалистическом обществе обеспечено одинаковое отношение его членов к средствам

¹⁷ Perroux F. Industrie et creation collective, vol. I. Paris, 1964, p. 103.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 26.

производства. «Все граждане, — отмечал В. И. Ленин, — имеют *одинаковый* доступ к работе на общественных средствах производства, на общественной земле, на общественных фабриках и так далее»¹⁹.

В этих условиях отношения по труду между членами социалистического общества приобретают характер товарищеского сотрудничества и взаимопомощи, как отношения между членами единой трудовой ассоциации. Поэтому совершенно несостоятельны утверждения буржуазных авторов об отчуждении труда в социалистическом обществе.

С научной точки зрения отчуждение труда представляет собой явление классовое и историческое. Это означает, что оно существует не вечно и представляет продукт определенных классовых отношений, а не категорию субъективных оценок личности. Поэтому в реальной действительности отчуждение возникает в результате изъятия продукта труда трудящихся в пользу нетрудящихся, т. е. базируется на эксплуатации. Буржуазия, как класс, отчуждает у пролетариата, как класса, результаты его труда и использует их в своих интересах. В этих целях она организует и содержит те общественные институты (государство, право, образование и т. п.), которые обеспечивают ее господство. На базе экономического отчуждения продукта труда возникает социальное, политическое и духовное отчуждение. Пролетариат оказывается тотально обездоленным в общественной и личной жизни классом. Как писал К. Маркс, «ударение ставится не на *опредмеченности* [*овеществленности*], а на *отчужденности* [*Entfremdet-, Entäußert-, Veräußertsein*], на принадлежности огромного предметного могущества, которое сам общественный труд противопоставил себе как один из своих моментов, — на принадлежности этого могущества не рабочему, а персонифицированным условиям производства, т. е. капиталу»²⁰. Следовательно, в условиях капитализма отчуждение выражает самую эксплуататорскую сущность этого строя.

С ликвидацией эксплуатации устраняется и отчуждение. При социализме не существует ни того ни другого. Однако нужен длительный период, чтобы ликвидировать последствия отчуждения, нужны целенаправленные уси-

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 363.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 347.

лия, чтобы преодолеть элементы отчуждения. Их источником могут быть хотя бы недостатки и несовершенства системы распределения. При этом важно понимать, что это побочный продукт.

Социализм ликвидировал отчуждение труда, ибо он ликвидировал его экономические, классовые корни. Но всего этого не хотят замечать «критики» реального социализма, и в то же время они не хотят расставаться с иллюзиями о наличии отчуждения труда, якобы имеющего место в социалистическом обществе. Научных доказательств для этого у них нет. И вполне естественно, что в этом случае приводятся аргументы, далекие от науки. Нередко отчуждение труда либо выводится из состояния технической базы материального производства, сохранения некоторых традиционных форм общественного разделения труда, либо истолковывается как отношение индивида к социально-политическим институтам²¹.

Словом, для понимания сущности отчуждения исследуются технические, психологические, а не социально-экономические причины. Последние просто игнорируются. В итоге выхолащивается экономическое, классовое содержание отчуждения труда, которое изображается как некая внеисторическая категория, а поэтому якобы присущая и социализму.

Однако дело не только в теоретической несостоятельности подобных «доводов», главное в другом: практика реального социализма полностью их отвергает. Трудящиеся при социализме заинтересованно, активно участвуют в общественном труде, повышают его эффективность, учатся управлять им, осуществляют контроль за использованием средств производства, распределением материальных и духовных благ.

Формы участия в управлении весьма разнообразны. В настоящее время более 10 млн. рабочих, служащих, колхозников и других работников на общественных началах участвуют в выборных органах народного контроля²², который имеет огромное политическое и экономическое значение.

Общественная собственность на средства производства не только создает предпосылки, но и открывает широ-

²¹ Shaff A. Marksizm dzisiaj. Studia filozoficzne, 1983, N 3, S. 6.

²² Народное хозяйство СССР в 1984 году. М., 1985, с. 11.

кие возможности для самого активного участия тружеников в процессе управления общественными делами, в том числе и производством. Это обусловлено самой природой социалистического общества как коллективного, ассоциированного производителя.

Дело в том, что социалистическое предприятие, хотя экономически относительно обособленно, в конечном счете выступает как интегрированное звено единого социалистического хозяйства. В этом смысле участие трудящихся в управлении только на уровне предприятия является неполным.

Важной формой привлечения трудящихся к управлению, школой управления являются Советы народных депутатов. Они составляют политическую основу СССР, главное звено социалистического самоуправления народа. В Советы народных депутатов избрано сегодня более 2 305 тыс. человек²³. При этом роль депутатов не сводится только к контрольным функциям. Ими выполняется огромная организаторская работа. Партия неустанно заботится о том, чтобы в деятельности Советов любого уровня все полнее осуществлялись демократические принципы, чтобы строго соблюдались ленинские указания о Советах как органах, которые не только принимают решения, но и обеспечивают организацию, а также проверку исполнения принятых решений. Это одно из программных требований КПСС. На всех этапах социалистического строительства активную роль в управлении играют профсоюзы как школы хозяйствования. Они объединяли в 1982 г. 131,2 млн. человек²⁴. Через рабочие собрания, постоянно действующие производственные совещания (ПДСП) трудящиеся на деле участвуют в управлении производством. Они располагают для этого широкими правами при разработке годовых и пятилетних планов социально-экономического развития, осуществляют контроль за их выполнением.

Юридически эти права закреплены в Законе СССР о трудовых коллективах — правовой основе для дальнейшего расширения возможностей каждого трудового человека в управлении производством, в участии в его делах, в развитии его способностей и для повышения активности. В этом законе отражена последовательная линия со-

²³ Там же.

²⁴ Народное хозяйство СССР. 1922—1982. М., 1982, с. 50.

циалистического общества на всемерное участие трудящихся в управлении.

Однако участие членов социалистического общества в управлении не исчерпывается только рамками трудовых коллективов. Ни один из государственных планов развития народного хозяйства, ни один из крупных актов государственного законодательства не принимается без широкого их обсуждения в печати, на предприятиях, в учреждениях и организациях.

Неотъемлемым моментом отношений по труду при социализме является социалистическое соревнование — один из основных способов самоутверждения и общественного признания личности²⁵. Оно, как и предвидел В. И. Ленин, стало составной частью нашей действительности, активно воздействуя на все стороны жизни общества, и прежде всего на экономику. Сегодня в СССР им охвачено более 109 млн. человек²⁶. Разве это не показатель полной несостоятельности домыслов о подневольном характере труда при социализме?! Но важно другое: соревнование внутренне присуще социалистическому труду. Его содержание составляют отношения по труду между участниками социалистического производства. Однако в буржуазной политической экономии отрицается его социально-экономическая сущность.

Буржуазные идеологи связывают соревнование с трудом, трудовым процессом только как моментом производительных сил. Но такой подход является методологически ошибочным, хотя он и опирается на реальные процессы общественного производства.

Действительно, труд членов социалистического общества, рассматриваемый со стороны его материально-технического содержания, представляет собой совместный труд, обусловленный технологией производства, которая относительно независима от его общественной формы.

В то же время совместность труда, взаимодействие многих лиц в процессе производства придают ему новое качество: между работниками возникает соревнование. Отмечая это обстоятельство, К. Маркс писал: «...уже самый общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное возбуждение жизненной энергии... увеличивающее индивидуальную производительность отдель-

²⁵ См.: Программа Коммунистической партии Советского Союза. Новая редакция, с. 36.

²⁶ Народное хозяйство СССР. 1922—1982, с. 51.

ных лиц...»²⁷ Показательно, что приведенное здесь заключение получено при исследовании капиталистической кооперации труда.

В данном случае природа и причины состязательности между участниками совместного труда непосредственно определяются полезным трудом, его свойствами, а не специфическими общественно-производственными отношениями. Поэтому можно сказать, что соревнование, порожденное свойствами полезного труда, не представляет собой особого производственного отношения определенного способа производства. Оно выступает как явление, относящееся к категории производительных сил общества. Буржуазные теоретики при анализе социалистического труда и его конкретной стороны — соревнования — на этом останавливаются. Для них так и остается недоступным понимание того, что «определенной политико-экономической категорией является не труд, а лишь общественная форма труда, общественное устройство труда, или иначе: отношения между людьми по участию их в общественном труде»²⁸.

Без понимания двойственной природы труда как единства материально-технического содержания и его исторически определенной общественной формы (что присуще труду и в социалистическом обществе) невозможно познать экономическую природу социалистического труда. Тем самым допускается искажение его сущности. В реальной же действительности отношения по труду в социалистическом обществе выступают как отношения между тружениками, объединенными в единую трудовую ассоциацию, базирующуюся на общественной собственности на средства производства, единстве цели, совместности труда и присвоении его результатов в интересах всех членов общества. Взаимозависимость социалистических тружеников объективно порождает отношения состязательности, соревнования между участниками коллективного труда в достижении наилучших количественных и качественных результатов в производстве материальных и духовных благ. В результате соревнование приобретает социально качественную определенность, выступая в роли одной из форм реализации непосредственно-общественного характера труда. Таким об-

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 337.

²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 45.

разом, на базе общественной собственности возникает и развивается особое социалистическое производственное отношение — социалистическое соревнование.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что именно при социализме две стороны соревнования сливаются воедино, тогда как в антагонистических формациях отношения эксплуатации и угнетения подрывают состоятельность в труде. Разграничение двух сторон социалистического соревнования и в то же время их диалектическое единство обусловлены устойчивыми причинными связями и выражают существенные моменты его содержания.

Другим направлением, отрицающим социально-экономическую сущность социалистического соревнования, является сведение его к «естественной для поведения человека склонности к соперничеству»²⁹, т. е. речь идет о субъективно-психологическом объяснении природы соревнования. Тем самым оно по существу также выводится за рамки экономических отношений и представляется как способ для манипулирования психологией работников.

Например, американские экономисты М. Шнитцер и Дж. Нордаик пишут: «Социалистическое соревнование подразумевает развитие моральной ответственности со стороны работников за увеличение производства в интересах государства»³⁰.

Конечно, было бы неправильно отрицать стимулирующую роль социалистического соревнования, но в еще большей мере неверно сводить его сущность к этой роли. Научная несостоятельность подобной трактовки очевидна. Во-первых, при таком подходе по существу отрицается имманентность социалистического соревнования отношениям по труду при социализме. Оно уже выступает не как внутренне присущее им свойство, а как нечто внешнее, искусственно привнесенное в них, навязанное трудящимся государством, органами управления. Во-вторых, подобная позиция уязвима и в методологическом отношении. Дело в том, что сведение социалистического соревнования лишь к форме, рычагу морального побуждения означает, что его функция выдается за его сущность.

²⁹ Marxism, Communism and Western Society. A Comparative Encyclopedia. Vol. 5. New York, 1973, p. 313.

³⁰ Schnitzer M., Nordjke J. Comparative Economic Systems. New York, 1971, p. 503.

А это, как известно, не одно и то же. Ведь было бы нелепостью говорить, что функция денег как средства платежа или как средства обмена составляет их сущность.

Все это означает, что общий методологический порок современной буржуазной политической экономии в понимании труда нашел свое проявление и в отношении его конкретной стороны, т. е. в категории «социалистическое соревнование».

Правда, часть буржуазных экономистов пытается рассматривать социалистическое соревнование как экономическую категорию. Но и они не в состоянии понять его природу. Так, частично или полностью социалистическое соревнование отождествляется ими с конкуренцией. «Понятие конкуренции (Wettbewerb) известно также и в других общественных системах, — пишет экономист В. Ферстер, — где после простого подставления прилагательного получают «социалистическое соревнование» (sozialistischer Wettbewerb), что делает его идеологически свободным, но что совсем ничего не изменяет в самом понятии конкуренции»³¹.

В отождествлении социалистического соревнования с конкуренцией отрицаются такие важнейшие черты социалистического труда, как отношения сотрудничества и взаимопомощи. «При всех различиях целей и форм соревнования как социального рычага оно предполагает разрушительные формы или становится борьбой за власть, ведущей к отношениям господства и подчинения»³².

Но возникает вопрос: правомерно ли отождествление конкуренции и социалистического соревнования? Думается, что нет, ибо они представляют собой совершенно различные экономические отношения. Если говорить о конкуренции, то она выражает отношения между товаропроизводителями. Внешне конкуренция выступает как соперничество товаропроизводителей друг с другом. Истоки подобной формы отношений между товаропроизводителями кроются во внутренних противоречиях товарного производства.

³¹ Leistung und Wettbewerb. Herausforderungen und Folgerungen. Köln, 1974, S. 138.

³² Marxism, Communism and Western Society. A Comparative Encyclopedia, Vol. 5, p. 313.

В самом деле, произведенный товаропроизводителем товар представляет для своего владельца лишь меновую стоимость, но в индивидуализированном виде. Чтобы получить всеобщую, общественно значимую форму, стоимость из плоти товара должна переселиться в плоть денег³³. Это вопрос жизни и смерти для каждого производителя. Поэтому объективно каждый из них поставлен в отношения антагонизма, борьбы с другими товаропроизводителями, ибо сбыт произведенного товара одними уменьшает или делает невозможным реализацию своих товаров другими. Поэтому эти отношения по самой своей сущности не могут быть отношениями сотрудничества и взаимопомощи, а есть лишь отношения борьбы, антагонизма интересов.

Иное дело при социализме. Здесь, как уже отмечалось, общность интересов тружеников социалистического общества обуславливает отношения сотрудничества между ними, которые дополняются отношениями товарищеской взаимопомощи. При этом речь идет о сотрудничестве и взаимопомощи не как об этических категориях, а как о реальных производственных отношениях между членами единой трудовой ассоциации, совместно осуществляющими хозяйственно-производственную деятельность.

Одним из распространенных направлений, искажающих природу отношений по труду между членами социалистического общества, являются фальсификации «советологами» дисциплины труда. При этом версия о принудительном характере труда при социализме базируется на искажении некоторых явлений трудового процесса.

Действительно, уже сам характер машинного производства требует определенного принудительного ритма, взаимозависимости и кооперации работников, ответственности каждого за общий результат. Такого рода «технологическая дисциплина» есть результат функционирования конкретного труда. Необходимость ее определяется содержанием производственного процесса, как такового. Поэтому вполне закономерно, что она присуща и капитализму, и социализму.

Однако это только одна сторона дела. Другая сторона дела состоит в том, что на характер дисциплины труда оказывает решающее воздействие его обществен-

³³ См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 23, с. 116.

ная форма, придающая ей социально-качественную определенность как экономической категории. С этой точки зрения отношения дисциплины как составное звено отношений по труду в социалистическом обществе качественно иные, чем в других общественно-экономических формациях.

Так, в условиях рабовладельческого и феодального обществ дисциплина труда держалась на личной зависимости, на физическом принуждении к труду. Что касается капитализма, то здесь, как известно, дисциплина основывается на экономическом принуждении рабочих к труду, на угрозе голода. В. И. Ленин писал: «В старом капиталистическом обществе дисциплину над трудящимися осуществлял капитал постоянной угрозой голода. И так как эта угроза голодом соединялась с непомерно тяжелым трудом и с сознанием трудящихся, что они работают не на себя, а на чужое благо, то обстановка труда превращалась в постоянную борьбу громадного большинства трудящихся против руководителей производства»³⁴.

Совершенно иную социальную природу имеет социалистическая дисциплина труда, ибо в ней проявляются отношения равноправных тружеников, объединенных совместным производством и присвоением материальных и духовных благ, работающих на себя, на свое общество «сознательных и объединенных работников, не знающих над собой никакого ига и никакой власти, кроме власти их собственного объединения»³⁵. Поэтому социалистическая дисциплина труда предполагает не слепое или механическое повиновение, а выполнение разумных требований общества, государства, обусловленных новой природой производственных отношений. Она все в большей мере выступает как познанная и осознанная необходимость. В этой связи все утверждения буржуазных апологетов о принуждении к труду при социализме, о насаждении дисциплины сверху повисают в воздухе.

Итак, рассмотренные различные концепции буржуазных авторов о природе социалистического труда и различных форм его проявления позволяют сделать вывод о том, что они пытаются экономику реального

³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 145.

³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 17.

социализма представить сквозь призму производственных отношений капитализма.

Наглядно также проявляются такие методологические пороки буржуазной политической экономии, как антиисторизм, нередко отрицание или искажение социально-экономической природы экономических категорий, первостепенное обращение к поверхностным явлениям, эклектизм, метафизичность, подход к экономическим процессам с позиций индивидуализма, субъективизма и психологии, технологического детерминизма.

ЧАСТЬ II

Основные направления современной буржуазной экономической мысли

Глава 7

Некоторые аспекты концепции «свободного рыночного хозяйства»

Утверждения Дж. Гэлбрейта, что «в Великобритании и США консерваторы считают себя приверженцами того, что называется «свободным рыночным хозяйством... и что со времен Кейнса профессор М. Фридман стал самым значительным проповедником в мире...»¹ — не преувеличение. И в других странах капиталистического мира, например в ФРГ, экономическая политика государственно-монополистического капитализма в значительной степени сориентирована на так называемое свободное рыночное хозяйство. Более того, со времени кризиса капиталистического мирового хозяйства 1974—1975 гг. неоклассическое направление под лозунгом «рыночного хозяйства» преобладает в буржуазной экономической теории многих капиталистических стран. «Фридман, получивший Нобелевскую премию, владеет экранами телевизоров и дворцами всемогущих... Фридрих фон Хайек ... лауреат Нобелевской премии по политэкономии... вновь выдвинулся на передний план дискуссии по вопросам политэкономии»².

В чем же причины данного сдвига в буржуазной политической экономии?

Ровно полвека назад вследствие мирового экономического кризиса 1923—1933 гг. потерпели крах старые, доминировавшие до того времени догмы буржуазной политической экономии. Они находились в резком противоречии с капиталистической реальностью и в новых условиях перестали соответствовать как задачам экономической политики, так и идеологическим потребностям империализма.

¹ Galbraith J. K. Was sollen die Linken eigentlich noch wollen? — Vorwärts (Bonn), 28.1.1982.

² Dahrendorf R. Freie Welt in Gefahr. — Die Zeit (Hamburg), 9.1.1981.

В результате во второй половине 30-х годов сложилось так называемое новое экономическое учение — «new economics», наиболее известным представителем которого стал Дж. М. Кейнс.

Во-первых, Кейнс и его последователи отказались от явно обанкротившихся догм буржуазной политической экономии, и прежде всего от так называемой теории Сэя, утверждавшей, что общие циклические кризисы представляют собой лишь случайное явление и возможны только частичные кризисы. Во-вторых, они должны были распрощаться со старой аксиомой о том, что безработица порождается главным образом высокой заработной платой. В-третьих, Кейнс и его сторонники высказались против тезиса о рыночном автоматизме как лучшем регулирующем механизме и выступили с обоснованием широкого воздействия буржуазного государства на экономику. Исходя из глубины и продолжительности мирового экономического кризиса 1929—1933 гг., кейнсианцы вынуждены были признать, что существуют глубокие внутренние причины, ведущие к кризисам и массовой безработице при капитализме.

Естественно, подобные теоретические утверждения, содержащие частичное признание реальности, осуществлялись только с одной целью — разработать более эффективную форму защиты капитализма с позиций буржуазной политэкономии. Предложения Кейнса по поводу более активного вовлечения государства в процесс воспроизводства представляли собой попытки приспособить буржуазную политическую экономию к новым требованиям государственно-монополистического капитализма. Хотя не все буржуазные теоретики и политики приняли этого нового пророка, тем не менее это не могло помешать распространению теории Кейнса. Его концепция стала господствующей формой политико-экономической апологетики государственно-монополистического капитализма.

Представители марксистско-ленинской теории убедительно доказали, что использование проектов Кейнса на практике не в состоянии преодолеть противоречия империализма. Однако его сторонники, теоретики-экономисты и политики, до сих пор пропагандируют легенду о «революции кейнсианства». Утверждая, что с помощью системы государственно-монополистических мероприятий можно будет якобы регулировать эконо-

мические процессы при капитализме, они пытались решить проблему кризисов, безработицы и инфляции. В своем «послании к нации» президент США Л. Джонсон в 1969 г. заявил: «Мы преодолели циклические кризисы, которые на протяжении многих поколений уводили нас с пути роста и прогресса. В 60-х годах мы применили новую стратегию, чтобы противодействовать циклическим кризисам, обеспечить расцвет и предотвратить экономический спад или сильную инфляцию до тех пор, пока они не начались»³.

Дальнейшее углубление общего кризиса капитализма, в частности кризиса капиталистического мирового хозяйства в 1974—1975 гг., положило конец этой распространившейся эйфории. Объективная реальность вынудила представителей государственно-монополистического капитализма признать тот факт, что сориентированная на постулаты Кейнса государственно-монополистическая экономическая политика не в состоянии обеспечить достижение поставленных целей, непрерывный экономический рост, ограничить безработицу и остановить инфляцию.

Кризис буржуазной экономической теории вызвал глубокие разногласия среди буржуазных ученых и политиков, прежде всего между представителями неокейнсианства и так называемой неоклассической школы, в частности ее монетаристским течением под руководством М. Фридмана. Буржуазные теоретики считают, что «полемика между монетаристами и кейнсианцами («фискалистами»), будучи наиболее значительным научным спором за последние два десятилетия... войдет в (буржуазную. — К.Х.Ш.) историю теорий. Но это не только теоретический спор. Речь идет о весьма острой полемике вокруг экономической политики или вообще политики, иначе не было бы такого необычно громкого эха вне научного мира»⁴.

Буржуазная экономическая теория является не только важным средством идеологического воздействия на массы. Перед ней стоит задача теоретического обоснования экономической политики буржуазного государства. В условиях ускорения научно-технического про-

³ Economic Report of the President. Washington, 1969, p. 4.

⁴ Der Keynesianismus, I. Theorie und Praxis keynesianischer Wirtschaftspolitik, Entwicklung und Stand der Diskussion. Heidelberg — New York, 1976, S. 1.

гресса и связанного с ним стремительного развития производительных сил, их интернационализации, важных структурных сдвигов в экономике капиталистическое производство обобществляется все более быстрыми темпами. Процесс воспроизводства становится все более комплексным и сложным. Коренным образом изменяется стратегическая ситуация и конфронтация империализма с социализмом, с антиимпериалистическими силами в развивающихся странах и обостряются классовые противоречия в капиталистическом мире. Меры государственно-монополистического воздействия на капиталистическую экономику должны в определенной степени соответствовать этим условиям. Но это означает, что экономической политике государственно-монополистического капитализма требуется новая концепция, которая могла бы дать теоретическое обоснование назревшим проблемам.

Эту задачу наряду с идеологической функцией буржуазной политической экономии пытаются решить ее теоретики независимо от того, являются ли они представителями неокейнсианского или так называемого неоклассического направления. Поэтому ведутся дискуссии по поводу выбора целей наиболее эффективных средств и методов для их достижения.

Длительное время буржуазные экономисты считали, что кейнсианство наилучшим образом отвечает требованиям государственно-монополистического капитализма. Надежда на то, что можно управлять общими экономическими процессами прежде всего за счет воздействия государственно-монополистической политики, в частности регулировать рынок, получила свое выражение в кейнсианской теории эффективного спроса. Однако спрос представляет собой реальное экономическое явление, форму выражения процессов, сущность которых определяется капиталистическими производственными отношениями, объективными экономическими законами капитализма. Эти законы в конце концов определяют и уровень эффективного спроса на рынке, циклическое развитие капиталистического производства. Хотя буржуазные политики и экономисты прилагают все усилия к тому, чтобы путем государственных мероприятий поддерживать на высоком уровне спрос на рынке и провести экономический корабль мимо опасных подводных камней кризиса, объективные экономические законы ока-

зываются сильнее. Основным экономический закон капитализма, закон прибавочной стоимости, постоянно сдерживает рост заработной платы, который является самым решающим и важным фактором для обеспечения роста эффективного спроса. Поэтому все усилия буржуазных теоретиков и политиков путем государственных мероприятий достичь успехов оказались тщетными. Циклические кризисы, безработица и инфляция обусловлены закономерностью развития капиталистического способа производства.

В обстановке очевидного провала концепций Кейнса в экономической политике империалистических государств тезисы представителей «неоклассического» направления вызвали новые надежды у многих буржуазных теоретиков и политиков. Однако в сущности это старые догмы, которые доминировали в капиталистическом мире еще до мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. Заверения «неоклассиков» в том, что применение только их рекомендаций приведет к экономической стабильности, на самом деле оказались лишь слабыми потугами преодолеть очередной экономический кризис. Как отмечают буржуазные теоретики, «это банкротство кейнсианства или «посткейнсианского синтеза» (с неоклассической теорией) является научно-исторической основой подлинно реакционного возрождения упрощенной неоклассической и монетаристской экономической теории 20-х годов»⁵.

К возрождению старых догм привел не только очевидный крах кейнсианской теории государственно-монополистического регулирования экономики, но и явная его неспособность к выполнению идеологических задач, стоящих перед современным капитализмом. По праву западногерманские марксисты отмечали: «Вследствие того что кризисные явления для рабочего класса продолжаются, вследствие неоднократных, явно ошибочных прогнозов правительства и экономической пропаганды, вследствие обострения социальных последствий применения результатов научно-технической революции при капитализме... очевидно, ослабло влияние экономической и социальной идеологии западногерманского государственно-монополистического капитализма на

⁵ *André G. F. Weltsystem in der Krise. — Krisen in der kapitalistischen Weltökonomie. Hamburg, 1981, S. 29.*

рабочий класс; таким образом, в государственно-монополистической системе возник «идеологический пробел»⁶.

Кроме того, М. Фридман и Ф. Хайек атаковали теорию Кейнса и по другим причинам. Содержащееся в этой теории оправдание государственных мер экономической политики явилось одновременно фактическим и невольным признанием того обстоятельства, что в условиях высокой степени обобществления процесса воспроизводства капиталистическое предпринимательство и частная собственность на средства производства в принципе исторически изжили себя. Это означает, что теоретическое оправдание экономической деятельности буржуазного государства в концепции Кейнса явилось специфическим отражением тех объективных процессов, которые исследовал В. И. Ленин, анализируя империализм, а именно отражением переходного его характера, загнивания производственных отношений, в недрах которых складываются предпосылки социализма.

В 70-х годах усилилось влияние так называемого левого кейнсианства, которое заставило говорить о себе уже в 50-х годах. В империалистических странах возрастают те силы, которые требуют, опираясь прежде всего на Кейнса, чтобы со стороны государства стимулировался спрос, но не за счет роста монопольных прибылей, а за счет роста платежеспособного спроса большинства населения, в частности роста реальной заработной платы⁷. Это свидетельствует о том, что теория Кейнса в известной мере использовалась и представителями профсоюзов.

В силу данных обстоятельств кейнсианская теоретическая концепция стала предметом острых нападков со стороны консервативных сил. Пропагандировавшаяся в течение десятилетий «кейнсианская революция» в буржуазной экономической теории сменилась «консервативной контрреволюцией»⁸. Она дала новый импульс таким реакционным силам, теоретические положения

⁶ Jung H., Schletfstein J. Die Theorie des staatsmonopolistischen Kapitalismus und ihre Kritiker in der Bundesrepublik Deutschland. Frankfurt, 1979, S. 98.

⁷ Siehe ebenda, S. 99; Faust R., Goldberg J., Schwarz W. Politische Ökonomie der Arbeiterklasse und Keynesianismus. — Marxismus und Arbeiterbewegung. Frankfurt am Main, 1980, S. 169.

⁸ Hankel W. Stehen wir jetzt vor dem Ende des Wohlfahrtsstaates? — Vorwärts, 20 V.1978

которых вследствие мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. даже со стороны буржуазных экономистов были признаны неверными.

Представители «неоклассического» направления буржуазной экономической теории не имеют единой точки зрения, но они стоят на неких общих основных позициях. Прежде всего это их тезис о том, что современный кризис мирового капиталистического хозяйства вызван якобы неправильной государственной экономической политикой, разработанной на идеях Кейнса. Известный западногерманский экономист писал: «Кейнсианская политика и надежды, которые возлагались на нее, явились глубокой причиной экономического кризиса 1975 г. и, наконец, 1981 г.»⁹. По мнению М. Фридмана и его последователей, капитализм — это общество, в котором экономические кризисы в сущности вызваны якобы лишь субъективными факторами. Они считают, что если исключить эти «ошибки», то капитализм способен на высокую экономическую эффективность.

В принципе это возврат к догме Сэя, который стоит на позиции той старой буржуазной теории, которая гласит, что кризисы не являются существенным признаком капитализма и могут быть только частичными, так как связаны с временными колебаниями конъюнктуры рынка. Более чем 100 лет назад К. Маркс доказал ошибочность этой позиции, отметив, что циклические кризисы при капитализме имеют объективные причины, являются неизбежным следствием капиталистических производственных отношений. Ровно полвека назад Кейнс и его последователи выступили против догмы Сэя. Естественно, возрождение этого тезиса на современном этапе ничего не может изменить в его ошибочности. Более того, экономическое развитие империализма, в частности с середины 70-х годов, особенно наглядно демонстрирует, что капитализм — это такой общественный строй, кризисы которого не случайны, а закономерны, что развитие сегодня привело к дальнейшему качественному обострению общего кризиса капитализма.

Представители так называемого неоклассического направления требуют сокращения государственной де-

⁹ Engels W. Keynes ist zu bequiem. — Wirtschaftswoche (Düsseldorf), 24.IV.1981.

тельности в экономической области и предоставления простора рыночным стихийным силам. «Экономика значительно оживилась бы, если бы правительство еще дальше отдалилось от экономики и передало бы ее частному сектору. Это было бы действительной мерой по оздоровлению экономики»¹⁰. Под лозунгом «рыночного хозяйства» они по существу выступают за неограниченную деятельность наиболее крупных капиталистических монополий. Особенно четко это выразил М. Фридман, фактически затушевывающий господство монополий в капиталистической экономике: «Отдельные случаи монополизации, которые можно найти в этой стране, ничего не представляют собой по сравнению с той угрозой, которой подвергается наша несовершенная система «свободного предпринимательства», — угрозой, вызванной попытками контролировать монополии «от имени общественного интереса». Они считают, что на фоне роковых последствий влияния государства на экономическое развитие «свободная частная монополия все еще остается меньшим злом»¹¹.

Такая промонополистическая точка зрения дополняется резкими выступлениями «неоклассиков» против рабочего класса и его профсоюзов, а также требованиями о сокращении заработной платы и услуг социального характера. Такое прикрытое псевдонаучностью наступление на интересы трудящихся масс, естественно, находит одобрение среди господствующих сил в империалистических странах, поскольку оно целиком и полностью отвечает их интересам.

Теоретики-«неоклассики», а также монополисты, союзы предпринимателей и представители империалистических государств утверждают, что якобы заработная плата слишком высокая, а прибыли низкие, поэтому и сокращаются капиталовложения, отсюда и возможности создания новых рабочих мест. М. Фридман, например, пишет: «Преимущества, которых добиваются для своих членов сильные профсоюзы, достигаются в первую очередь за счет других рабочих... Профсоюзные боссы постоянно утверждают, что они достигли повышения заработной платы за счет прибылей, но это невозможно,

¹⁰ Friedman M. Zwang zur Entscheidung. — Wirtschaftswoche, 17.IX.1982.

¹¹ Friedman M. Es gibt nichts umsonst. Warum in einer Volkswirtschaft jede Mark verdient werden muß. München, 1979, S. 24, 23.

ибо прибыли просто недостаточно высоки!»¹² Фридман заходит настолько далеко, что выступает даже против тех законов, которые затрагивают минимальный уровень заработной платы, например для молодежи¹³. Вышеназванные силы поддерживают сокращение пособий по безработице, чтобы таким образом еще больше понизить заработную плату.

В действительности же безработица вызывается действием внутренне присущих капитализму экономических законов. С середины 70-х годов наблюдается усиление тенденции, обусловленной ускорением научно-технического прогресса. Ее последствия в империалистических странах приводят к тому, что значительная часть капиталовложений используется на капиталистическую рационализацию, что ведет к дальнейшей ликвидации рабочих мест. Кроме того, все более значительные капиталы экспортируются за границу. Транснациональные монополии перемещают всевозрастающие объемы производственных мощностей в другие страны, где условия максимизации прибылей более благоприятны.

Однако все эти факты игнорируются Фридманом и его последователями. В своей теоретической концепции они провозглашают несостоятельный тезис о том, что якобы требования рабочего класса о повышении заработной платы вызывают кризисы и массовую безработицу. Более того, несостоятельна вся совокупность аргументов, выдвинутых представителями так называемой неоклассической экономической теории. Их концепции не способны разрешить противоречий капиталистического воспроизводства, достигших особой остроты в середине 70-х годов. С помощью рецептов Фридмана и его сторонников невозможно обойти объективные законы капиталистического способа производства, которые привели к обострению общего кризиса капитализма и к глубочайшим циклическим кризисам мирового капиталистического хозяйства 1929—1933 гг.

¹² *Milton und Rose Friedman. Chancen, die ich meine Ein persönliches Bekenntnis. Berlin, Frankfurt am Main, Wien, 1980, S. 252/253.*

¹³ «Мы считаем закон о минимальной заработной плате одним из самых плохих законов» (там же, с. 256). Между прочим, 12 января 1983 г. президент США Р. Рейган принял решение о том, что предприниматели имеют право сокращать почасовую заработную плату для молодежи до 85 центов в час по сравнению с установленной законом минимальной заработной платой.

В ухудшении условий накопления монополистического капитала, глубокого экономического кризиса правящие финансовые круги усиленно пытаются переложить все тяготы кризиса на рабочий класс, на все немонополистические силы, понижая реальную заработную плату, резко сокращая средства на социальные нужды. Теоретики «неоклассического» направления снабжают союзы предпринимателей, монополии и империалистические государства псевдонаучными концепциями, оправдывающими и обосновывающими такую политику, которая широко пропагандируется средствами массовой информации. С начала 80-х годов в результате этого началось усиленное наступление на профсоюзы и другие организации рабочего класса, урезаются или даже уничтожаются его социальные завоевания, за которые он боролся десятилетиями.

Фридман, Хайек и другие сторонники «неоклассического» направления не только преследуют непосредственно экономические цели, но и, пропагандируя концепции «рыночного хозяйства», обосновывают идеологию и политику антикоммунизма. Проявляя специфическую империалистическую реакцию на обострение общего кризиса капитализма, игнорируя тот исторически важный факт, что капитализм изжил себя, сторонники «неоклассиков» пытаются представить капитализм как общественную систему, обладающую большими преимуществами и возможностями. «Свободное рыночное хозяйство» изображается в качестве свободы для каждого члена общества. Фридман в своей главной работе утверждает: «Из истории совершенно ясно, как политическая свобода связана со свободным рынком. Я не знаю ни одного примера того, где бы существовало общество, которое отличалось бы высокой степенью политической свободы и где одновременно не существовало бы то, что можно было бы сравнить со свободными рынками...»¹⁴

Именно реальность капиталистического мира сегодня с его массовой безработицей, усилением неуверенности в завтрашнем дне особенно наглядно демонстрирует то, что в условиях господства монополий действительной свободой обладают только собственники важнейших средств производства, занимающие господствующие позиции в экономике и обществе. В концепции

¹⁴ *Friedman M. Kapitalismus und Freiheit. Stuttgart, 1971, S. 29.*

«рыночного хозяйства» Фридман и его сторонники пытаются отрицать этот факт и оправдать капиталистическое предпринимательство и его прибыль. Кроме того, благодаря ей протаскивается старая антикоммунистическая доктрина «тоталитаризма», и одновременно с позиции псевдонаучности оправдываются нападки на социализм и другие антиимпериалистические силы.

Пропаганда апостолов «рыночного хозяйства» является важной составной частью активизации консерватизма, которая наблюдается с начала 70-х годов в империалистических странах и выражает усилия империалистических кругов стабилизировать подорванные позиции государственно-монополистического капитализма.

Известный американский буржуазный идеолог С. Хантингтон писал: «Консерватизм возникает для того, чтобы противодействовать специфическому историческому кризису»¹⁵. Если первоначально консерватизм был знаменем феодальной контрреволюции, направленной против развивающегося капитализма, то сегодня он является лозунгом реакционных сил, выступающих против социализма, рабочего движения и всех других антиимпериалистических сил в капиталистических странах, а также против национально-освободительного движения.

В концепции неоконсерватизма, включающей в себя активизацию теории «рыночного хозяйства», речь идет не о краткосрочной тактической ориентации, а о стратегической линии империализма. Во внешней политике она проявилась в начавшемся непосредственно после конференции в Хельсинки повороте к активизации борьбы против выдвинутой социализмом политики разрядки в международных отношениях, в форсировании агрессивности империализма, подхлестывании гонки вооружений, стремлении нарушить существующее военное равновесие и добиться военного превосходства над социализмом.

Во внутренней политике этот курс выражается в дальнейшем ограничении буржуазно-демократических свобод, прикрываемом требованиями «правопорядка», в расширении репрессивного аппарата империализма.

Так называемое неоклассическое направление не

¹⁵ *Huntington S. Konservatismus als Ideologie. — Konservatismus. Köln, 1974, S. 103.*

является однородным, оно распадается на множество различных группировок. К ним относятся прежде всего представители монетаризма во главе с М. Фридманом (так называемая чикагская школа), которые утверждают, что экономическое развитие преимущественно зависит от движения денежной массы. Поэтому, как они считают, регулирование экономической деятельностью должно быть ограничено в сущности воздействием эмиссионных банков на количество денег в обращении, для чего должен осуществляться ежегодный прирост денежной массы на 3—5%. По их мнению, таким образом гарантировались бы непрерывность экономического развития и стабильность.

Фридман считает, что мировой экономический кризис 1929—1933 гг. «явился трагическим свидетельством влияния плохой валютной политики... если бы предотвратили сокращение денежной массы, то тогда совершенно точно депрессия, если бы она и возникла, была бы гораздо слабее и не такой длительной»¹⁶.

Между тем в действительности кризисы перепроизводства обусловлены объективными экономическими законами капитализма. Поэтому применение положений Фридмана о регулировании денежной массы центральными и эмиссионными банками империалистических стран с 70-х годов не могло остановить дальнейшее кризисное развитие в капиталистическом мире.

В Соединенных Штатах сложилась так называемая экономическая теория предложения (supply side economics), являющаяся составной частью современной «неоклассической» школы. После того как построенная на теоретических положениях Кейнса государственно-монополистическая экономическая политика воздействия на рыночный спрос продемонстрировала свою несостоятельность, буржуазные экономисты и политики пытаются добиться более эффективного результата за счет расширения предложения. Они рекомендуют перераспределить государственно-монополистическое регулирование экономики в интересах обогащения крупных монополий путем уменьшения налога на прибыль, стимулирования частной инвестиционной деятельности, благоприятствования прибыльному размещению монополистического капитала. Все это рассматривается в ка-

¹⁶ Friedman M. Es gibt nichts umsonst, S. 52.

честве средства для расширения предложения, которое должно вывести капитализм из бедственного положения. Дальнейшее углубление кризисных процессов в экономике США показывает, что и с такими рецептами капитализм не сможет выпутаться из своих противоречий.

Представители «неоклассической» экономической теории откровенно защищают свою проимпериалистическую точку зрения. Например, Фридман, с одной стороны, выступая против социальных мер, заявляет: «Социальное страхование — это, пожалуй, самое обманчивое, что можно только себе представить. Оно не имеет ничего общего с социальной областью...»¹⁷ С другой стороны, он прямо заявляет, что социальная политика империализма есть не что иное, как маскировка его антинародной сущности. Фридман подчеркивает, что «на фоне современного общественного мнения с его широко распространившейся антипатией к «капитализму», к «прибылям», к «бездушному капиталистическому обществу» и т. д.... капиталистическое общество... чтобы создать себе добрую славу, должно было использовать благозвучные слова о «социальной ответственности»... в качестве ширмы». «Было бы нелогично, если бы я потребовал от управляющих капиталистическими обществами прекратить это лицемерное шоу, в таком случае я бы подорвал основы свободного общества»¹⁸.

Хайек же откровенно говорит об «иллюзии социальной справедливости»¹⁹. Он заявляет, что затраты на социальные нужды противоречат прибыли и, следовательно, их необходимо устранить. Для него само понятие социального не имеет права на существование: «Социальное рыночное хозяйство не есть рыночное хозяйство, социальное правовое государство — это не правовое государство, социальная совесть — это не совесть, социальная справедливость — это не справедливость... Я должен признать... что я не могу думать социально, ибо я не знаю, что это значит»²⁰. Хайек открыто высту-

¹⁷ Ibid., S. 27.

¹⁸ *Friedman M.* Was heißt hier eigentlich soziale Verantwortung? — Blick durch die Wirtschaft. Frankfurt am Main, 2.XII.1976.

¹⁹ *Von Hayek F. A.* Recht, Gesetzgebung und Freiheit, Bd 2: Die Illusion der sozialen Gerechtigkeit. Landsberg, 1981.

²⁰ *Von Hayek F. A.* Wissenschaft und Sozialismus Tübingen, 1979, S. 16.

пает с позиций, направленных против интересов трудящихся капиталистических стран и улучшения их социального положения.

Догмы о «свободном рыночном хозяйстве» в наши дни есть не что иное, как реакционная утопия. В последней четверти XX столетия, в условиях высокой степени обобществления капиталистического хозяйства, призыв к ограничению вмешательства империалистического государства в экономику, требование предоставить ведущую роль рыночному механизму выглядят как опасная демагогия и анахронизм. Они оставляют впечатление попытки «изгнать с помощью инструментов рыночного хозяйства и заклинаний рыночного хозяйства присущего ему дьявола»²¹.

Хотя «неоклассики» рекламируют «свободное рыночное хозяйство», на практике все выглядит иначе. В XX в. доминирующее положение в капиталистическом мире занимают монополии. Развивается государственно-монополистический капитализм «Свободное рыночное хозяйство», т. е. капитализм свободной конкуренции, относится к безвозвратному прошлому. Современные монополии, в частности действующие в международном масштабе, объективно являются антиподами свободной конкуренции. Их целью является овладение рынками, завоевание господствующих позиций в государстве, уничтожение конкурентов. Реальность подтверждает актуальность ленинского положения: «...монополия есть прямая противоположность свободной конкуренции»²². В условиях государственно-монополистического капитализма империалистическое государство, естественно, не может отстраниться от воздействия на экономику в интересах монополий и вновь превратиться в «ночного сторожа». В этом выражаются объективные требования растущего обобществления капиталистического производства.

«Неоклассическая» концепция «рыночного хозяйства» и осуществляемая по рецептам ее теоретиков экономическая политика в империалистических государствах, в частности в США, Великобритании, выступают как проявления специфических форм государственно-моно-

²¹ *Hickel R.* Reagans «amerikanischer Traum» — ein Alptraum für Europa. — *Blätter für deutsche und internationale Politik*. Köln, N 3/1981, S. 290.

²² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 385.

полистического капитализма. Для обеспечения роста монопольных прибылей «неоклассики» признают необходимость массированного влияния империалистического государства на экономику. Они допускают сокращение государственных расходов лишь в социальных программах. Однако в целях дальнейшего расширения и ускорения империалистической гонки вооружений возрастают государственные затраты.

Это означает, что агрессивные империалистические силы под лозунгом «рыночного хозяйства» стремятся усилить рост государственно-монополистического капитализма на современном этапе. Государственно-монополистический капитализм наступает. Предложения об ограничении государственного регулирования и освобождении деловой инициативы от вмешательства со стороны правительства представляют собой попытку отвлечь внимание общественности от обострения проблем в социальной сфере. Слияние правительства с большим бизнесом в стремлении к достижению глобальных целей империализма в США и в погоне за прибылью еще никогда не проявлялось так сильно, причем этот процесс на современном этапе становится все интенсивнее²³.

Глубокое противоречие между тезисом о мнимой экономической свободе, «рыночном хозяйстве» и реальностью государственно-монополистического капитализма проявляется и во многих других отношениях. Например, регулирование денежной массы центральными эмиссионными банками, которые Фридман предлагает капиталистическому хозяйству в качестве панацеи от всех бед, вступает в противоречие с действием «законов свободного рынка». Эта мера выгодна лишь финансовому капиталу, так как резкое удорожание кредитов отразится в первую очередь на мелких и средних предприятиях. Американская политика высоких процентов, как результат подобной государственно-монополистической меры, проявилась более всего в области международных экономических отношений и принесла огромные потери партнерам США в капиталистическом мире. Нет ничего удивительного в том, что и некоторые сторонники «концепции рыночного хозяйства» выступа-

²³ *Perlo V. Reaganomics — Rationale and Reality. — Political Affairs, Journal of Marxist Thought, 1981, May, N 5, p. 4.*

ют против такой политики. Поэтому западногерманский банкир фон Бетманн требует «покончить наконец с политикой денежной массы». «Она нанесла достаточный ущерб... политика денежной массы и регулирование денежной массы... не только не пригодны и опасны, но и в целом «противоречат системе». Регулирование денежной массы — это элемент централизованного ведения хозяйства, а поэтому оно является инородным телом в свободном хозяйстве»²⁴. Оказывается, что в этом важном вопросе даже сторонники концепции «рыночного хозяйства» враждуют друг с другом.

С одной стороны, сторонники концепции «рыночного хозяйства» стараются обеспечить максимально высокие прибыли монополиям. С другой стороны, они вынуждены в определенной степени учитывать настроения широких масс населения, прежде всего избирателей. Поэтому они пытаются представить политику защиты интересов монополий как деятельность в интересах всей нации, как стремление к экономической свободе для всех. Ссылаясь на то, что снижение налогов должно пойти на пользу всем членам общества, они требуют освободить частную инициативу от государственной опеки, ограничить действия государственной бюрократии.

Таким образом, происходит манипулирование общественным сознанием средствами массовой информации. Действительная сущность концепции «рыночного хозяйства» совершенно иная. Это наглядно проявляется на практике государственно-монополистической экономической политики Великобритании и США. За вывеской «свободного рыночного хозяйства» проводится экономическая политика в интересах монополий, основная цель которой заключается в значительном улучшении условий для прибыльного приложения капитала.

Важным аспектом «неоклассического» направления является требование реализации «рыночного хозяйства» в международных рамках. Его представители выступают за «мировое рыночное хозяйство», и прежде всего за неограниченную деятельность международных монополий в отношениях с развивающимися странами. Хайек заявляет, например: «Я не дал бы ни пфеннига правительствам развивающихся стран, а, наоборот, делал

²⁴ Geldmengenpolitik — ein
3.IV.1981.

Krebsschaden. — Wirtschaftswoche,

бы все, чтобы заманить частный инвестиционный капитал в эти страны, гарантируя при этом возвращение этих денег. Я думаю, это было бы эффективно, особенно если сразу же пояснить, что капитал будет инвестироваться в тех странах, которые готовы избрать капиталистический путь»²⁵.

Таким образом, империалистическая нацеленность «неоклассической» школы направлена против развивающихся стран, преобладающее большинство которых требует установления «нового экономического порядка в мире». Навязывая свое «мировое рыночное хозяйство», представители «неоклассического» направления выступают за дальнейшее безудержное разграбление развивающихся стран государственно-монополистическим капиталом.

В целом можно сделать вывод о том, что в «неоклассическом» направлении выражаются чисто империалистические цели: рост эксплуатации, дальнейшая монополизация экономики, увеличение монопольной прибыли за счет ухудшения положения трудящихся, безудержная эксплуатация развивающихся стран.

Фридман, будучи одним из наиболее воинствующих поборников подобных положений, дает им следующее обоснование: «Кризис, в котором сейчас находятся США... главным образом является кризисом «государства всеобщего благоденствия», которое начало развиваться в 30-х годах»²⁶.

Буржуазная теория «государства всеобщего благоденствия» представляла собой особую форму социального маневрирования между монополиями и государством, основные принципы которого были впервые представлены в так называемом новом курсе Ф. Д. Рузвельта еще в 30-х годах. Свое развитие эти принципы получили в политике американского правительства в 60-х годах под лозунгом «великого общества».

Борьба неоклассиков против теории «государства всеобщего благоденствия» означает их выступление против той платформы государственно-монополистического капитализма, для которой характерно широкое использование социального маневрирования в целях смягчения классовых противоречий, за особо реакционную

²⁵ Von Hayek F. A. Ungleichheit ist nötig — Interview. Wirtschaftswoche, 6.III.1981.

²⁶ Wirtschaftswoche, 14.XI.1980.

форму государственно-монополистического капитализма, прямо и неприкрыто направленную против жизненных интересов преобладающего большинства населения. Вместе с тем они выступают против тех буржуазных идеологов и политиков, которые стоят на позициях социал-реформизма.

Современная неоконсервативная теория «рыночного хозяйства» резко отличается от концепции «рыночного хозяйства», которую защищали буржуазные теоретики в 50-х и 60-х годах. Тогда еще признавалась необходимость социальных уступок в интересах сохранения капиталистической системы, провозглашался тезис о «социальных обязанностях» капиталистической собственности на средства производства, о «социальной ответственности» предпринимателей, и, таким образом, делались попытки придать капиталистической эксплуатации респектабельный вид.

«Неоклассическое» направление 70-х годов выражает интересы наиболее реакционных кругов монополистического капитала, направленные против завоеваний трудящихся. Выступая за ограничение государственной экономической активности и уменьшение государственных расходов на социальные нужды, теоретики неоклассической школы под флагом обеспечения «внутренней безопасности» открыто выступают за увеличение средств на расширение репрессивного аппарата империализма.

Монополистическая буржуазия полностью осознает тот факт, что сокращение расходов на социальные нужды может привести к усилению сопротивления со стороны все увеличивающейся части населения. Поэтому господствующие силы, осуществляя реакционную экономическую и социальную политику, целенаправленно продолжают расширять аппарат власти и подавления.

Агрессивность сил империализма направлена не только против собственного народа, но и вовне, прежде всего против Советского Союза и других социалистических государств, а также против национально-освободительного движения. Поэтому они выступают за безудержный рост государственных расходов на военные цели, за усиление гонки вооружений. Эти силы не только возрождают «холодную войну», но и вызывают опасность атомной войны.

В настоящее время под лозунгом «свободного ры-

ночного хозяйства» идет наступление самых агрессивных представителей империализма на социальные завоевания трудящихся, на сохранившиеся еще остатки буржуазной демократии и свободы, на организации демократических сил и вместе с тем оправдывается и поддерживается политика гонки вооружений и военных авантур американского империализма и связанных с ним союзников по НАТО.

Поэтому в борьбе за мир, против решения НАТО о размещении американских ядерных ракет в Европе, против милитаризации космоса, против вызванной империализмом США опасности атомной войны большое значение имеет борьба с теми экономическими концепциями империализма, к которым прибегают реакционные круги Соединенных Штатов Америки и других империалистических стран, преследующие свои агрессивные планы.

Борьба за мир, против чрезвычайно возросшей опасности войны требует не только решительной борьбы с милитаризмом, реваншизмом, но и прочного союза со всеми силами, выступающими против планов, угрожающих жизни на Земле. Сегодня задача заключается в том, чтобы различать силы империализма, которые фактически готовят третью мировую войну, надеясь победить в атомной войне против социализма, и те группы в лагере империализма, которые высказываются против использования войны в качестве средства разрешения противоречий между двумя общественными системами в век атомного оружия и ракет. Поэтому весьма важна и дифференцированная оценка буржуазной политической экономии. Ведь наряду с теоретиками «неоклассической» школы — идеологами самых агрессивных империалистических кругов — имеется немало представителей буржуазной экономической теории, которые высказываются за мир и мирное сосуществование, за кооперацию вместо конфронтации. Сюда относятся те силы (например, в ФРГ так называемая группа меморандума), которые решительно выступают против «неоклассических позиций», стремления агрессивных кругов империализма обеспечить себе безраздельное господство как в собственных странах, так и на мировой арене. Это те силы, которые вместе со всеми другими сторонниками мира руководствуются следующим убеждением: «Тенденция к укреплению потенциала ми-

ра, разума и доброй воли устойчива и в принципе необратима. За ней — стремление людей, всех народов жить в согласии и сотрудничестве»²⁷.

Глава 8

Теоретические основы экономической политики неоконсерватизма

В течение послевоенных десятилетий, вплоть до второй половины 70-х годов, теоретическим обоснованием экономической политики государства в подавляющем большинстве развитых капиталистических стран служили концепции кейнсианства. Однако развитие глубоких кризисных процессов в экономике отдельных стран и всего мирового капиталистического хозяйства привело господствующие круги буржуазного мира к выводу о необходимости отказа от кейнсианской модели «регулируемого капитализма», которая не только перестала служить делу защиты и сохранения капитализма, но и превратилась в существенное препятствие на этом пути.

Выросшая до беспрецедентных размеров армия безработных явилась живым доказательством иллюзорности обещанной экономистами-кейнсианцами «полной занятости», кризисные процессы 70—80-х годов разрушили порожденную кейнсианцами веру в возможность бескризисного, устойчивого развития капитализма, развенчали широко разрекламированный миф о «социальной гармонии» современного буржуазного общества. Банкротство кейнсианских теорий тяжело отразилось на государственной экономической политике. Новая «болезнь» капитализма — стагфляция — не только не поддавалась «лечению» кейнсианскими рецептами, но, напротив, стимулировалась ими.

Быстро развивающийся кризис сложившейся системы государственно-монополистического регулирования экономики содействовал развитию кризиса буржуазной политической экономии, заставил буржуазных экономистов искать новые «лекарства», способные хотя бы временно продлить жизнь капиталистическому строю.

Новые концепции разрабатываются в порядке критического пересмотра кейнсианской теории. Уже в 70-х

²⁷ Горбачев М. С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. 26 февраля 1986 г. М., 1986, с. 94.

годах сложились два направления в критике кейнсианства — критика «слева» и критика «справа». К первой группе критиков принадлежали «дирижисты» — экономисты «посткейнсианского» и социально-институционального направлений. Вторая группа — это представители одной из старейших школ современной буржуазной политической экономии — «неоклассической». Именно эта школа оказалась в последние годы наиболее популярной в развитых капиталистических странах. Ее концепции стали широко применять в качестве теоретического обоснования государственной экономической политики неоконсерватизма.

Экономическую политику неоконсерватизма отличает чрезвычайная реакционность: стремление выйти из экономических трудностей за счет трудящихся, открытое наступление на права и завоевания рабочего класса, милитаризм и воинствующий антикоммунизм. Все эти позиции получили теоретическое обоснование в концепциях «неоклассиков». Выдвижение на авансцену экономической жизни этого направления буржуазной политической экономии несомненно связано с общим сдвигом вправо в политике и идеологии государственно-монополистического капитализма.

«Неоклассическая» школа занимала господствующие позиции в буржуазной политической экономии с начала нашего века и вплоть до 30-х годов, когда пальму первенства захватило кейнсианство. Однако же неоклассические теории продолжали играть заметную роль в экономической жизни такой, например, крупной страны, как ФРГ, где в 40—60-х годах они под флагом теории «социального рыночного хозяйства» активно использовались в практике государственного регулирования экономики. В настоящее время неоклассические концепции исповедуются и пропагандируются целым рядом крупнейших буржуазных партий, тесно связанных с наиболее реакционными финансово-олигархическими группами: республиканской партией в США, партией ХДС в ФРГ, английской консервативной партией.

В последние два десятилетия в неоклассическом направлении произошли существенные изменения. Образовались различные течения, которые по ряду аспектов противоречат друг другу. В экономической политике капиталистических стран особое распространение получили монетаризм и «экономика предложения».

Программа государственного регулирования экономики современных неоклассиков содержит ряд положений, каждое из которых имеет обоснование в общетеоретических, философских, социальных установках этого направления. В целом неоклассическое направление (все его течения) исповедует философию буржуазного индивидуализма, рассматривая капитализм как вечный и естественный строй, соответствующий природным свойствам самой натуре человека, как идеальное общественное устройство, в котором царит культ частной собственности и рыночной стихии.

Центральной фигурой неоклассических теорий является предприниматель, с успешной деятельностью которого связывается и благоприятное функционирование всей экономической системы. Не трудно понять, что такие взгляды находят отклик в среде средних и мелких капиталистов, которые действительно поддерживают экономические программы неоклассиков. И именно на этот социальный слой рассчитана пропаганда неоклассических теорий, и именно в этой среде находят поддержку неоконсервативные правительства.

Философия буржуазного индивидуализма стала основой традиционного для «неоклассиков» требования «свободы предпринимательства», т. е. свободы действию рыночных сил и частной инициативе. Фундамент современных неоклассических взглядов по этим вопросам был заложен в работах американских экономистов М. Фридмана и Ф. Хайека¹.

«Неоклассики» выступают с критикой кейнсианской концепции хронической неустойчивости стихийной рыночной экономики. По их мнению, напротив, именно рынок является тем механизмом, который способен наиболее эффективным путем обеспечить благосостояние отдельной личности и всего общества, ибо только стихийные рыночные отношения создают максимальные возможности для индивидуального выбора и минимизации издержек. Неустойчивость, нестабильность современной капиталистической экономики «неоклассики» связывают с разного рода жесткими ограничениями, несовершенствами, негибкостью, присущими существующей экономи-

¹ *Friedman M. Capitalism and Freedom. Chicago, 1962; Hayek F. A. Individualism and Economic Order. Chicago, 1948.*

ческой системе и препятствующими свободной игре рыночных сил².

Такая оценка рынка стала основой разработанных М. Фридманом монетаристских методов экономической политики, осью которых является антиинфляционная денежная политика. Кейнсианская политика антициклического регулирования экономики, связанная с резкими колебаниями количества денег в обращении, как утверждают «неоклассики», нарушает действие стихийного рыночного механизма и потому дестабилизирует всю экономику³. Количество денег в обращении не должно, по их мнению, зависеть от фазы цикла, и государство может увеличивать его ежегодно лишь на 3—4%. Как считают монетаристы, это позволит сначала поставить под контроль, а потом и существенно снизить темпы инфляции.

Естественно, что внимание к денежному фактору в условиях вышедшей из-под контроля «галопирующей» инфляции привлекло интерес к концепциям «неоклассиков», как экономистов, так и государственных деятелей. По сути правительства всех развитых капиталистических стран осуществляли монетаристские методы регулирования денежного обращения. Обнародование и строгое соблюдение количества денег в обращении должны были, по мнению английских консерваторов, обеспечить ясность в оценке развития инфляционных процессов, стабилизировать поведение субъектов экономических отношений и затормозить увеличение как заработной платы, так и цен⁴.

Правительства США и Великобритании стремились также, следуя монетаристской концепции, снизить темпы роста денежной массы путем установления высокого банковского процента. В результате удалось замедлить этот темп. Однако достижения в начале 80-х годов очень высоких размеров процентные ставки вызвали, например, в США недовольство фермеров, средних капиталистов, препятствовали росту деловой активности, т. е. антиинфляционная политика оказалась в противоречии

² *Gamble A.* The Free Economy and the Strong State. The Rise of the Social Market Economy. — Socialist register. London, 1979, p. 16.

³ *Friedman M., Schwartz A.* Money and Business Cycles; *Friedman M.* Theoretical Framework for Monetary Analysis. — Macroeconomic Themes. Oxford, 1976, p. 279—295, 371—385.

⁴ *Stephenson H.* Mrs. Thatcher's First Year. London, 1980, p. 103.

с политикой, стимулирующей экономический рост. Такие нередкие для современного государственно-монополистического регулирования противоречия являются показателем слабости и недейственности его.

Вместе с тем факты экономического развития начала 80-х годов свидетельствуют о том, что существенное замедление роста индекса цен происходило лишь в тех странах, где кризис 1980—1982 гг. сказывался особенно заметно (США, Великобритания). Это дает достаточно веские основания считать, что темпы роста инфляции замедлялись прежде всего под воздействием сильнейшего кризиса перепроизводства. Государственные же антиинфляционные меры (ограничение роста денежной массы и вздорожание ссудного капитала) фактически способствовали углублению кризиса и тем самым снижению темпов инфляции.

Важнейшей составной частью неоклассической теории является специфическая оценка места и роли в экономической системе частной инициативы, частного предпринимательства, экономических функций государства.

«Неоклассики» подвергли критике кейнсианскую концепцию «государства всеобщего благоденствия», в особенности идею о необходимости с помощью государства перераспределять «богатство и доход» в пользу неимущих слоев населения, с тем чтобы нивелировать несколько неравенство в распределении богатства и дохода⁵. По их мнению, неравенство необходимо сохранять и упрочивать, так как оно является стимулом к предпринимательству, источником частной инициативы⁶. По этой причине «неоклассики» выступают против системы прогрессивного налогообложения, предпочитая ей налогообложение пропорциональное.

Монетаристы (и это их традиционное требование) отвергают необходимость расширения социальных расходов правительства. Расширение их, по убеждению неоклассиков, наносит урон предпринимательской инициативе, способствуя сокращению неравенства, с одной стороны, и нежелательному увеличению налогообло-

⁵ См.: Гэлбрейт Дж. Наступление консерваторов. — Мировая экономика и международные отношения, 1982, № 5.

⁶ См. там же, с. 69; Elliott J. Economic Systems and Resources Allocation. Dubuque, 1964, p. 175.

жения наиболее богатых слоев населения — с другой. Они вместе с тем считают необходимым улучшать финансовое положение конкурентоспособных предприятий и тем самым создавать им благоприятные условия для увеличения инвестиций.

Практически все эти теоретические положения неоклассической школы были использованы для обоснования и разработки антинародной неоконсервативной социально-экономической политики.

Американские теоретики «экономики предложения» создали проект налоговой реформы. Любопытно и само обоснование этой реформы, и ее цели, и, наконец, результаты.

В целях оказания помощи наиболее зажиточным кругам, так как прогрессивное налогообложение якобы подрывает частную инициативу и предпринимательство, неоклассическая теория настаивает на его ликвидации и замене системой пропорционального налогообложения. Предлагаемая налоговая политика исходит из того, что «главнейшим источником творчества в любой экономической системе является индивидуальный инвестор»⁷. Поэтому налоговая политика должна быть такой, чтобы стимулировать инвестиционную деятельность предпринимателей. Разработанная программа снижения налогов должна по замыслу ее теоретиков так оживить экономику, «что налоговые поступления останутся на том же уровне или даже возрастут»⁸.

Американский экономист Дж. Гилдер, один из создателей этой концепции, утверждал, что высвободившиеся от налогообложения суммы автоматически будут использованы частным предпринимательством в качестве новых инвестиций, в результате экономика начнет бурно развиваться. Авторы новой налоговой системы рассчитывали, что уже к 1982—1986 гг. налоговые льготы имущим слоям населения и бизнесу должны привести к ежегодному приросту реального ВВП на 4,6% и в результате роста производства — к сокращению безработицы до 5,5%. Предполагалось, что налоговые поступления в бюджет увеличатся настолько, что уже в 1983—1984 гг. бюджет будет сбалансирован, госу-

⁷ Гилдер Дж. Экономика производительности. — Америка, 1981, № 300, с. 9.

⁸ Там же.

дарственный долг будет сокращен, темп прироста потребительских цен будет снижен в 1986 г. до 4,2%⁹.

В соответствии с налоговой реформой, осуществленной в США, высшая ставка подоходного налога была снижена с 70 до 50%, и в результате ставки налога стали менее прогрессивными. К тем же последствиям привело установление одинакового для всех налогоплательщиков процента сокращения подоходного налога (на 23% в течение трех лет). В результате льготы самым богатым слоям населения достигли невиданных размеров. На группу налогоплательщиков с годовыми доходами свыше 60 тыс. долл., составляющих лишь 4% налогоплательщиков, приходится 24% общей суммы снижения налогов. Кроме того, было уменьшено налогообложение даров, недвижимости, накоплений и инвестиций.

Значительные налоговые льготы были предоставлены корпорациям, для чего были пересмотрены сроки амортизации и осуществлен ряд других мер. В результате вклад корпораций в общую сумму налогов снизился с 26% в середине 60-х годов до 5% и менее в настоящее время.

Налоговая реформа, предоставив столь большие льготы имущим, причем наиболее богатым из них, почти не затронула наиболее бедные слои населения. Доля 36% налогоплательщиков, зарабатывающих до 10 тыс. долл. в год, в общем сокращении налогов составила всего 3%¹⁰.

Однако не случайно неоклассические идеи в области налоговой политики американский экономист Дж. Гэлбрейт назвал «кустарной поделкой». Налоговая реформа по сути лишь способствовала углублению экономического кризиса начала 80-х годов. Обеспечивая рост богатства наиболее состоятельным слоям населения, она оказалась безрезультатной в выполнении своей главной, официально объявленной задачи — стимулировании инвестиционной деятельности и экономического роста. Инвестиционного оживления в результате этой реформы не последовало. Имеющиеся производственные мощности, как и прежде, использовались не полностью

⁹ См.: Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. М., 1982, с. 121.

¹⁰ См. там же, с. 65.

(в 1982 г. — всего на 71,1%)¹¹. Сохранилась выявившаяся со второй половины 70-х годов тенденция к существенному замедлению среднегодовых темпов экономического роста.

Налоговая реформа обернулась не ростом доходов госбюджета, а их сокращением. Уже в августе 1982 г. конгресс утвердил повышение налогов на ближайшее трехлетие на 98,3 млрд. долл., чтобы возратить правительству $\frac{1}{4}$ средств, которые оно недополучило вследствие осуществления налоговой реформы 1981 г. Однако увеличение налогов не коснется обеспеченных слоев. Повышаются косвенные налоги на продажу бензина, сигарет, авиабилетов и ограничиваются возможности вычитать затраты на медицинские услуги из налогооблагаемых доходов. Таким образом, увеличение налогов всецело легло на плечи трудящихся¹².

Провал налоговой реформы в США как бы еще больше подчеркнул главную черту неоклассической теории — обеспечение интересов, повышение доходов большого бизнеса. Следует отметить архиреакционный характер монетаристской программы. Даже среди «неоклассиков» она не нашла единодушной поддержки. В частности, сторонники «экономики предложения» считают ее препятствующей экономическому росту, опасной социальными конфликтами. Однако же правительства всех развитых капиталистических стран с готовностью взяли эту программу на вооружение. В частности, именно социальные расходы стали первоочередным и основным объектом «бюджетной экономии», проводимой английским кабинетом. В США только в 1984 г. было принято решение о сокращении расходов на медицинскую помощь беднякам и престарелым, уменьшены субсидии школам и неимущим студентам. Дальнейшему сокращению подверглись специальные ассигнования и в 1985 г.

Защищая дух частной инициативы, «свободу предпринимательства», неоклассики всегда выступали за существенное ограничение экономических функций государства, хотя и подчеркивали, что некоторые несовершенства рыночного механизма все же порождают

¹¹ См.: Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. М., 1985, с. 11.

¹² См.: Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. М., 1983, с. 105—106.

«нужду в некотором государственном вмешательстве»¹³. По их мнению, государственное участие в экономике должно заключаться в формировании законов, регламентирующих рамки деятельности экономических агентов, в установлении общих правил и норм хозяйственного поведения. В книге М. Фридмана «Капитализм и свобода», изданной в начале 60-х годов, утверждалось, что роль правительства должна заключаться лишь в поддержании закона и порядка, в защите прав собственности, в разрешении споров, возникших в связи с различным пониманием хозяйственной деятельности, в поддержании конкуренции и т. п.

Однако в современной неоклассической программе уже нет стремления к значительному сокращению экономических функций правительства. Несомненно, что с усилением роли государственного регулирования экономики неоклассики стали понимать необратимость этого процесса. Высокая степень государственного вмешательства в экономику неизбежно становилась основой в программах по регулированию экономики, правда в иных формах, чем предлагали кейнсианцы. Но, отказавшись от идеи невмешательства государства в экономику, разрабатывая программу активных государственных регулирующих мер, неоклассики продолжают именовать себя сторонниками свободного предпринимательства, скорее всего из чисто пропагандистских соображений — в целях сохранения популярности у средних и мелких капиталистов, представителей верхушки интеллигенции, ратующих за «свободу индивидуума».

В традиционной критике кейнсианства «неоклассики» всегда упрекали своих оппонентов в стремлении к излишней централизации экономической жизни, слишком большому ее подчинению правительству. Многие функции, выполняемые правительством, по их мнению, успешнее будут претворяться в жизнь местными органами власти. Они настаивают на повышении участия этих органов в осуществлении регулирования экономики.

Специфично всегда было и отношение неоклассиков к прямым формам государственного вмешательства в экономику, и прежде всего к национализации. Эта мера рассматривается экономистами данного направле-

¹³ См.: Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. М., 1985, с. 99.

ния как неэффективная, допустимая лишь в крайнем случае. При этом трудности в деятельности национализированных отраслей, например Великобритании, вызванные полным подчинением этой деятельности интересам британского монополистического капитала, приписываются национализации, как таковой. На этом основании английская консервативная партия, например, требует широкой реприватизации государственных отраслей экономики. Неоклассики считают, что для монополий выгоднее, когда государство передает все функции предпринимательства им, щедро расплачиваясь по своим контрактам. Такое разделение функций между государством и частным предпринимательством сложилось, в частности, в США.

Неоконсервативные правительства в ряде случаев — в соответствии с неоклассическими теоретическими установками — осуществили меры по децентрализации экономики и сокращению прямого государственного вмешательства. Так, в США были расширены экономические функции правительств штатов за счет сокращения функций федерального правительства. Однако никаких принципиальных изменений в экономическую политику эта мера не внесла, а привела лишь к существенным ограничениям федеральных субсидий правительствам штатов и муниципалитетам¹⁴. В Великобритании в довольно широких масштабах проводилась реприватизация государственной собственности. В список денационализируемых отраслей были включены стратегически важные отрасли: нефтедобывающая, аэрокосмическая, самолетостроение, телекоммуникации и ряд других.

Поставив своей главной задачей оказание помощи частному предпринимательству, неоклассическая теория не могла обойти стороной вопрос об отношениях труда и капитала. Позиции неоклассиков по этому вопросу достаточно явно проявились в уже разработанной ими бюджетной и налоговой политике. Однако в современной неоклассической теории есть специальные разработки и рекомендации относительно взаимоотношений «работодателей и рабочих». Разработки осуществляются в двух направлениях. Первое направление — это

¹⁴ См.: Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. М., 1982, с. 59; Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. М., 1985, с. 99.

борьба рабочего класса за свои права (в таком случае предлагаются определенные формы государственного контроля); второе направление — это рекомендации бизнесу, касающиеся новых форм «рационализации труда», т. е. новых способов повышения степени эксплуатации рабочего класса.

Антирабочая направленность неоклассических концепций проявляется как в открытых нападках на рабочее движение, в пропаганде воинствующего антикоммунизма, так и в завуалированной форме, под прикрытием демагогических лозунгов. Откровенная антирабочая направленность проявляется, в частности, в отказе от социальных мероприятий правительства (даже в урезанной форме), которые имели место в 50—60-х годах, в настойчивых предложениях ликвидировать систему прогрессивного подоходного налогообложения.

Показательна позиция неоклассиков и в отношении безработицы и заработной платы. Экономисты-неоклассики выступают против кейнсианской политики «полной занятости», считая, что высокий уровень безработицы, оказывая давление на заработную плату, способствует сокращению инфляции. По их мнению, рост заработной платы приводит к повышению цен, а потому является важнейшим фактором, создающим инфляцию и способствующим ее росту. По этой причине неоклассическая теория выступает и за ограничение прав профсоюзов в борьбе за повышение заработной платы. (При этом рекомендуется к профсоюзам применять антитрестовское законодательство).

В последние годы неоконсервативные правительства возлагают все большие надежды на создание в стране психологического и идеологического климата, благоприятствующего проведению в жизнь их экономической политики. Вряд ли экономисты-неоклассики не замечают, что их догма, согласно которой рост безработицы способствует замедлению роста зарплат и цен, опровергнута всем развитием капиталистической экономики. Акцент все больше делается на запугивании трудящихся угрозой потери работы. Антиинфляционная политика все более опирается на нагнетание среди рабочих атмосферы страха и неуверенности. Уменьшить способность рабочего класса сопротивляться антинародной политике неоконсерваторов должна, в частности, массированная атака на профсоюзы (что и осуществля-

ется на практике). Так, в США, используя безработицу как мощное средство давления на профсоюзы, предпринимателям удалось навязать рабочим более жесткие условия: замораживание заработной платы, ухудшение условий труда, уменьшение оплачиваемых отпусков и ограничение многих выплат и льгот, завоеванных трудящимися в упорной, многолетней классовой борьбе.

Стремление подавить рабочее движение проявляется и в скрытой, завуалированной форме социального маневрирования: в Англии — под лозунгом «более подходящего соотношения сил между работодателями и профсоюзами»¹⁵; в США — под флагом создания «социального консенсуса» («социального контракта»), объединяющего индивидуумы и «формирующее общество», ибо «сегодня все социальные группы в США должны прийти к пониманию того факта, что в общих интересах вернуть страну на путь неуклонного экономического роста и ради этого следует поступиться личными интересами»¹⁶.

Одной из характерных черт экономической политики неоконсерватизма стали меры «по усилению мобильности труда». Кейнсианство, утверждают неоклассики, учило людей потреблять — нужно же их учить трудиться. Труд на благо капиталиста рассматривается как труд на благо общества. Рабочим предлагается потуже затянуть пояса, дабы помочь своему отечеству. Все большее идеологическое значение приобретают милитаристский психоз, призывы к отказу вести забастовочную борьбу, рассчитывать на рост заработной платы и снижение безработицы. Авторы рассматриваемых концепций и не обещают ее сокращения в ближайшие 10 лет.

Огромные усилия, предпринятые монополиями и буржуазными государствами для оказания давления на рабочий класс, не оказались безрезультатными. Трудящиеся вынуждены были согласиться на замедление роста номинальных ставок заработной платы в условиях продолжающегося роста потребительских цен и на худшие условия труда.

Наряду с мерами государственной социально-экономической политики, позволяющими монополистическому

¹⁵ Four Elements of Government Industrial Policy Outlined by L. Brittan. — British Business. London, 1981, p. 570.

¹⁶ Business Week. Special Issue, 30 VI.1980, p. 86.

капиталу ужесточить условия труда и быта рабочего класса, буржуазные экономисты разработали, а монополии внедрили в практику принципиально новые методы усиления эксплуатации рабочего класса в сфере капиталистического производства. Речь идет о целой системе мер стимулирования более производительного труда рабочих. Сделана попытка «разморозить» антагонистические отношения между рабочими и предпринимателями, существующие на многих предприятиях и сдерживающие рост производительности труда. Осуществляются эти мероприятия под лозунгом «создания отношений сотрудничества».

Не вызывает сомнения, что при разработке рассматриваемых концепций буржуазные экономисты использовали ряд реальных тенденций развития производства в эпоху НТР. При этом они пересмотрели некоторые прежние оценки роли живого труда, ибо в течение целых десятилетий — с начала научно-технической революции — экономисты и социологи твердили о том, что в век кибернетики живой труд начинает играть все меньшую и меньшую роль.

Однако жизнь показала, что новая техника и технология предъявляют к рабочей силе невиданные раньше требования. Но изменились и потребности рабочего. Многочисленные опросы общественного мнения в США свидетельствуют о том, что рабочий сейчас относится к работе не только как к источнику существования, но и как к способу удовлетворения духовных интересов, стремится к труду осмысленному, творческому.

Экономисты, изучив накопленный опыт ряда капиталистических стран, прежде всего Японии, а также ФРГ, разработали новые концепции «социального партнерства», дополнив ими прежние идеи «народного капитализма», мелких «народных акций». Особенно большое внимание уделяется сейчас участию рабочих в решении ряда управленческих вопросов на уровне бригады или цеха. Как видно, буржуазные теоретики одним ударом хотят убить двух зайцев: и обеспечить на предприятии классовый мир, и добиться без каких-либо затрат со стороны капиталистов роста производительности труда. Тем же целям служит идея создания рабочих бригад по контролю за качеством продукции.

Другим средством для стимулирования роста производительности труда буржуазные теоретики считают

внесение элементов творчества в труд рабочих, и прежде всего на тех участках, где сохраняется его однообразный и монотонный характер. С этой целью предлагается всемерно поощрять новаторство, поддерживать инициативу рабочих, стимулировать их к рационализации своего труда. Эксперимент, проведенный в начале 80-х годов на заводах Форда, показал, что это начинание принесет монополиям новые прибыли.

Данные свидетельствуют о том, что комплекс разработанных буржуазными экономистами мер к «усилению мобильности трудовых ресурсов», примененный на практике монополиями и государством, обеспечил в последнее время определенный рост производительности труда. Так, в США производительность труда в частном секторе составила в 1983 г. 103,4%, в 1984 г. — 106,6% (1977 г. — 100).

Таким путем, используя все методы, вплоть до естественного стремления современного человека к творчеству, буржуазные экономисты помогают монополиям усилить эксплуатацию рабочего класса, ибо рост производительности труда при той же (или даже несколько возросшей) зарплате, той же продолжительности рабочего дня означает существенное увеличение прибавочного времени, а значит, и капиталистических прибылей.

Подводя итог, следует отметить, что неоконсервативная экономическая политика, разработанная неоклассической школой буржуазной политической экономии, характеризуется активным стремлением трудности противоречивого, неустойчивого развития экономики переложить на плечи трудящихся. Но практика — а она, как известно, лучший критерий истины — показала, что, в то время как монополиям действительно с помощью этих мер удалось поддержать свои позиции, другие поставленные неоконсерваторами цели достигнуты не были. Более того, по мнению буржуазных экономистов, она содействовала росту неустойчивости капиталистической экономики.

Правительствам не удалось существенно снизить темпы роста инфляции, обеспечить благоприятный инвестиционный климат. В начале 80-х годов капиталистические страны снова оказались в тисках мирового экономического кризиса, который приобрел всеобщий характер, охватив все отрасли хозяйства стран развитого капитализма. Высокий уровень инфляции и обо-

стрение структурных диспропорций усилили кризис перепроизводства. Значительно ухудшилось положение трудящихся, снизилась реальная заработная плата промышленного пролетариата, относительные и абсолютные масштабы безработицы оказались наивысшими за послевоенный период.

В кризисных ситуациях неоконсервативным правительствам нередко приходится прибегать к традиционным кейнсианским антикризисным мерам государственного регулирования экономики. Дело в том, что в соответствии с неоклассическими концепциями стихийный рыночный механизм сам, без вмешательства государства должен был ликвидировать кризисы. По этой причине неоклассическая школа не разработала специальных антикризисных мер.

Возможности сочетания неоклассических концепций с кейнсианскими в практике регулирования экономики определяются существенными общими чертами. Прежде всего оба этих направления имеют общую социальную основу, выражая интересы ведущих финансово-олигархических групп. Отказ от использования большинства кейнсианских предложений означал лишь то, что они перестали оказывать финансовому капиталу необходимую помощь. Оба направления буржуазной политической экономии используют субъективно-психологический метод, занимают позиции маржинализма, по сути выступают за сочетание в капиталистическом хозяйстве частного предпринимательства и государственного вмешательства, рассматривая последнее как помощь и поддержку частному капиталу (т. е. являются сторонниками «смешанной экономики»).

Но вместе с тем кейнсианская антикризисная политика в целом ряде аспектов противоречит неоклассической антиинфляционной программе. Так, в целях стимулирования экономического роста кейнсианство рекомендует снижение нормы процента, а неоклассическая антиинфляционная программа требует от государства, напротив, его повышения.

В условиях беспрецедентного для послевоенного времени роста безработицы неоконсерваторы вынуждены были обратиться к кейнсианским методам ее регулирования. Это оказалось в полном противоречии с неоклассическими концепциями антиинфляционного влияния безработицы, в определенной степени мешало осу-

ществлению программы сокращения государственных социальных расходов.

В конечном счете и экономистам-теоретикам, и политикам пришлось признать, что правительство не может одновременно бороться со всеми тремя наиболее тяжелыми недугами капитализма: инфляцией, кризисами и безработицей. Поэтому на различных этапах в зависимости от сложившейся конъюнктуры, соотношения классовых сил проблемой номер один объявлялись то инфляция, то спад производства, то безработица. При этом следует отметить, что, несмотря на тяжелый экономический кризис 1980—1982 гг., неоконсервативные правительства все же «врагом номер один» считали инфляцию и ставили во главу угла экономической политики неоклассические антиинфляционные меры.

Отсутствие единой политико-экономической основы у экономической политики неоконсерваторов явилось еще одной существенной причиной ее противоречивости. Использование неоклассических концепций наряду с кейнсианскими привело к непоследовательности, частой корректировке, выдвижению на передний план то одних, то других мер регулирования. Поскольку ни в одной из стран до сих пор выдвинутые цели достигнуты не были, приоритеты в политике часто меняются, она отступает от первоначальных своих теоретических принципов и все больше строится по методу «проб и ошибок».

Характерная черта экономической политики неоконсерватизма — беспрецедентное расширение милитаризации экономики. Пронизывающий все и вся милитаризм, подчеркивалось на XXVII съезде партии, наиболее ходовое средство подстегивания экономики¹⁷.

Милитаризация экономики не только способствует обогащению военно-промышленных монополий. Раздувание военного психоза служит исключительно важным средством обработки общественного мнения. Под флагом «обеспечения национальной безопасности» легче бороться с профсоюзным движением, замораживать заработную плату, убеждать трудящихся «потуже завязать пояса», сокращать социальные выплаты.

¹⁷ См.: Горбачев М. С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. 26 февраля 1986 года. М., 1986, с. 16.

Однако же наращивание военных расходов отнюдь не сглаживает, а, напротив, усугубляет противоречия государственно-монополистического регулирования экономики. Рост военных расходов способствует колоссальному увеличению дефицита государственного бюджета, а значит, ставит под угрозу саму основу неоклассического регулирования экономики. Результатом неоконсервативной экономической политики с неизбежностью стало обострение социальных противоречий, не разрешение, а, напротив, углубление кризиса теории и практики государственно-монополистического регулирования экономики, всей системы государственно-монополистического капитализма.

Глава 9

Противоречия теории экономического роста

Противоречия капиталистического воспроизводства в условиях современного этапа общего кризиса капитализма отразились особым образом на развитии буржуазной политической экономии. Глубокий экономический кризис 1974—1975 гг., разразившийся вместе с сырьевым, энергетическим, экологическим и валютно-финансовым кризисами, показал на деле непригодность теоретической базы экономической политики, основанной на антициклических и стимулирующих мероприятиях государственно-монополистического капитализма. Проявился на новом уровне и кризис буржуазных теорий и идей, формирующих государственное вмешательство в капиталистический процесс воспроизводства в национальном и наднациональном масштабах.

В связи с этим особую важность приобретает критический анализ сущности и эволюции новых буржуазных теорий экономического роста.

Изменения в темпах, характере и результатах экономического роста особенно резко затрагивают интересы всех социальных групп и слоев в буржуазном обществе. Более того, они особенно сильно влияют на престиж руководящих кругов монополистической буржуазии. Нет такого правительства в капиталистической стране, которое после прихода к власти не предусмотрело бы в своей программе «политику стабильного роста».

С другой стороны, объективная реальность экономического роста своеобразным путем отражается в системе теоретических взглядов, определяющих общественно-экономическую практику. Не существует такой государственно-монополистической политики стимулирования и поддержания роста, которая не базировалась бы на буржуазных доктринах (и соответствующих моделях) хозяйственного развития. Так в определенной взаимосвязи с изменениями в факторах, условиях и результатах экономического роста эволюционирует и буржуазная теория. Кроме того, теории экономического роста меняются и под влиянием новых требований и задач в экономической области, в международных экономических отношениях и в сфере идеологической борьбы. Содействовать поддержанию оптимальных (с точки зрения буржуазии) темпов роста и «доказывать» (в разных аспектах) «вечность» буржуазного строя и его «возможности» преодолеть органические противоречия капиталистического производства — это главные практические и идеологические цели буржуазных экономических теорий.

Переплетению неокейнсианских и неоклассических теорий экономического роста предшествовали значительные перемены внутри этих двух направлений. Они эволюционировали под влиянием реалистической оценки факторов экономического роста и поиска возможностей воздействия на эти факторы. Основная идея, которая доминировала в неокейнсианской теории экономического роста, заключалась в том, что реализация общественного продукта зависит от формирования «эффективного платежеспособного спроса». Таким образом, идеи Кейнса о равновесии экономики приспосабливались к условиям растущей экономики. Рост национального дохода обеспечивался преимущественно за счет инвестиций. Утверждалось, что чем больше расходов государства, тем больше рост. Соединяя концепцию мультипликатора (связь между новыми инвестициями и ростом национального дохода) с теорией акселератора (связь между первоначальными, так называемыми автономными инвестициями и общими инвестициями, осуществленными в результате оживления экономики), неокейнсианцы получили формальную «саморазвивающуюся» модель экономического роста.

Преувеличивание роли инвестиций как решающего фактора для достижения более высоких темпов роста

в действительности не способствовало антициклическому регулированию. В течение многих лет основной, стабильно возрастающей формой государственных инвестиций были военные расходы. Каждая новая форма государственного потребления сопровождалась новым повышением налогов, взимаемых с широкой массы потребителей, что со своей стороны приводило к сокращению так называемого эффективного совокупного спроса.

Реакцией на основное противоречие неокейнсианской концепции роста стало левое кейнсианство. Левые кейнсианцы защищали идею расширения только тех государственных расходов, которые действительно способствовали бы росту общего платежеспособного спроса. Это прежде всего расходы на образование, общественный транспорт, здравоохранение, которые в противном случае должны будут взять на себя потребители.

Несмотря на проходившие эволюционные процессы внутри кейнсианства, оно переживало глубокий кризис, порожденный углубляющимися структурными противоречиями капиталистического воспроизводства. Во всех капиталистических странах, где неокейнсианская концепция доминировала в государственно-монополистической практике регулирования экономики, маневрирование государственными расходами и кредитными средствами для стимулирования роста не дало ожидаемого эффекта. Неокейнсианство оказалось неспособным отреагировать на новые формы противоречий, которые возникали в капиталистическом воспроизводстве под влиянием ряда внутриэкономических и внешнеэкономических факторов. С начала 70-х годов в экономическом развитии Соединенных Штатов Америки, стран Западной Европы и Японии наличие этих новых процессов привело к учащению и углублению кризисных спадов и соответственно к общему замедлению роста. Капитализм впервые в своей послевоенной истории пережил всеобщий спад промышленного производства (1974—1975 гг.) — самый значительный после кризиса 1929—1933 гг. «Нулевой рост» в 1974 г. был не «сознательно достигнутым» с учетом критериев «оптимального экономического роста», а насильственно навязанным объективным ходом капиталистического воспроизводства. Среди новых явлений, способствующих углублению кризиса в неокейнсианстве, наиболее значительными стали: усиление инфляционных процессов, резкое повышение

цен одновременно с увеличением безработицы, ослабление позиций основных капиталистических валют, обострение проблемы сырья и энергетических источников, усиление диспропорции между разными отраслями хозяйства.

Стало очевидным, что в современных условиях для стимулирования роста необходимо всесторонне и эффективно использовать научно-технический прогресс. Для этого прежде всего требовались огромные расходы на образование, науку и разработки. Именно эти факторы приобретают все более важное значение. Частный капитал не может решить эти проблемы в масштабах всего хозяйства. И снова частнокапиталистический способ производства вступает в противоречие с требованиями развития современных производительных сил. Объективная реальность заставила буржуазных экономистов независимо от того, к какой школе они принадлежат, признать, что осуществляемые в области науки и образования государственные расходы являются поощряющими экономический рост инвестициями. Необходимость государственных расходов в этой области получила свое признание не только на практике, но и в буржуазной теории.

Основная причина проявления скептицизма в буржуазной теории роста заключается в том, что она не отражала новых явлений капиталистической действительности. В частности, усиливавшаяся инфляция, развивающаяся параллельно со спадом темпов роста и порождающая так называемую стагфляцию, ведет к ограничению потребления (государственного и частного). Все более трудным становится проведение хозяйственных мероприятий и в условиях углубляющегося валютно-финансового кризиса. С ростом интернационализации хозяйств западных стран (а она усиливается под влиянием процессов капиталистической интеграции и ростом многонациональных монополий) мероприятия по регулированию правительств одних стран становятся малоэффективными при нескоординированности внутренней хозяйственной политики с экономической политикой других капиталистических государств.

Объективные противоречия в теориях экономического роста переориентировали буржуазных экономистов от поиска путей более эффективного функционирования роста к анализу ограничительных условий, которые

мешают росту. Иными словами, если раньше проблема заключалась преимущественно в выборе комбинаций факторов, обеспечивающих наиболее высокий темп экономического роста, то теперь изучаются условия, при которых они реализуются, и их результаты. Было установлено, что существуют внутренне присущие капиталистическому обществу условия, тормозящие его эффективное развитие.

Тем не менее буржуазные экономисты вообще не отказываются от поиска способа достижения более высоких темпов экономического роста. Наоборот, успехи социалистических стран в экономическом соревновании со странами капиталистического мира продолжают беспокоить западных идеологов и стратегов, которые в достижении высоких темпов экономического роста видят средство для противодействия так называемому советскому экономическому вызову. Но уже большинство буржуазных теоретиков признают, что высокий экономический рост не достигается любой ценой. Нужен не только экономический, но и более широкий — социально-экономический оптимум, причем важно, чтобы достижение высоких темпов роста на данный период не вызывало социального напряжения. (А последнее неминуемо возрастает в условиях усиленной инфляции, безработицы, загрязнения окружающей среды.)

Учет социальных факторов и их оценочных критериев экономического роста является непосредственной реакцией буржуазной идеологии на растущие успехи социалистических стран в социальной области. Социальная политика в этих странах ведется неотрывно от политики роста, как органически спаянная часть общей экономической политики. Не случайно планы стран социалистического содружества представляют собой планы социально-экономического развития на всех уровнях. Успехи социализма в социальной сфере и влияние, которое оказывает этот пример на антимонополистическую борьбу пролетариата в развитых капиталистических странах, вынуждают буржуазию создавать хотя бы внешнюю видимость решения социальных проблем.

Внутренними ограничительными условиями политики экономического роста, которые вынуждают буржуазных экономистов создавать новый, более расширенный социально-экономический оптимум при определении ее целей, являются:

— во-первых, социальные факторы. Имеется в виду такой темп экономического роста, который осуществлялся бы на «приемлемом» для участников экономической системы уровне безработицы в хозяйстве (в духе «оптимума Парето»), «приемлемом» темпе роста цен на товары и не вызывал социального напряжения;

— во-вторых, факторы, связанные с расширением потребления. В моделях роста уже не исходят из возможностей антициклического регулирования доходов населения, а отыскивается способ включить в них потребности (личные и государственные), которые действительно повысили бы реальный потребительский спрос. Так, например, в США в ряде публикаций (начало положило левое кейнсианство в Англии) указывается, что реальным фактором стимулирования роста явилось бы повышение уровня личного потребления значительной части населения. По официальным данным, в настоящее время около 35 млн. человек в Соединенных Штатах Америки имеют доходы, которые не достигают стандартного жизненного минимума, определенного правительственными органами. Указывается на необходимость расширения потребностей социального характера: школы, дороги, градостроительство, здравоохранение, развитие водных ресурсов и т. д. Согласно подсчетам американских экономистов, только в США на это требуется около 4,5 трлн. долл.¹;

— в третьих, экологические факторы. Буржуазные теоретики призывают к такому экономическому развитию, которое не ухудшало бы качества окружающей среды (загрязнение воздуха, вод, земли и т. д.) и, таким образом, не ущемляло бы достоинства и здоровья человека.

Необходимо отметить, что экономические теории, уделяющие внимание естественным ограничителям роста, стали особенно модными за последние десять лет. И это вполне объяснимо. Нарушение равновесия «человек — производство — природа» именно в конце 60-х годов начало переходить критический «порог». Природа в некоторых развитых в индустриальном отношении западных странах не могла в ряде сфер абсорбировать загрязнение, причиненное нерациональным использованием некоторых технологий и форм потребления. Здесь

¹ Business Week, 1975, N 2399, p. 48.

необходимо подчеркнуть еще один аспект постепенного внесения экологических моментов в критерии роста в буржуазных экономических исследованиях. Акцентируя внимание на природных факторах как на помехе росту или гипертрофировании его результатов, буржуазные авторы пытаются в конечном счете именно с ними увязать длительный спад темпов экономического роста в капиталистических странах за последнее десятилетие.

Тенденция к усилившейся социологизации буржуазных теорий «благосостояния» нашла свое воплощение в концепции «качества жизни». Следует сразу отметить, что проблемы «качества жизни» сами по себе не новы. Еще в первой половине 60-х годов западногерманские социал-демократы, борясь за популярность и власть, пустили в оборот термин «качество жизни» (*Lebensqualität*). Но в отличие от того времени, когда концепция «качества жизни» была частью реформистской платформы, в настоящее время она превратилась в теоретико-идеологическое понятие и заняла свое место в словаре большинства политических деятелей на Западе. В частности, западногерманские социал-демократы ведут свою политическую борьбу под лозунгом «качественного роста без разрушения рыночного характера экономики». В. Брандт в своем выступлении в феврале 1981 г. в Бад-Годсберге подчеркивал, что социал-демократы включают в свою платформу понимание того, что необходим переход к более качественному развитию, а не преследование количественных показателей.

Само понятие «качество жизни» начинает приобретать все более комплексное экономическое и социально-политическое содержание. Более того, категория «качество жизни» тесно увязывается с теорией экономического роста, интегрируется в систему идей и критериев оптимального развития. Этот процесс является одним из проявлений перехода от фетишизации экономического роста к поиску условий (социальных, политических и экономических) его действительного достижения. Все более осознается положение, что количественные критерии социально-экономического развития систем могут вступить в конфликт с качественными. По этому поводу американские экономисты Г. и Дж. Пикрджил пишут: «Может быть, невозможно измерить качество жизни, но для многих становится все более понятным, что количество и качество могут находиться в конфликте...

Мы должны заниматься не только факторами роста, но и действительной полезностью продуктов, чье нарастание показывает статистика роста»².

Поиск нового, более широкого критерия оптимального экономического роста в буржуазной экономической науке находится в определенном противоречии с позициями, характерными для 50-х и 60-х годов, когда фетишизировались высокие темпы роста, которые объявлялись лекарством против всех зол. Теперь уже рядом буржуазных авторов³ подчеркивается, что сам экономический рост имеет две стороны: положительную (возможность повышения материального благосостояния) и отрицательную (главным образом загрязнение окружающей среды, возникновение диспропорций и социального напряжения при форсировании роста, нарушение стабильности цен и др.). При существующем положении, по мнению последних, цель экономической и социальной политики должна заключаться в том, чтобы найти «приемлемое» соотношение между этими двумя сторонами экономического роста. Английский экономист Х. Ходсэн, например, считает, что особенно важно найти оптимальное соотношение между «необходимостью экономического роста для бедных, высокой ценой нарастания потребления богатых, так как оно построено на более высокой стандартной базе... и проблемой народонаселения, которая, очевидно, связана с проблемой экономического роста»⁴. В процессе социологизации критериев роста экономики все более высказывается мнение о том, что понятие чистых экономических решений так же абстрактно, как и понятие чистой экономики (на котором, между прочим, в прошлом неоклассики построили свой концептуальный аппарат для оценки экономических систем).

Осознание того факта, что в современном западном обществе необходима политика, направленная на достижение «приемлемого» одновременно в экономическом, социальном, политическом и экологическом отношениях темпа роста, в условиях капиталистического способа

² *Pickersgill G. and J. Contemporary Economic Systems...*, p. 32.

³ В начале 70-х годов вышли в свет книги Е. Шумахера «Маленькое — это прекрасно», Х. Ходсэна «Антиэкономика роста» и многие другие.

⁴ *Hodson H. V. The Diseconomics of Growth*, Pan Balantine. London, 1972, p. 12.

производства расходится в огромной степени с хозяйственной практикой. Монополии сопротивляются всякому расширению социальных расходов капиталистического государства. Увеличение социальных расходов в развитых капиталистических странах значительно отстает от темпов экономического роста независимо от значительного спада последних в 70-х годах. В бюджетах этих стран наиболее быстро растущая статья государственных расходов не связана с развитием человеческой личности и с улучшением условий жизни человека. Так, в Соединенных Штатах Америки большие ассигнования предусмотрены на военные цели, на оказание помощи реакционным режимам и на выплату процентов по государственному долгу. За тот же период расходы правительства на социальные нужды остались приблизительно на том же самом уровне и даже снизились. Социализация экономической теории роста вступила в резкое противоречие с непосредственной экономической практикой монополистической буржуазии.

Если неокейнсианские и неоклассические теории экономического роста 50-х и 60-х годов не были лишены оптимизма и веры в возможности капиталистической экономической системы, то в 70-х годах их настроение изменилось. Начали выражаться сомнения относительно перспектив развития капитализма с точки зрения его роста. Появились иные оценки в исходе экономического соревнования в пользу капитализма. Так, например, в первом издании книги «Экономическая проблема» американских авторов Р. Хейлбронера и Л. Туроу подвергался критике ряд социальных и экономических противоречий капитализма. Однако авторы выражали уверенность, что они будут преодолены и будет выдержано экономическое соперничество с социализмом. В следующем издании той же книги (1975 г.) они констатируют: «Если советское производство будет продолжать догонять американское темпами последних лет, то уже раньше, а не к следующему поколению советское промышленное производство превзойдет наше собственное»⁵. Появился и другой новый аргумент. В сравнительных динамических рядах роста наряду с количественными критериями появился и ряд социальных пока-

⁵ *Heilbroner R., Thurow L. The Economic Problem, Englewood Cliffs, 1975, p. 640.*

зателей, так называемых социальных индикаторов при оценке «результативности» систем. «Социальные индикаторы» из буржуазной социологии перешли и прочно «разместились» в буржуазной политической экономии и в теориях экономического роста.

С начала 80-х годов в капиталистических странах в силу объективных факторов темпы экономического роста продолжают оставаться крайне низкими. В странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) за 1980—1982 гг. общие среднегодовые темпы роста составили около 1%. Рост «совокупного внутреннего продукта» (по рыночным ценам) за 1980 г. составил: для США — (—) 0,2%, для Японии — 4,2, для ФРГ — 1,8, для Франции — 1,3, для Италии — 4,0, для Канады — 0,1, для Англии — (—) 1,8%⁶.

Учитывая стабильность такого положения, основным лейтмотивом в буржуазной экономической теории становится тезис о том, что современная экономическая политика должна базироваться на значительно более низких темпах экономического роста по сравнению с прежними десятилетиями, без надежды на быстрое преодоление инфляции и безработицы.

Объективные тенденции в капиталистическом воспроизводстве, связанные с научно-технической революцией и углублением противоречий в мировом капиталистическом хозяйстве, привели к необходимости перехода к новой «парадигме роста» — низким темпам.

В глобальном масштабе изменилось представление о реальных ресурсах планеты, которые необходимо учитывать при достижении экономических темпов роста, сохраняя не только экологическое, но и ресурсное (геофизическое) равновесие. Наряду с усиливающейся взаимозависимостью капиталистических хозяйств в мировом капиталистическом воспроизводственном процессе становится все труднее в каждой стране поддерживать значительно более высокие темпы роста по сравнению с другими странами, что способствует формированию новой «парадигмы роста» в буржуазной политической экономии.

Сама социально-экономическая действительность вынуждает буржуазных экономистов включать социальные критерии в экономическую динамику. Так, в последнее

⁶ Comptes nationaux des pays de L'OECD, 1981, N 2, Rew. 3.

десятилетие эти проблемы в буржуазных концепциях роста вышли за рамки традиционных взглядов на так называемую политику доходов. В неоклассических теориях «политика доходов» определяется так называемой предельной производительностью факторов производства, т. е. возникает стихийно, что не соответствует хозяйственно-политическим требованиям монополистической буржуазии. В новых условиях монополии требуют от государства внести «порядок» в «политику доходов» в соответствии с их интересами. По мнению французского экономиста Л. Столерю, эта политика стала основным связующим звеном между экономическим и социальным прогрессом при «свободной рыночной системе». «Политика доходов, — пишет он, — которая привела бы к уравниванию роста заработной платы вразрез с экономикой в целом, была бы связана с большим риском затормозить экономическое развитие»⁷. По существу эта политика предусматривала перераспределение доходов не в пользу малоимущих, а как часть инструментария государственно-монополистического регулирования денежного обращения. Стремление использовать ее как антиинфляционное средство не реализовалось. Как оказалось, посредством этой политики достигнуть «справедливости» в распределении было невозможно. Конечно, причины ее провала более глубокие. Они коренятся в неспособности буржуазного способа мышления признать тот факт, что несправедливость в распределении доходов является порождением способа производства, основанного на частной собственности на средства производства. Вот почему «политика доходов», от которой западные правительства постепенно отказались как от декларируемой цели, в конечном счете свелась к «замораживанию» роста заработной платы в периоды увеличивающейся инфляции и к обеспечению дополнительных условий для роста прибылей монополий.

Левые кейнсианцы пытались исправить этот порок. Они сделали попытку увязать процессы распределения доходов со сферой потребления. Но перераспределение «индивидуально получаемого дохода» посредством системы налогов было неэффективно для развития личности человека, хотя резко увеличивало социальные рас-

⁷ Столерю Л. Равновесие и экономический рост. Пер. с франц. М., 1974, с. 443.

ходы буржуазного государства. Неокейнсианское направление, со своей стороны использующее категорию «переменное распределение доходов» в качестве инструмента регулирования, вплотную приблизилось к объективным требованиям государственно-монополистического капитализма. Таким образом, в «неоклассическом синтезе» участвует в большей степени неокейнсианство, чем левое кейнсианство, особенно это касается теории роста. Переменчивость в «политике доходов», осуществляемой буржуазным государством, все более рассматривается как важный фактор стабилизации хозяйственного роста. Но для того чтобы установить контроль за изменениями в распределении дохода, который заметно содействовал бы росту, половинчатые меры (которые единственно допускает буржуазия) не являются достаточными.

Современные буржуазные экономисты стремятся представить в своих концепциях «более справедливое», с их точки зрения, распределение национального дохода в капиталистическом обществе. Они утверждают, что буржуазное государство должно вмешиваться в распределительный процесс, не только исходя из практических соображений, но и с учетом преодоления «недостатков» капиталистического способа распределения, характерного для «чисто рыночной системы». Таким образом, буржуазное общество изображается как новый тип «смешанной экономики», который, с точки зрения теоретиков «сравнительного анализа», представляет собой идеальный тип экономической системы.

Подобный подход, однако, недостаточен для переоценки критериев экономического роста в условиях углубляющихся экономических и социальных противоречий 70-х годов. Потребность в разработке социологических критериев нельзя компенсировать путем механического включения проблем распределения доходов (в их буржуазном понимании) в концепции роста. В буржуазной экономической литературе сохраняется точка зрения о том, что уровень общественного благосостояния зависит и от других важных компонентов: равномерного распределения богатства и доходов, структуры рабочего и свободного времени и соотношения между ними, надежности в получении дохода, соотношения между размерами индивидуального потребления и величиной долга по потребительскому кредиту, «стиля жизни» и типа потребления (условия для жизни в

семье, распределение между «престижным» и необходимым потреблением и т. д.), исторически обусловленных границами среднего стандарта жизни, и т. д. Все больше видных буржуазных экономистов отказываются от старой, традиционной динамической оценки экономических систем и предлагают более широкий набор критериев и показателей.

Углубляющиеся противоречия буржуазного общества невозможно объяснить прежними аналитическими методами или традиционными способами. Усиление инфляции параллельно со спадом темпов экономического роста (соответственно с увеличением безработицы) способствовало этой переоценке. Характерна эволюция известного американского экономиста австрийского происхождения Готфрида Хаберлера. В книге «Процветание и депрессия» (1958 г.) автор, определенно стоящий на монетаристских, неоклассических позициях, признает необходимость в государственном вмешательстве в экономику и анализирует его механизмы (механизм мультипликатора). В своей последней книге «Экономический рост и стабильность» (1974 г.) он, после достижения определенной ступени в «синтезе» между двумя концепциями, признал низкую эффективность государственно-монополистического регулирования в США, особенно в области политики экономического роста. «Нужно ли государству заниматься политикой роста, если она ведет к повышенной инфляции и другим отрицательным последствиям?» — ставит риторический вопрос Хаберлер. Приводя данные за 1973 г., когда рост розничных цен в США достиг 11,4%, в Англии — 12, в Италии — 8,5%, он не мог предполагать, что в последующие годы эти цифры удвоятся. Хаберлер признает, что западные экономисты с огорчением должны были «открыть», что «цикл еще жив», что «высокие темпы роста не означают благосостояния» и т. д. В конечном счете он не отрицает необходимости вмешательства государства в капиталистический воспроизводственный процесс. Но, по его мнению, это вмешательство должно выполнять подчиненную роль. Оно должно обеспечивать беспрепятственное развитие рыночных сил для достижения динамического равновесия, поддерживать определенный климат, который «оздоровил бы конкуренцию как в макро-, так и в микромасштабе». И здесь уже в полном согласии с неоклассической доктриной Хаберлер утверждает,

что «оживленная конкуренция» приведет к повышению всех показателей «благосостояния».

Характерно то, что необходимость введения социологических критериев в динамику роста и развития признается как неокейнсианцами и неoinституционалистами, так и противостоящими им в теоретическом отношении неоклассиками и неолибералами (монетаристами). Но пути, которые они предлагают для расширения показателей «благосостояния», различны. Что касается первых, то они считают, что этого можно достигнуть путем регулирующих мер государства, включая активную социальную политику за счет перераспределения национального дохода. По мнению вторых, вышеуказанный подход «противопоказан». «Благосостояние» как проявление эффективности системы можно повысить только путем повышения эффективности «факторов производства» посредством «оздоровительной конкуренции» (т. е. монополистической конкуренции). На первом плане и здесь максимизация капиталистических прибылей.

В последние годы в буржуазном обществоведении появились некоторые новые признания в том, что экономическая теория в общих формах и в своем применении на практике не приблизилась к реальным нуждам человеческого развития, не гуманизирована. Такой лейтмотив носила, в частности, статья американского ученого Д. Белла «Модели и реальность в экономическом рассуждении», опубликованная в специальном издании журнала «Паблик интерес» в 1980 г. (весь журнал имеет тематический заголовок «Кризис в экономической теории»). Другой видный представитель буржуазного обществоведения, А. Печчеи, один из основателей известного Римского клуба, в своей книге «Сто страниц о будущем» (1981 г.) писал: «В своих конкретных применениях экономика (имеется в виду как экономическая теория, так и хозяйственная практика. — Н. Б.) вступила в диссонанс с фундаментальными интересами человечества»⁸. Особенно сильна критика в адрес буржуазных экономических теорий за их неспособность выделить проблему человека в качестве критерия прогресса в глобальном масштабе, при построении моделей для преодоления социальных и экономических противоречий в мире будущего.

⁸ *Peccei A. Cento pagine per l'avvenire, 1981, p. 95.*

Начало развития моделирования было положено Дж. Форестером в его книге «Мировая динамика» (1971 г.) и дополнено позднее разработками Римского клуба. В первом докладе этой неправительственной организации, проводившей исследования в области глобальных проблем настоящего и будущего с участием крупных ученых, аспект оптимального роста решался с помощью количественных параметров. Доклад был подготовлен главным образом супругами Донелой и Денизом Мидоуз, американскими футурологами-статистиками, и имел претенциозное заглавие «Границы роста»⁹. В нем анализировались способы мирового «управления кризисами» с точки зрения физиологических и социальных потребностей человечества. Авторы утверждали, что основным способом этого «управления» является сознательное сдерживание темпов производства и контроль над ростом народонаселения. Расчеты показали, что независимо от технического прогресса в следующих десятилетиях «качество жизни» в мировом масштабе ухудшится, несмотря на то, что в некоторых странах уровень потребляемых предметов на душу населения увеличится.

Авторы пытались дать целостную количественную характеристику будущего мира сквозь призму экономического роста, исходя из экспоненциального роста населения. Они подсчитали, что при ныне существующей скорости расходования сырья и запланированном ее увеличении использование большинства важных невозобновимых ресурсов спустя сто лет будет исключительно дорогим. Технический прогресс только отсрочит катастрофу, но не отменит ее. Открытие новых источников энергии и новых видов сырья вызовет лишь дополнительное загрязнение окружающей среды. Даже если будет установлен контроль над рождаемостью, ослабление демографического потенциала скажется отрицательно на экономическом развитии. Авторы определили выход из создавшейся ситуации в пресловутом «нулевом росте». Для марксистской политической экономии это означает реализацию условий простого воспроизводства.

За прошедшие десять лет со дня появления этой концепции произошла переоценка критериев оптимального

⁹ Meadows D. et al. The Limits to Growth. A Report to the Club of Rome. New York, 1972.

экономического роста в буржуазной экономической мысли. Она стала интегральной частью значительного числа «стагнационалистских» теорий того времени, которые отрицали необходимость в экономическом росте для сохранения «благополучия» в будущем. Американский ученый Г. Кан назвал эту волну взглядов «истерией нулевого роста». А. Печчеи, однако, в своей книге «Человеческие качества» пытается оправдать возникновение подобных теорий, ссылаясь на их тревожащий эффект¹⁰. Он считает, что рациональный момент теории «нулевого роста» приводит к опасности неконтролируемого количественного нарастания потребления. Можно согласиться в какой-то степени с концепцией «нулевого роста» как тревожащей. Но это не все. Авторы ее стремились дать практические рекомендации конкретной экономической политике противоположных экономических систем, сложившихся в мире. Именно это и вызвало ее полный провал.

Для монополистического капитала эта теория по существу означала застой в росте их прибылей. Левые кейнсианцы и более либерально настроенные экономисты и политики на Западе видели в ней опасность в неудовлетворении всевозрастающего потребления, необходимого для функционирования «рыночной системы». Не случайно экономисты в Великобритании назвали авторов первого доклада «Мальтус с компьютером». Особенно остро реагировали на «нулевой рост» представители развивающихся стран, которых подобная теория обрекала на вечное отставание от развитых в индустриальном отношении государств. В социалистических странах критика велась с принципиальных позиций марксистско-ленинской политической экономии. Согласно ей, темпы экономического роста есть производный продукт воспроизводственной экономической системы, чьи масштабы определяются рядом конкретных экономических, социальных и политических целей общества. Эти темпы сами по себе не могут быть причиной углубления противоречий, если они не заложены в ее основе.

Авторы второго доклада Римского клуба «Человечество на перекрестке» (1974 г.) М. Месарович и Е. Пестель пытались уйти от количественных экстра-

¹⁰ Печчеи А. Человеческие качества. Изд. 2-е. Пер. с англ. М., 1985, с. 149.

поляций экономического роста. Они сделали попытку связать свою концепцию будущего с качественными показателями экономического роста. По их мнению, для решения «мировых кризисов» (энергетического, сырьевого, продовольственного и т. д.) человечество нуждается не в «нулевом», а в так называемом «органическом росте». Под «органическим ростом» авторы понимают «сбалансированное равновесие» между производством, человеком и природой. При «органическом росте» по аналогии с живым организмом необходимо поддерживать функциональное разделение между элементами общества, чтобы достигнуть глобального гармонического развития, а также развития отдельных мировых регионов. Подобного решения можно добиться только путем сбалансированного дифференцированного роста. Недифференцированный рост подобен раковому заболеванию, и его последствия фатальны»¹¹.

Фактически между первой и второй разработками Римского клуба разница состоит в том, что в первом случае авторы пытаются манипулировать количественными аспектами роста, а во втором — его качественными параметрами.

Поиски новой формы качественной оценки экономического роста стали по существу признанием неспособности стихийного регулирования пропорциями капиталистического воспроизводства в национальном и наднациональном масштабах. Подобные идеи высказывали экономисты неокейнсианского направления в буржуазной политической экономии и отчасти, со многими оговорками и недомолвками, неоклассики. Но в данном случае налицо не что-то новое, а признание необходимости в плановом вмешательстве на более высоком, глобальном уровне, и это признание включается в футурологическую концепцию. При этом «органический рост» представляется как необходимое условие для решения противоречий воспроизводства в будущем. Следовательно, будущая новая экономическая система должна стать улучшенным вариантом «смешанной экономики» в качественном отношении.

В действительности необходимость в запланированном «органическом росте», целью которого является

¹¹ *Mesarovic M., Pestel E. Mankind at the Turning Point. The Second Report to the Club of Rome. New York, 1974, p. 55.*

удовлетворение растущих материальных, социальных и культурных потребностей общества, т. е. повышение «качества жизни», не вызывает сомнений. Научно-техническая революция создает проблемы, решение которых возможно только в масштабах общества. Со своей стороны нарастающее обобществление производства и увеличивающаяся интернационализация производительных сил требуют более глобального решения проблем экономического роста. Но решению этих проблем противостоят крупные национальные и многонациональные корпорации, деятельность которых направлена на обеспечение собственных монополистических интересов. Поэтому в условиях когда в мировом капиталистическом хозяйстве господствуют многонациональные корпорации, абсурдно звучит утверждение Пестеля и Месаровича: «Кооперирование, связанное с предусматривающим планированием, является основной предпосылкой здорового, органического роста»¹². Требование координации темпов экономического роста в разных регионах мира в условиях капитализма является утопией, так как они формируются в результате стихийного действия факторов роста и только частично подвергаются ограниченному регулирующим воздействиям буржуазного государства. Экономический кризис 1974—1975 гг. отчетливо это доказал. Экономическая система, основанная на частномонополистическом интересе, в своей стратегии, нацеленной на получение прибылей, ориентируется не на «оптимальные» темпы в глобальном масштабе, а на максимальное использование капитала.

В третьем докладе Римского клуба «РИО: переустройство международного порядка» (1976 г.) вопрос «сбалансированного качественного экономического роста» был поставлен как одно из главных условий для достижения нового международного экономического порядка. По существу это исследование явилось нормативным вариантом концепции «органического роста». Целью его была разработка стратегии развития, темпов экономического роста развивающихся стран, при которых они в последующих десятилетиях смогли бы приблизиться к «богатому Северу» по производству продукта на душу населения при умеренном удовлетворении «основных человеческих потребностей».

¹² Ibid., p. 134.

В последующих докладах Римского клуба («Конец расточительства», «Цели человечества», «Заполнение человеческого резерва», «Третий мир — две трети мира» и т. д.) снова осуществляются конкретные поиски социальных измерителей общественно-экономического прогресса. Попытку отрицания традиционных количественных показателей «благосостояния» и построения принципиально нового набора критериев оценки экономической системы содержит книга, вышедшая из печати под эгидой Римского клуба, — «Диалог о богатстве и благосостоянии» (1981 г.)¹³.

Автор этого доклада, итальянский ученый О. Джарини, пишет, что в нынешней теории и практике категории «добавленная стоимость» и «совокупный национальный продукт» становятся неприемлемыми и вводят в заблуждение, так как они не учитывают монетаристских взглядов на благосостояние и не делают различий между тем, что увеличивает действительное богатство, и тем, что увеличивает бедность. Вместо «добавленной стоимости» он предлагает употреблять понятие «утилизационная стоимость» (*utilisation value*), а вместо «совокупного национального продукта» — понятия «приданое» (*dowry*) и «наследство» (*patrimony*) в качестве меры богатства. Таким образом якобы могли бы быть устранены «парадоксы», при которых увеличение совокупного продукта фактически в некоторых случаях могло бы означать снижение действительного богатства. «Приданое» и «наследство», по мнению Джарини, определяются запасами наличных природных и биологических благ и созданными человеком товарами и услугами, из которых извлекается благосостояние в наиболее широком смысле этого понятия. Капитал, по его утверждению, представляет собой монетаризованные «приданое» и «наследство», причем немонетаризованную часть его составляют все те накопления, которые связаны с национальной историей, местными традициями, развитием культуры и воспроизводством чужих культур.

Стабильное равновесие между немонетаризованным и монетаризованным накоплением, согласно этой концепции, является наиболее важным условием роста. Это, по мнению автора, имеет большое значение для развивающихся стран, где переход к монетаризации,

¹³ Dialogue on Wealth and Welfare. Report to the Club of Rome, 1981.

т. е. включению в систему рыночных отношений некоторых услуг, привел к ухудшению их качества.

Что касается показателей, характеризующих повышение «благосостояния», то Джарини считает, что наиболее синтетическим показателем может быть предложенная им «утилизационная стоимость», под которой понимается степень доступности «приданого» и «наследства» для всего населения страны (в противовес «совокупному национальному продукту», который якобы не отражает этого момента).

Игнорируя попытку ввести «оригинальную» и несколько странную терминологию оценки экономических систем, необходимо подчеркнуть, что концепция, заложенная в этом докладе Римского клуба, является показательной для общего критического настроения в некоторых кругах буржуазного обществоведения по отношению к количественным показателям измерения «благосостояния».

В эклектическом сочетании неинституциональных идей, например по отношению к культуре в качестве «среды экономической системы» и постулатов субъективной школы в буржуазной политической экономии (стоимость как субъективная оценка потребляемых индивидом благ), Джарини видит основу стратегии развития стран «третьего мира», сохранение старых, традиционных форм удовлетворения человеческих потребностей. При этом ввоз необходимой для развития технологии должен быть вопросом «выбора» сообразно с конкретными историческими и культурными условиями, существующими в данной стране, и с возможностями данной экономики «абсорбировать» соответствующую технологию.

Эта формулировка, взятая в чистом виде, содержит опасность сохранить в развивающихся странах отставание от капиталистических стран. Доступ к социальным услугам является классово-детерминированным вопросом, связанным с характером самой экономической системы. Эти «услуги» (образование, квалификация, здравоохранение, наука и т. д.) на современном уровне могут развиваться только тогда, когда общественный интерес к ним будет основан на материальных и субъективных предпосылках для их осуществления. Историческое развитие показывает, что частный капитал развивает эти «услуги» только тогда, когда это соответ-

ствуется его интересу, а в условиях углубляющихся трудностей в экономической капиталистической системе фонды социальной сферы (государственные и частные) сокращаются в первую очередь. И Джарини был бы прав только в том случае, если бы, отмечая негативную сторону монетаризации социальной сферы, он имел в виду только современную капиталистическую хозяйственную систему. В социалистическом обществе экономические и социальные требования развития превращаются в органически спаянные компоненты, которые связаны планом с необходимыми ресурсами в интересах всех членов общества.

Итак, в буржуазной экономической мысли произошла показательная эволюция в отношении теорий экономического роста и его оптимума. Эта эволюция отражает как углубляющиеся социально-экономические противоречия капиталистического воспроизводственного процесса, так и некоторые новые явления в основных школах буржуазной политической экономии.

Глава 10

Критика радикальной политэкономии

Радикальная политэкономия является одним из своеобразных проявлений кризиса современной буржуазной политической экономии, отражающих углубление общего кризиса капитализма на современном этапе его развития. Радикальная политэкономия возникла в конце 60-х годов прежде всего в университетах США среди молодых экономистов¹. Она развивалась как составная часть более широкого радикального политического движения в американском обществе против расизма и нарушения гражданских прав, за улучшение условий жизни беднейших слоев населения, против агрессивной политики американского империализма во Вьетнаме. Представители радикальной политэкономии выражали недовольство определенной части молодой американской интеллигенции, ее усиливающееся убеждение в не-

¹ Особенно активную деятельность развили радикальные экономисты в Гарвардском университете (S. Bowles, D. K. Cohen, R. C. Edwards, H. Gintis, A. MacEwan, R. M. Unger, T. E. Weisskopf и др.), затем в университетах в Беркли (Калифорния), в Принстоне, в Стэнфорде и т. д. Экономисты аналогичного радикального направления выступали и в других развитых капиталистических странах, например в Англии.

обходимости радикальных изменений современной американской социально-экономической системы.

Обострение противоречий общего кризиса капитализма подтвердило обоснованность критики капитализма. Представители радикальной политэкономии предприняли поиски решения настоятельных социально-экономических и политических проблем не только путем экономического анализа действительности, но также в области философии, социологии, психологии и других общественных наук. Для них является характерным стремление к комплексному «междисциплинарному» подходу к проблемам капиталистического общества.

Общая оценка радикальной политэкономии, ее теоретических концепций, идеологических и политических итогов затрудняется из-за ее неоднородности, внутренней дифференцированности во взглядах, обусловленных разнотипностью социально-экономической базы, теоретических и идеологических источников. Теоретики радикальной политэкономии осуждают капитализм вообще. В ее теориях выражены взгляды, близкие буржуазному и мелкобуржуазному реформизму. Они разделяют, с одной стороны, взгляды, близкие марксизму-ленинизму, а с другой стороны, представления, свойственные анархизму. Много общего имеет радикальная политэкономия с движением «новых левых». Однако как особое направление современного общественного мышления буржуазного общества она отличается условиями возникновения и тенденцией развития. Поэтому не следует ее сводить лишь к части «новых левых» или отождествлять оба этих явления.

Радикальные экономисты часто демонстративно объявляют себя сторонниками марксизма. Но это ни в коем случае не означает, что они с марксистской точки зрения понимают процессы развития в обществе и рассматривают основные общественные проблемы, возможности их решения. Они признают коренное, качественное изменение, какое внес К. Маркс в историю общественного развития, критичность К. Маркса и его междисциплинарный подход, выделяют марксистское положение о том, что мир недостаточно только объяснять, задача состоит в том, чтобы изменить его. Однако к пониманию и применению этого утверждения они подходят очень упрощенно, не затрудняя себя глубоким изучением теории К. Маркса.

Методом марксистской политической экономии явилась материалистическая диалектика, примененная к изучению развития общества. Представители радикальной политэкономии характерной чертой диалектики считают взаимосвязь всех явлений и институций. Поэтому способ применения диалектики при анализе общественного развития сближает их скорее с институционалистами, чем с марксистами.

К. Маркс и Ф. Энгельс открыли законы социально-экономического развития общества, обусловленного диалектикой взаимодействия производительных сил и производственных отношений. Представители радикальной политэкономии признают (правда, не всегда последовательно и у различных авторов по-разному) основное значение экономического фактора в общественном развитии, но само определение общественных производственных отношений и экономической базы общества остается в их трактовке слишком общим и неопределенным. Очень упрощенно и искаженно понимают они роль классов и классовой борьбы. Классовая структура капиталистического общества объясняется ими скорее с точки зрения буржуазных социологических стратификационных концепций, чем с точки зрения теории классов и классовой борьбы К. Маркса. В произведениях радикальной политэкономии, таким образом, не раскрывается историческая миссия рабочего класса.

В особенностях классового подхода радикальной политэкономии проявляется стремление эклектически соединить марксистскую и буржуазную экономические теории. В результате представителями «современного марксизма» объявляются ревизионистские толкователи различных идейных направлений. Между тем опыт развития марксистско-ленинской теории в СССР и других социалистических странах в трудах представителей радикальной политэкономии, как правило, игнорируется. Тезис К. Маркса о том, что следует не только объяснять мир, но и изменить его, становится для радикальных экономистов основой их оппозиции по отношению ко всем существующим общественным системам — как к капиталистической, так и к социалистической. Представители радикальной политэкономии не понимают разработанного К. Марксом экономического детерминизма, преувеличивают роль субъективного фактора в общественном развитии.

Для радикальных экономистов чуждым остается понимание историко-логического подхода К. Маркса к исследованию экономических и общественных явлений и процессов. Без Марксова метода абстракций нельзя понять революционное значение его теории стоимости. Он решил проблему, почему и при каких особых исторических условиях продукты труда становятся товаром, что является источником стоимости товара, в чем заключаются его внутренние противоречия и какие внешние формы в развитии товарного производства он приобретает. Основополагающим в учении К. Маркса стало открытие двойственного характера труда, воплощенного в товаре. Это открытие позволило объяснить двойственную природу товара как единства потребительной стоимости и стоимости, объяснить соотношение между стоимостью и меновой стоимостью, природу и формы товарного фетишизма.

В радикальной политэкономии этим вопросам и внутреннему логическому построению «Капитала» вообще уделяется недостаточное внимание. Отдельные категории и положения К. Маркса как бы выхвачены из единой экономической теории, и поэтому они теряют свое социально-экономическое содержание и подлинно познавательное значение. Товарно-денежные отношения рассматриваются во внешних рыночных формах, при объяснении которых некоторые представители радикальной политэкономии соединяют теорию стоимости К. Маркса с неоклассической теорией стоимости и цены с целью якобы преодолеть ограниченность неоклассического анализа и одновременно «конкретизировать» теорию стоимости К. Маркса. В других случаях Марксова теория стоимости соединяется с вульгарной теорией факторов производства.

Такой подход приводит к тому, что в работах радикальных экономистов содержание, функция и центральное место закона прибавочной стоимости в капиталистической экономике подменяются упрощенной «теорией экономического излишка».

В радикальной политэкономии наиболее интересна и содержательна критика отрицательных сторон современного капитализма. Эта критика направлена прежде всего на неравенство в доходах, концентрацию богатства и власти, отчуждение, расизм, неравноправие женщин и иррациональность капиталистической системы.

Причины всех форм капиталистического гнета усматриваются в самой сущности капиталистической системы. Капитализм осуждается и отвергается в целом, и делается вывод о необходимости преобразования всей экономической и политической его системы.

Анализируя капиталистический способ производства, радикальные экономисты используют основные идеи исторического материализма, однако понимают их поверхностно и непоследовательно². Согласно их концепциям, производительные силы и производственные отношения в каждой системе воплощаются в экономических институтах, осуществляющих руководство производством, распределением и потреблением, т. е. эти институты представляют собой историческую форму общественных отношений.

Несмотря на известные различия, категория «институты» определяется в основном в духе американского институционализма как социальный процесс, в котором взаимодействие отдельных лиц и групп людей осуществляется согласно привычному способу их поведения. Институтция включает в себя критерии подходящего, приемлемого, поведения («правила игры»), т. е. соответствующего данным установкам, по которым люди фактически действуют.

Выделяются следующие основные экономические институты: 1) рынок труда; 2) частное имущество и правовые отношения собственности; 3) частная собственность и контроль за средствами производства; 4) «homo economicus». Эклектическое сочетание марксистского и институционалистского подхода не способствует научному объяснению сущности капитализма. В содержании институций смешиваются различные элементы экономического базиса и надстройки, искажаются действительные диалектические связи, а капиталистические производственные отношения и их взаимосвязи воспринимаются поверхностно.

² *Edwards R., Reich M., Weisskopf T. The Capitalist System. A Radical Analysis of American Society. Englewood Cliffs. New Jersey, 1972, p. 88—92.* Эта книга относится к числу наиболее известных и значительных работ, содержащих более широкий, обобщающий обзор взглядов представителей радикальной политэкономии. Она включает в себя около 70 статей радикальных экономистов Гарвардского университета, а также авторов, которые теоретически питают радикальную политэкономия (П. Баран, П. Суизи, Е. Фромм).

В частности, заработная плата и прибыль трактуются с точки зрения соотношения спроса и предложения на рынках. Не объясняются сущность основного капиталистического производственного отношения, особая историческая природа буржуазной собственности на средства производства, свойства такого специфического товара, как рабочая сила, ее потребительная стоимость и стоимость. Капиталистическое производство представляется односторонне: лишь как трудовой процесс, а не как процесс производства и присвоения прибавочной стоимости.

Ограниченность, поверхностность и непоследовательность при объяснении сущности капиталистического способа производства в радикальной политэкономии закономерно проявляются также в критике противоречий современного капитализма и их последствий. Не вскрывается сущностная причина этих противоречий, что исключает радикальность в глубоком смысле слова.

В трактовке радикальной политэкономии величайшее зло капитализма — неравенство в доходах и богатстве, обуславливающее политическое и экономическое неравенство людей. Доходы при капитализме, объясняют радикальные экономисты, выступают в форме награды за использование как рабочей силы, так и средств производства. Рабочую силу радикальные экономисты не всегда четко отличают от труда, а капитал часто понимают как собственность на средства производства. В духе вульгарной буржуазной политической экономии они характеризуют рабочую силу и капитал как факторы производства, собственность на которые якобы и приносит доходы. Размеры доходов определяются способностью факторов производства «создавать» стоимость, т. е. из того, как они влияют на рыночную стоимость продукции. В качестве решающего фактора в этом процессе представлен рынок, который определяет размеры доходов разных конкретных видов собственности на рабочую силу и капитал. Неравенство в доходах, следовательно, есть результат различных видов собственности на факторы производства или неравенства цен на них.

Ссылаясь на К. Маркса, представители радикальной политэкономии утверждают, что у рабочих в сущности не может быть доходов от капитала, ибо для эффективного функционирования капиталистического рынка тре-

буется, чтобы собственность на средства производства была сосредоточена в руках сравнительно небольшой части «нерабочих». Следовательно, рабочие не должны владеть другими факторами производства, кроме своей рабочей силы, а неравенство в трудовых доходах возникает в зависимости от различного характера конкретного труда и от материальных стимулов (с учетом ее отчужденного характера). Неравенство в доходах среди владельцев капитала радикальные экономисты связывают прежде всего с размерами капитала, которые увеличиваются под влиянием технических и рыночных условий производства, а также зависят от общественной функции предпринимателей в качестве организаторов и новаторов производства. Значительное внимание уделяется также «неподвижности доходов», т. е. институту наследства, сохраняющим неравенство в доходах из поколения в поколение. По мнению представителей радикальной политэкономии, вмешательство государства в процессы распределения национального дохода при капитализме при определенных обстоятельствах может сократить неравенство в доходах, однако не устранил его полностью.

Пытаясь объяснить неравенство при капитализме, радикальные экономисты используют методологический подход вульгарной буржуазной теории «факторов производства», которая смешивает потребительную стоимость со стоимостью, стоимость — с ценой и создает представление, будто труд и капитал являются равноценными источниками стоимости, затушевывает подлинный источник стоимости и прибавочной стоимости — труд наемных рабочих.

В работах представителей радикальной политэкономии содержится много интересных и полезных исследований о масштабах неравенства в капиталистических странах (особенно в США) — в школах и воспитании, в налоговой системе и в государственных расходах и т. д. Однако подлинные масштабы и динамику развития неравенства при капитализме нельзя выявить на основе вульгарной апологетической буржуазной теории, формально сочетаемой с элементами марксистского анализа. Научный анализ должен быть построен не на количественных различиях в доходах социальных групп и отдельных лиц, а на отражении классово антагонистического характера капиталистического общества.

Значительное место в радикальной политэкономии занимает проблема отчуждения, связанная с основными капиталистическими институтами и рыночной формой экономических отношений. Однако, используя раннюю работу К. Маркса «Экономико-философские рукописи», радикальные экономисты пытаются сочетать его положение с социально-антропологическими и экзистенциалистскими концепциями отчуждения.

Представители радикальной политэкономии выводят основные черты отчуждения из особенностей трудового процесса при капитализме. Рабочий, находящийся под контролем менеджера в производственном процессе, отчужден от продукта своего труда. Заработная плата становится стимулом отчужденного труда, хотя ее размеры не возмещают потерь от отчуждения и его последствий. Для рабочего это означает сведение его труда лишь к средству приобретения заработной платы. Отчуждение включает в себя и сферу потребления, которая формируется институтами капиталистического общества и не приводит к удовлетворению подлинных потребностей. Капиталистические институты обуславливают отчуждение на всех уровнях социальных отношений индивидов (семья, поселок, система школ и воспитания), включая и личностные (психологические).

Размышления радикальных экономистов об отчуждении отличаются определенным надклассовым, антиисторическим подходом, вытекающим из характеристики основных капиталистических экономических институций, т. е. из их определения сущности капиталистического способа производства. Вместо разоблачения его эксплуататорской сущности на передний план выдвигаются сложные структуры управления и контроля над процессами производства, авторитарные формы решения и бюрократическая система власти. Теоретики радикальной политэкономии призывают устранить эти формы отчуждения, которые присущи якобы всем развитым индустриальным обществам. Попытки выявить «сходство» в технических или технико-экономических характеристиках развитых капиталистических и социалистических стран, игнорирование основного антагонистического противоречия капитализма мешают им признать успехи реального социализма.

В работах теоретиков радикальной политэкономии капитализм оценивается как иррациональная система,

которая не может использовать свои возможности на пользу человека. Выражением иррациональности являются, например, «потребительское общество», пренебрежение расширением сферы общественных услуг, ухудшение окружающей среды и особенно усиливающийся милитаризм. Иррациональность капиталистической системы радикальные экономисты выводят из характера принятия решения в капиталистическом производстве и существования приоритетов, не способных учитывать подлинные потребности широких трудящихся масс. Иррациональность системы усиливается тенденциями к расширению господства монополистического капитала, увеличению частных прибылей и неравномерным распределением доходов и власти. Постоянная погоня за прибылью и необходимость накопления приводят капиталистов к экспансии и экономическому росту, который радикальные экономисты считают нежелательным прежде всего потому, что ухудшается экологическое равновесие. Более того, экономический рост при капитализме вызывает и обостряет проблему поглощения «излишка» (surplus absorption). В основу подобных утверждений положена теория «экономического излишка» (economic surplus)³, которая выдвигается в качестве современной теории прибавочной стоимости, причем ее определения соединяют с кейнсианской макроэкономической теорией совокупного спроса⁴.

Американский экономист Т. Е. Вайскопф «экономический излишек» определяет как разницу между стоимостью общей «потенциальной продукции» (potential output), характеризуемой техническими и природными возможностями, и стоимостью продукции, «общественно необходимой» для сохранения жизненного уровня населения (socially essential production). «Общественно необходимый продукт» включает в себя товары широкого потребления и услуги, удовлетворяющие потребности населения, и возмещение выбывших средств труда. Определяемый «экономический излишек» становится «потенциальным излишком», от которого отличается

³ Baran P. The Political Economy of Growth. — Monthly Review-Press, 1956, Chpt. 2—4; Baran P., Sweezy P. M. Monopoly Capital. — Monthly Review-Press, 1966.

⁴ Weisskopf T. E. The Problem of Surplus Absorption in a Capitalist Society. — Edwards R. C., Reich M., Weisskopf T. E. The Capitalist System, p. 364—374.

«реальный излишек», т. е. разница между «фактически произведенным годовым продуктом» и «общественно необходимым продуктом». На его величину существенным образом влияют уровень и динамика общего «агрегированного» спроса на товары и услуги.

Первой проблемой радикальные экономисты считают реализацию «излишка», который представляет собой разницу между «потенциальным» и «реальным» излишками, чтобы не создавать трудности, связанные с неполным использованием производственных мощностей при увеличении безработицы.

Вторая проблема — реализация «реального излишка», определяемая характером капиталистического общества, когда чрезмерно расширяются капитальные вложения и неиспользуемые производственные мощности, увеличивается государственный бюрократический аппарат, расширяются иррациональные потребности всех слоев населения, усиливается милитаризация экономики.

Между категорией «экономический излишек» и теорией прибавочной стоимости К. Маркса имеются существенные качественные и определенные количественные различия. Прибавочная стоимость является специфической капиталистической формой присвоения прибавочного продукта, выражающей особую историческую форму его производства. «Экономический излишек» можно весьма приблизительно сравнить с прибавочным продуктом.

Категория «экономический излишек» не может отразить сущность капитализма и особенности современного этапа его развития. Она не в состоянии дать глубокий анализ внутренних сил и источников капиталистического процесса воспроизводства в условиях научно-технической революции и кризиса государственно-монополистического регулирования, показать возможности и границы его приспособления к новым историческим условиям.

Иррациональность капиталистической системы обуславливается частной собственностью на средства производства и подчинена обеспечению прибылей. Поэтому при капитализме ряд необходимых экономических и общественных форм деятельности не может быть адекватно выражен в сфере здравоохранения, в системе образования и воспитания, в решении экологических проблем. К этому можно присоединить влияние неравенства в

доходах, богатство и власть. Капиталистическое предпринимательство реагирует только на нужды тех социальных групп, которые обладают высокой покупательной способностью и наибольшим политическим влиянием.

Критикуя иррациональность капиталистической системы, радикальные экономисты обличают многие отрицательные черты современного капитализма. Однако они не способны к глубокому и научному анализу основных причин углубления общего кризиса капитализма и обострения его основного противоречия.

Империализм в теориях радикальной политэкономии отождествляется в основном с интернационализацией капитала⁵. Поэтому признаком империализма считается лишь вывоз капитала из развитых в слаборазвитые капиталистические страны. Менее явным, но более важным является распространение капиталистических экономических и общественных институций на области, в которых до сих пор преобладали докапиталистические отношения. Общим характерным чертам капиталистической системы, таким, как неравенство, отчуждение, иррациональность, придаются, таким образом, международные масштабы. В поддержку экспансии капитала и международного распространения капиталистических институций государство применяет политические, а если нужно, и военные средства.

Эти процессы усиливают милитаризацию в промышленно развитых капиталистических странах и приводят к экономическому и социальному отставанию в слаборазвитых. Термин «империализм» для радикальных экономистов становится часто синонимом капиталистического экспансионизма (различают, например, «конкурентный империализм» XIX в. и «монопольный империализм» XX в.)⁶. В некоторых формулировках понимание империализма сближается с трактовками Каутского и его последователей.

Толкование империализма в работах представителей радикальной политэкономии охватывает некоторые его основные экономические и политические стороны (вывоз капитала, международные монополии, международный паразитизм современного капитализма и т. д.), но оно

⁵ Ibid., p. 408.

⁶ Ibid., p. 409.

не дает целостного и глубокого объяснения его сущности, исторического места и тенденций развития. Империализм не характеризуется научно, как особая, высшая и последняя стадия капитализма — как монополистический капитализм в ленинском понимании. И хотя некоторые представители радикальной политэкономии приходят к выводам о том, что монополия является ступенью развития капиталистической собственности и эксплуатации, они обращают внимание лишь на отдельные стороны деятельности монополий — на их роль в росте инфляции, безработицы, в политической системе капитализма, в ухудшении окружающей среды и т. д. Несмотря на сильные антимонополистические тенденции, радикальная политэкономия не имеет собственной теории монополий. Монополию она определяет как организационную форму капиталистического предпринимательства или как определенную рыночную форму. Методологическая слабость радикальной политэкономии снижает эффективность ее антимонополистической критики, затрудняет поиски причин современного кризисного состояния капиталистической системы и исторически реальных революционных путей разрешения этого кризиса. Тем самым она еще раз подтверждает, что последовательно научный анализ современного капитализма невозможен без ленинской теории империализма.

Критика радикальной политэкономии капиталистической системы связана с критикой современных буржуазных экономических теорий, прежде всего «ортодоксальной» неоклассической теории синтеза. Радикальная политэкономия критикует содержание, ориентацию и метод буржуазной политической экономии и ее отношение к господствующей общественной и экономической системе. Радикальные экономисты вскрывают апологетический характер буржуазной экономической теории, которая, по их мнению, представляет капитализм как систему в целом гармоничную, уравновешенную, эффективную и справедливую, проблемы которой в сущности решаемы разумом и доброй волей и которая представляет собой якобы вершину исторического прогресса. Прибыль и иные материальные доходы в ней оправдываются и считаются одинаково моральными, как и заработная плата. Реальные, в сущности эксплуататорские отношения капиталистического общества маскируются равенством обмена и условными свободами.

Апологетическому содержанию соответствует также маржиналистический подход к исследованию экономических явлений: «теория предельной производительности исчезнет только с буржуазией»⁷. Радикальные экономисты упрекают буржуазную политическую экономию в том, что она сохраняет status quo в общественных отношениях, считает основные капиталистические институты раз и навсегда данными и ограничивается проблемами их ритмичного функционирования, небольшими и несущественными изменениями внутри системы, в то время как существенных, ключевых проблем современного капитализма она избегает.

Представители радикальной политэкономии требуют, чтобы анализу были подвергнуты основные отношения и институты капиталистической системы. Под этим углом зрения они критикуют именно неоклассическую теорию распределения, подход буржуазной политической экономии к проблемам размещения средств производства, неправильное понимание соотношения экономических и политических факторов в буржуазных экономических теориях. В упрек неоклассическим концепциям ставится то, что человек рассматривается только как производитель и потребитель, и игнорируются важнейшие аспекты собственно человеческого бытия.

К различным школам и направлениям в современной буржуазной политической экономии радикальные экономисты подходят дифференцированно, однако отмечают общее сходство их идеологических позиций. Так, например, Х. Гинтис в статье, посвященной проблемам создания преференций в обществе, указывает на принципиальное отличие радикального подхода не только от неоклассического, но и от реформистских взглядов Дж. Гэлбрейта⁸. Представители радикальной политэкономии считают, что на смену капитализму должно прийти такое общество, которое даст людям право определять результаты своей повседневной деятельности. Так, например, Дж. Гэлбрейт предполагает, что суверенитет масс может быть возобновлен без уничтожения основных капиталистических экономических и политических институтов. В этих условиях независимая власть техно-

⁷ Ibid., p. 433.

⁸ *Gintis H. Consumer Behaviour and the Concept Sovereignty — Explanations of Social Decay. — The American Economic Review*, 1972, May, N 2, p. 267—278.

структур будет ослаблена в результате государственного вмешательства, а граждане могут «возобновить» свой контроль над правительственной деятельностью и обеспечить свой суверенитет в решении общественных вопросов. Решение основных общественных проблем путем либеральных демократических реформ теории радикальной политэкономии исключают.

Критика буржуазной политической экономии со стороны радикальных экономистов бывает очень острой, а в отдельных случаях очень глубокой и резкой. Однако она отличается непоследовательностью и неспособностью выявить социально-исторические и гносеологические корни вульгарных буржуазных экономических теорий. Действительно, радикальная критика не ограничивается определением внутренних логических противоречий этих теорий, показом их оторванности от экономической и политической действительности и неспособности содействовать решению основных общественных проблем. Она не может противопоставить буржуазным концепциям свою теорию, опирающуюся на революционное учение с учетом современного развития. Таким образом, радикальная критика ослабляется попыткой эклектически соединить и использовать отдельные элементы буржуазной экономической теории и экономической теории К. Маркса, игнорированием их принципиального, непримиримого противоречия.

Теоретическая и методологическая слабость радикальной политической экономии наиболее проявляется в оценке реального социализма, в определении и формулировании собственных представлений о перспективах социалистического общества.

Реальный социализм трактуется как «государственный социализм» с многочисленными аналогиями государственного капитализма, т. е. с государственно-монополистической капиталистической системой. Радикальные экономисты подчеркивают тесную связь обеих этих систем, хотя и признают важные различия между ними, например в распределении товаров широкого потребления и в области услуг. В основе этих аналогий лежит непонимание содержания и функции собственности на средства производства как экономической категории, отличающейся от юридических форм собственности, действительного соотношения обеих этих категорий.

Радикальные экономисты не воспринимают социаль-

но-экономической сущности социалистической собственности, сложного исторического процесса ее возникновения и развития как революционного процесса строительства нового общественного строя. Социалистическую собственность они сводят к национализации, к правовому акту экспроприации средств производства государством, который приводит только к формальным изменениям экономических институций, к формальному обобществлению средств производства. Тем самым государственная социалистическая собственность приравнивается к государственной собственности на средства производства в развитых капиталистических странах.

С этим связана характеристика реального социализма как стратифицированного, бюрократического и иерархического общества, в котором первичная цель — необходимость сохранения бюрократического контроля за максимализацией производства материальных благ⁹. На этом строятся клеветнические утверждения, кстати, широко распространенные в антисоветской и антикоммунистической пропаганде: о власти «партийно-государственной бюрократии», о «противоречии между политической властью и народными массами». Эти взгляды, отражающие влияние старых и более новых троцкистских теорий, игнорируют действительный характер социалистических экономических и общественных отношений, новую социально-экономическую структуру, единство и противоречия экономических и общественных интересов в социалистическом обществе. Именно они объективно определяют руководящую роль коммунистической партии как интегрирующего, решающего фактора комплексного развития социалистического общества. Как в кривом зеркале отражаются проблемы и трудности, обусловленные внутренними и внешними условиями сложного процесса социалистического строительства.

Радикальные экономисты обычно отрицательно относятся к централизованному социалистическому планированию, которое изображается инструментом господства нового «бюрократического класса». Основные проблемы планирования в социалистическом обществе не подвергаются представителями радикальной полит-

⁹ Ibid., p. 4.

экономии глубокому и серьезному анализу. Против централизованного «бюрократического» планирования выдвигается идея децентрализации экономической и общественной жизни. Предлагается много спекулятивных концепций общественных систем, основанных на «тысячах мелких общностей, из которых каждая кооперативно организована и разрабатывает свои собственные приоритеты и методы, создает более общие экономические критерии и выступает с политическими требованиями к более широким региональным и национальным координационным институтам»¹⁰.

Подобные утопии оторваны от реальных технических, экономических, социальных и политических условий современной действительности. Их авторы высказываются очень неопределенно о взаимных отношениях между отдельными кооперациями и отношениями между ними и более широкими общественными координационными органами. Одновременно представители радикальной политэкономии вместе с центральными плановыми органами управления экономикой отвергают «принципиально» товарно-денежные формы экономических связей как якобы капиталистические и потому несовместимые с реальным социализмом. Их взгляды в этом отношении близки к современным троцкистским концепциям.

Страны реального социализма представители радикальной политэкономии называют «переходными обществами», главным противоречием которых является «противоречие между социалистическим способом производства и буржуазными формами распределения»¹¹. Эти выводы они обосновывают именно наличием товарно-денежных отношений в социалистических странах.

Характеризуя капиталистический способ производства, радикальные экономисты рассматривают товарно-денежные отношения в поверхностных рыночных формах, игнорируя научную теорию стоимости. Не уделяя соответствующего внимания теории стоимости К. Маркса, они недооценивают ее познавательного и методологического значения. Поэтому остается необъяснимым отношение между общими условиями существования товарного производства и его разными стадиями раз-

¹⁰ *Alperowitz G. A Long Revolution — Edwards R. C., Reich M., Weisskopf T. E. The Capitalist System, p. 529.*

¹¹ *Mandel E. The Formation of Economic Thought of Karl Marx. London, 1977, p. 194.*

вития. Радикальная политэкономия не понимает антагонистического характера товарно-денежных отношений при капитализме и их нового социально-экономического содержания при социализме.

По мнению многих представителей радикальной политэкономии, личная материальная заинтересованность трудящихся и экономическое стимулирование общественного производства при социализме ничем не отличаются от капитализма, так как они якобы не устраняют общественного неравенства, способствуют разделению и взаимной изоляции людей.

Субъективизм, типичный для многих концепций радикальной политэкономии, проявляется во всей критике реального социализма и в представлениях о цели и характере будущего общественного строя, о путях и средствах, с помощью которых должно быть достигнуто его осуществление. Представления радикальной политэкономии в этом отношении очень различны и неопределенны.

Итак, своеобразие радикальной политической экономики как одной из форм проявления современного этапа кризиса буржуазной политической экономики состоит прежде всего в том, что своей направленностью и политическими выводами она раскрывает ее апологетический характер. Тем не менее, несмотря на очевидное отличие от прежних школ буржуазной политэкономии, она является выражением экономических и социальных интересов определенных мелкобуржуазных средних слоев, отражая изменения и ухудшение их положения в обществе. Отсюда в основном происходит также ее внутренняя разнородность, расхождение с теоретическими исходными положениями и методами буржуазной экономической теории, ее поверхностная, часто формальная склонность к марксизму. Этим же объясняется и ограниченность ее радикальности, т. е. способности «смотреть в корень». Таким образом, радикальная политическая экономия невольно вновь подтверждает тот факт, что действительно научная теория не может возникнуть вне экономической теории К. Маркса и В. И. Ленина, вне обобщения исторического опыта социалистической революции в СССР и других странах, вне обобщения исторического опыта мирового революционного рабочего движения.

Правореформистская концепция «смешанной экономики»

Современный этап кризиса буржуазной политэкономии, проходящий в условиях нарастающего влияния консервативных течений в теории и политике, своеобразно отражается в идеологических концепциях и политической направленности нынешнего социал-реформизма. В начале 80-х годов социал-демократия стояла перед необходимостью коренного пересмотра своих идейно-теоретических концепций и социально-политического курса. Теоретические дебаты, развернувшиеся в рядах социалистических партий, были ориентированы на необходимость разрешения проблем повышения эффективности капиталистической экономики, именуемых в реформистской идеологии процессом построения так называемого демократического социализма. При всем разнообразии предлагаемых рецептов перехода к «демократическому социализму» неизменным остается признание в качестве исходной теоретической базы положения о том, что современный государственно-монополистический капитализм якобы представляет собой не что иное, как «смешанную экономику». Несмотря на некоторое изменение подхода идеологов социал-реформизма к наиболее важным проблемам 80-х годов, критический анализ концепции «смешанной экономики» показывает, что его сущность остается неизменной.

В основе взглядов правых социал-реформистов на экономику современного капитализма, как и в основе буржуазно-реформистских концепций, находится идея «трансформации капитализма». Общее между ними не столько в терминологии, сколько в аргументации и конечных выводах. Все варианты концепции «трансформации капитализма» — буржуазные или реформистские — утверждают, что современный капитализм будто бы коренным образом отличается от «раннего» капитализма, что он якобы избавился от основных своих пороков и вполне отвечает потребностям современного общественного развития.

Если буржуазные апологеты реформистского толка называют трансформированный капитализм такими терминами, как «новое индустриальное» или «постиндустриальное общество», то правые социал-реформисты

представляют современный государственно-монополистический капитализм как некий симбиоз капитализма и социализма, в котором якобы идет процесс построения «демократического социализма» путем постепенного реформирования капитализма. Причем в периоды наиболее резкого обострения противоречий капитализма и классовой борьбы трудящихся «некапиталистическая» стратегия правой социал-демократии усиливается и приобретает черты критики некоторых негативных тенденций существующего строя.

Однако реформистская критика капитализма не затрагивает его наиболее существенных черт. В условиях углубления общего кризиса капитализма и роста его противоречий идеологи реформизма в целях сохранения влияния на рядовых социалистов и широкие массы трудящихся вынуждены прибегать к такой форме идеологической маскировки капитализма, которая основана на отрицании самого существования этого строя, на проповеди его мнимой трансформации в «некапитализм». Но «антикапиталистические» заявления теоретиков и лидеров правой социал-демократии по существу представляют собой идеологический механизм защиты государственно-монополистического капитализма.

Проблема капиталистической собственности на средства производства является своеобразным индикатором, определяющим классовые позиции правой социал-демократии в оценке современного капитализма. Как утверждают идеологи правой социал-демократии, возникновение и расширение государственного сектора в развитых капиталистических странах изменяют природу современного капитализма, так как это ведет к созданию якобы принципиально различных секторов экономики, основанных на двух формах собственности: государственно-правовой (государственное предпринимательство) и частноправовой (все остальные формы буржуазной собственности). В этой так называемой смешанной экономике правые социал-реформисты видят экономическую основу современного «социального государства», якобы пришедшего на смену буржуазному государству. Именно «смешанная экономика», по мнению идеологов правой социал-демократии, является наиболее эффективной формой развития производительных сил современного общества, может служить экономической основой для его эволюции к реформистскому

«демократическому социализму». Идея «смешанной экономики» в том или ином виде находит отражение в программных документах и теоретических разработках социалистических и социал-демократических партий.

Общими для буржуазных теоретиков и социал-реформистов в оценке современного государственно-монополистического капитализма являются следующие положения:

— утверждение принципа самоуправления автономных единиц как действительной цели социализма (вместо якобы устаревшего принципа социализма — общественной собственности);

— попытка увязать эту будто бы общую тенденцию развития производительных сил в условиях научно-технической революции с реальной необходимостью частичной национализации определенных отраслей экономики, т. е. с усилением в определенных пределах экономической роли буржуазного государства;

— использование «смешанной экономики» как экономической базы для конструирования различных вариантов «трансформации капитализма», обоснования программ строительства «демократического социализма».

Правореформистские теоретики в своих доктринах «смешанной экономики» нередко эклектически сочетают различные буржуазные концепции, имеющие наибольшее распространение в той или иной стране.

Например, теоретики СДПГ разрабатывают вариант «смешанной экономики» на основе заимствования буржуазной неолиберальной модели «социального рыночного хозяйства» и некоторых неокейнсианских рецептов государственного регулирования. Если у буржуазных экономистов «смешанная экономика» представляется как простое сочетание государственного и частного секторов, то, по мнению лидеров и теоретиков правой социал-демократии, в «смешанной экономике» сочетаются социалистические и капиталистические элементы. Если для первых «смешанная экономика» является в какой-то мере конечным пунктом «трансформации капитализма», то для вторых — это промежуточный пункт и экономическая основа мирного вращивания капитализма в реформистский социализм.

Правые социал-реформисты пропагандируют «смешанную экономику» как объективную реальность, про-

тивопоставляя ее, с одной стороны, государственно-монополистическому капитализму, а с другой стороны, подлинному процессу революционного перехода от капитализма к социализму, научным закономерностям строительства социалистического общества. Критически рассматривая первый аспект этой проблемы, можно заметить, что за термином «смешанная экономика» фактически скрывается современная государственно-монополистическая структура экономики, в том виде, в каком она сложилась в странах развитого капитализма. При этом частному сектору приписывается ложная потенциальная способность капитализма к самопревращению в «некапитализм», а в государственном регулировании экономики правые социал-реформисты видят уже готовые элементы социализма.

Коренным пороком социал-реформистских концепций «смешанной экономики» является противопоставление государственного предпринимательства частнокапиталистическому сектору экономики и извращенная трактовка экономической роли буржуазного государства. Сущность той или иной формы собственности и соответственно типа предприятия определяется содержанием экономических отношений. С этой точки зрения предприятия как частного, так и государственного сектора экономики в капиталистических странах относятся к одному типу — капиталистическому.

Государственная собственность не является особенностью какого-либо способа производства. Она существовала в докапиталистических формациях, на ранних этапах развития капитализма и играет существенную роль в условиях государственно-монополистического капитализма. Ее характер определяется господством того или иного класса в государстве. Если государство является буржуазным, выражает классовое господство капиталистов, то и государственный сектор является разновидностью капиталистической собственности, а производственные отношения на государственных предприятиях носят антагонистический характер.

Правые социал-реформисты искажают истинные причины существования государственного сектора в современных развитых капиталистических странах, особенно в странах Западной Европы, а между тем в этом проявляется кризис капиталистических производственных отношений, последствия которого буржуазия перекла-

дывает на государство. Как отмечал Ф. Энгельс, с переходом части средств производства в собственность буржуазного государства «капиталистические отношения не уничтожаются, а, наоборот, доводятся до крайности, до высшей точки»¹.

Функционирование государственного сектора в условиях государственно-монополистического капитализма противоречиво. Для укрепления своего господства и в зависимости от конкретных условий буржуазия использует как огосударствление, так и приватизацию. Если требование национализации создает угрозу расширению и укреплению позиций крупного капитала, то правящая верхушка стремится ее ограничить.

Противоречивость политики буржуазии в отношении национализации, а также тот факт, что национализация выступает ареной борьбы классовых интересов трудящихся, находят отражение в попытках идеологов социал-реформизма с помощью защиты «смешанной экономики» теоретически обосновать ограничение или даже отказ от борьбы за национализацию. Так, английский экономист А. Крослэнд в книге «Современный социализм и другие очерки» (1974 г.) выразил отрицательное отношение к национализации основных средств производства в Англии и объявил устаревшим соответствующий пункт лейбористской программы 1918 г. Он высказался за национализацию лишь предприятий с низкой рентабельностью. В этом также видна пробуржуазная позиция идеологов правых социал-демократов в вопросе о национализации и защите сложившейся государственно-монополистической структуры экономики.

Концепция «смешанной экономики» используется лидерами правой социал-демократии в маневрировании между интересами буржуазии и широких трудящихся масс. Обратимся за примером к политике английских лейбористов. В первой половине 70-х годов буржуазия Англии активизировалась против предложений о расширении государственного сектора. При поддержке консервативного правительства в 1970—1974 гг. ей удалось приватизировать ряд ставших достаточно прибыльными предприятий, в том числе в атомной промышленности. Приход к власти в 1974 г. лейбористов привел к дальнейшему обострению противоречия между инте-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 290.

ресами широких трудящихся масс и монополистической буржуазии. В борьбе за голоса избирателей лейбористы вынуждены были включить в свою предвыборную программу 1973 г. обещание национализировать ряд крупнейших частных корпораций для осуществления государственного контроля над ними.

Необходимо отметить, что даже полное осуществление этого плана лейбористов не означало бы подрыва основ экономического господства буржуазии в Англии. Но лейбористское правительство, оказавшись под давлением крупного капитала, заявило, что решения о национализации будут приниматься постепенно и только на основе консультаций с руководством корпораций (а фактически только с согласия собственников капитала). Как эта политика осуществлялась на деле, показывает следующий пример.

Одним из объектов национализации в промышленности Англии должна была стать добыча нефти в Северном море. Однако крупные монополии оказали сильный нажим на лейбористское правительство, утверждая, что государственный контроль отпугнет частный капитал от этой отрасли. В результате термин «национализация» был постепенно заменен в официальных документах и выступлениях лидеров лейбористской партии термином «государственное участие». Однако, не сумев выкупить контрольный пакет акций, лейбористское правительство фактически сохранило за собой лишь некоторые функции налогового контроля, уступив частным нефтяным монополиям право на переработку и сбыт всей добываемой в Северном море нефти. Правые лейбористы, подобно французским социалистам, на слсвах признавая необходимость использования национального богатства в интересах общества, на деле отдают его крупным иностранным монополиям. Так претворяется в жизнь идея «смешанной экономики», прикрывающая господство государственно-монополистического капитала.

В социал-реформистском варианте «трансформации капитализма» искажается экономическая деятельность буржуазного государства. Идеологи правой социал-демократии изображают его как один из главных инструментов не только «трансформации капитализма», но и построения реформистского социализма через «смешанную экономику». Государственное регулирование выдается за «новое» направление в деятельности буржуаз-

ного государства, которое выражает якобы интересы всего общества и способно целенаправленно управлять его экономическим и социальным развитием.

В декларации Социнтерна (1951 г.) «Цели и задачи демократического социализма» было заявлено, что «во многих странах неконтролируемый капитализм вытесняется формами экономики, при которых государство регулирует ее развитие...»²⁻³. Утверждения о вмешательстве государства «ради обеспечения быстрого роста экономики», о так называемом государстве всеобщего благоденствия, «о государстве-арбитре» постоянно присутствуют в официальных документах Социнтерна и ведущих социал-демократических партий, в работах идеологов правого социал-реформизма.

Мифы о том, что экономическая деятельность современного государства является эффективным средством для преобразования природы капитализма, строятся на отрицании классовой его основы, на искажении действительных целей государственного регулирования капиталистической экономики. Современное буржуазное государство осуществляет разностороннюю и всевозрастающую экономическую деятельность, однако масштабы и форма ее определяются господствующим классом, и прежде всего монополистическим капиталом. Государственно-монополистический капитализм не может изменить природы империализма. Его целью является не «трансформация капитализма», как это представляют правые социал-реформисты, а сохранение, обогащение финансовой олигархии.

Показателем несостоятельности правосоциалистических концепций о классовом нейтралитете современного государства является антирабочее законодательство — типичное порождение капитализма. Его цель — затруднить забастовочное движение, ограничить возможности профсоюзов в защите интересов рабочего класса, создать почву для усиления эксплуатации наемного труда. Социал-реформисты не только защищают антирабочее законодательство — этот важный инструмент укрепления господства буржуазии, но и практически способствуют его совершенствованию.

²⁻³ Цит. по: Идеология современного реформизма. Критика концепций правых социалистов. М., 1970, с. 223.

Так, в Англии лейбористы в 1974 г. вынуждены были отменить ненавистный рабочим закон об отношениях в промышленности. Однако введенный ими в том же 1974 г. закон о профсоюзах и трудовых отношениях сохраняет немало антипрофсоюзных и антирабочих положений, в частности судебную ответственность профсоюзов за нарушение забастовкой коммерческих договоров предпринимателей. Социал-демократическое правительство ФРГ допустило принятие бундестагом позорного «закона о радикалах». По этому закону запрещается занимать государственные и общественные должности «радикальным элементам», под которыми понимаются прежде всего коммунисты, а также трудящиеся, придерживающиеся левых убеждений. Рост подобных тенденций наблюдается в политике и других развитых капиталистических стран, где социал-реформисты стоят у власти или участвуют в правительствах.

Применение антирабочего законодательства показывает, что в условиях углубления общего кризиса капитализма классовая природа буржуазного государства вопреки утверждениям социал-реформистов не меняется, напротив, оно еще более последовательно защищает интересы монополистической буржуазии, хотя и в более замаскированной форме.

Важной особенностью правосоциалистической идеологии является искаженная трактовка современного буржуазного государства как для обоснования мнимой «трансформации капитализма», так и для доказательства якобы уже начавшегося строительства социализма в рамках капитализма. Выдвигая концепцию «демократического социализма», теоретики социал-реформизма предлагают ее в качестве «третьего пути» общественно-го развития.

Однако подлинная цель концепции «третьего пути» не имеет ничего общего с действительно антикапиталистической ориентацией и тем более с обоснованием строительства социализма даже в его реформистском варианте. Реформистская фразеология призвана замаскировать оппортунистическую цель — защищать капитализм путем насаждения буржуазной идеологии в широких трудящихся массах, всеми силами бороться против теории научного социализма и мировой социалистической системы.

Идеологическая маскировка современного буржуаз-

ного общества под общество, которое эволюционирует якобы в «демократический социализм», связана с классовой природой реформизма. Выражая интересы господствующего класса, реформисты вынуждены хотя бы на словах учитывать некоторые требования трудящихся, составляющих основную социальную базу социал-демократического движения. Социализм есть реальность современного мира, и его идеалы привлекают широкие массы. Стремясь сохранить свое влияние среди трудящихся, правые социал-демократы не могут обойти проблемы социалистического развития.

Порвав с марксизмом, идеологи «демократического социализма» пытаются некоторые элементы современного капитализма выдать за готовый социализм, а противоречивые тенденции в развитии государственно-монополистического капитализма представить как закономерности строительства и упрочения «демократического социализма».

По мнению социал-реформистов, в ряде капиталистических стран «основы социалистического общества уже заложены». Теперь социал-демократия якобы стремится идти вперед, к созданию «подлинного социализма».

После периода относительного забвения идеологи реформизма в 80-х годах значительно усилили разработку и пропаганду «социалистических» лозунгов. «Углубление» концепции «демократического социализма» происходит в форме «уточнения» самого понятия «социализм» путем теоретического обоснования отрицания решающей роли общественной собственности на средства производства в экономическом и социальном развитии.

Основным направлением в идеологии социал-реформизма становится псевдосоциалистическая маскировка социально-экономических реформ буржуазного государства. При этом широко используются такие понятия, как «борьба за демократию и права человека», «улучшение «качества жизни»», пущенные в ход буржуазной идеологией.

Социал-реформисты искажают само понятие «социализм», отвергая научное понимание социализма как определенной общественной системы, приходящей революционным путем на смену капитализму и характеризующейся прежде всего общественной собственностью

на средства производства, отсутствием эксплуатации человека человеком. В трактовке социал-реформистов «демократический социализм» — это прежде всего морально-этическая категория. Социализм при этом сводится к общим лозунгам об освобождении человека от угнетающих его обстоятельств, к борьбе за расцвет абстрактной человеческой личности. Мнимыми рассуждениями о нравственных ценностях, о принципах гуманизма и достоинстве человека заполнены программные документы ведущих партий Социнтерна, статьи и книги правосоциалистических теоретиков.

Сведёние понятия «социализм» до так называемого этического социализма, идеалистическая трактовка этических категорий имеют определенную социально-политическую направленность. Отказавшись от требования обобществления основных средств производства, подменяя классовую борьбу пролетариата тактикой «социального партнерства», правая социал-демократия пытается как-то выделиться на фоне буржуазной советологии и вместе с тем противопоставить себя реальному социализму, которому она умышленно приписывает пороки именно в морально-этической сфере.

Научное объяснение роли и места этических категорий, значения субъективного фактора в общественном развитии дает марксизм-ленинизм, который раскрывает действительную взаимосвязь объективного и субъективного в истории.

Теория научного социализма придает большое значение моральному фактору в классовой борьбе. При этом подчеркивается, что реальное воплощение принципов гуманизма и нравственности возможно лишь в результате революционного преобразования общества, освобождения трудящихся от гнета капитала и эксплуатации.

Научный социализм утверждает свою победу не с помощью нравственного самоусовершенствования и осуждения капитализма, как об этом твердят идеологи «демократического социализма», а на основе учета объективных законов, обуславливающих необходимость революционной смены капиталистического способа производства коммунистическим, постепенного перерастания первой его фазы, социализма, в коммунизм.

Социал-реформисты спекулируют на современной действительности капиталистических стран, где в ре-

результате суровой классовой борьбы в условиях развернувшейся научно-технической революции у широких трудящихся масс пробуждается классовое самосознание, укрепляется понимание действительной ценности человеческой личности. Сам характер капиталистического производства приводит к постоянному подавлению личности, ее достоинств. Однако, искажая коренные причины подавления человеческой личности капиталом, правые социал-демократы подменяют учение о классовой борьбе теорией «этического социализма», социальную революцию — реформами в области буржуазного сознания, культуры и морали.

Научный социализм прежде всего отрицает экономическую основу буржуазного общества — капиталистическую частную собственность — и означает обобществление основных средств производства, т. е. передачу их самим трудящимся. Какова же позиция социал-реформистов в этом вопросе?

Если до второй мировой войны программные требования социал-демократии формально включали пункты об обобществлении основных средств производства, то в большинстве официальных документов, принятых в конце 50-х — начале 60-х годов, такие пункты отсутствуют. Вместо этого социал-реформисты пытаются теоретически оправдать сохранение частной капиталистической собственности, утверждая, что в рамках «смешанной экономики» она изменяет свою буржуазную природу. Правда, в 70—80-х годах, в обстановке углубления общего кризиса капитализма, социал-демократия была вынуждена в некоторых документах Социнтерна и отдельных социал-реформистских партий высказаться за расширение государственного сектора в экономике и другие реформы в области отношений собственности⁴. Придя к власти, социалистические партии во Франции, в Испании и некоторых других странах капитала национализировали ряд концернов и предприятий. Вместе с тем ведущие правореформистские идеологи по-прежнему рассматривают частную собственность как фундамент «демократического социализма».

Перепевая лживые утверждения буржуазной аполо-

⁴ Подробно см.: *Паньков В. С.* Экономические теории современного социал-реформизма. М., 1980, с. 48—92; *Мировая экономика и международные отношения*, 1981, № 6, с. 35—40.

гетики, социал-реформисты считают, что главную роль в экономическом развитии играют не отношения собственности, а контроль буржуазного государства или управленческой верхушки, налоговая политика, законодательство и т. п. Таким образом, грубо искажается принцип примата производства над распределением и обменом, смешиваются явления экономического базиса и надстройки. По мнению реформистов, главными условиями перехода к «демократическому социализму» становятся не коренные изменения в отношениях частной собственности, а явления вторичные, производные от экономических отношений: высокий уровень экономических, политических, общественных институтов современного общества, повышение культурного уровня и сознательности масс и т. п.

В противовес социал-реформистскому мифу о строительстве социализма на основе «смешанной экономики» подлинно научное решение вопроса о собственности на средства производства выдвигают коммунистические партии ряда капиталистических стран. Коммунисты считают, что национализация в рамках реформистской «смешанной экономики» — это инструмент государственно-монополистического капитализма. Только национализация, проводимая в качестве составной части демократического этапа революции, может в дальнейшем создать условия для подлинно социалистического строительства.

Коммунистические партии развитых капиталистических стран требуют обобществления ключевых, а не только малоприбыльных отраслей и предприятий, ликвидации гнета монополий, осуществления общественного контроля над производством в интересах широких трудящихся масс.

Выдавая «смешанную экономику» за экономическую основу «демократического социализма», социал-реформисты конструируют различные программы социально-экономических реформ. Их деятельность в этом направлении особенно активизировалась с начала 80-х годов. В предвыборных манифестах социал-демократических партий и правительственных заявлениях лидеров реформизма содержатся обещания создать «современное государство и общество» при помощи многочисленных «прогрессивных изменений», среди которых наиболее важными являются «социалистическое планирова-

ние», «экономическая демократия», улучшения «качества жизни» и т. п., причем неперенным условием строительства «демократического социализма» при помощи реформ объявляется «социальное партнерство» труда и капитала.

Из перечисленных реформ видно, что лидеры реформизма вынуждены хотя бы формально учитывать некоторые требования трудящихся, самого хода классовой борьбы. Ясно, однако, что ни одна из предлагаемых реформ не может быть направлена на коренное решение исторических задач рабочего класса, на подлинно социалистическое преобразование буржуазного общества.

Социал-реформисты вслед за идеологами буржуазии развивают концепцию, согласно которой в условиях «смешанной экономики» (а точнее, в условиях государственно-монополистического капитализма) якобы возможно гармоническое развитие экономики в интересах трудящихся. Социал-реформисты отличаются от буржуазных идеологов лишь тем, что навешивают ярлык «социалистическое планирование» на практику государственно-монополистического регулирования экономики. При этом в периоды резкого обострения классовой борьбы трудящихся они формально призывают к необходимости организации «более добросовестного и тщательно продуманного управления».

Программирование и прогнозирование экономики получили широкое распространение в практике тех капиталистических стран, где особенно сильны позиции реформизма. Вместе с тем сфера влияния и степень действенности этих форм государственно-монополистического регулирования определяются капиталистическими производственными отношениями. Капиталистическое программирование вызвано к жизни потребностями развития буржуазных отношений, и оно не имеет ничего общего с потребностью обеспечения подлинно планомерного и пропорционального развития в интересах всего общества.

Выдавая государственно-монополистическое программирование за «социалистическое планирование», правые социал-реформисты выступают с пробуржуазных позиций. До тех пор пока государство выражает интересы класса капиталистов, государственно-монополистическое регулирование служит прежде всего интересам моно-

полии. Осуществление такого «социалистического планирования» на деле ухудшает условия жизни трудящихся, повышает степень их эксплуатации.

О классовом характере капиталистического регулирования убедительно свидетельствует так называемая политика доходов, осуществляемая буржуазными правительствами. Под видом борьбы с инфляцией заработная плата рабочих остается «замороженной», а цены неизменно растут, ухудшая положение трудящихся. Социал-реформисты не только одобряют такую политику, но и осуществляют ее на практике. Примером может служить так называемый социальный контракт, заключенный в период 1974—1979 гг. лейбористским правительством с профсоюзами Англии. Согласно ему, правительство обязалось гарантировать некоторое ограничение роста цен, а профсоюзы — пойти на самоограничение в требованиях о повышении заработной платы. Однако эта политика на деле превратилась в сдерживание заработной платы в условиях инфляции.

Подлинно социалистическое планирование предполагает коренное преобразование производственных отношений, чего не может обеспечить реформистам «смешанная экономика». В развитых капиталистических странах предпосылки к такому планированию могут возникнуть в результате осуществления демократической национализации, ограничения гнета монополий, широкого участия трудящихся в осуществлении общественного контроля. С такой демократической альтернативой государственному программированию выступают коммунистические партии развитых капиталистических стран.

Наряду с «социалистическим планированием» важным направлением в теории «смешанной экономики», по мнению правой социал-демократии, является обеспечение так называемой экономической демократии в дополнение к «политической демократии», которая якобы уже наступила в индустриальных странах Запада. Оставляя в стороне социал-реформистский миф о так называемой политической демократии современного государственно-монополистического капитализма, рассмотрим, что же скрывается за ширмой «экономической демократии».

Исходным пунктом возникновения концепций «экономической демократии» является то, что в ряде стран

Западной Европы после второй мировой войны трудящимся под руководством коммунистов и других левых сил удалось добиться некоторых прав на формальное участие в управлении производством на уровне предприятий. В урезанном виде эти права даже отражены в некоторых законодательных актах. Вынужденные считаться с трудящимися массами, которые выступают против господства финансовой олигархии, лидеры и идеологи социал-реформизма формально признают необходимость участия трудящихся в контроле над производством. Однако на деле лозунг «экономической демократии» используется реформистами лишь для прикрытия своего соглашательского курса. Они не прочь поговорить о расширении участия в управлении материальным производством, но в рамках «смешанной экономики», т. е. без изменения экономических, социальных и политических условий.

При капитализме «участие трудящихся в управлении» на деле ограничивается обсуждением лишь некоторых второстепенных проблем на уровне предприятий. Например, комитеты рабочего представительства на предприятиях Австрии, ФРГ, Бельгии в основном обсуждают такие вопросы, как режим рабочего времени, график отпусков, контроль за культурно-бытовыми учреждениями. Однако ясно, что сколько-нибудь серьезно решать проблемы управления предприятием и положения рабочих без реальной связи с соответствующими проблемами в национальном масштабе просто невозможно.

Классовая сущность практики рабочего представительства проявляется и в том, что трудящиеся в таких комитетах не могут выражать свою позицию, так как эти консультативные органы возглавляют администрации предприятий. Мнение рабочих представителей может быть отвергнуто предпринимателями. С другой стороны, органам рабочего представительства вменяется в обязанность функция «классового сотрудничества» с администрацией, поддержание на предприятии «классового мира». Такое требование содержится, например, в западногерманском законе о производственных советах.

Сущность процесса так называемой экономической демократии заключается прежде всего в осуществлении стратегической цели буржуазии — сохранить и укрепить

основу капиталистического строя в условиях возрастающего значения общественного характера производства в странах капитала, ослабить притягательную силу примера участия трудящихся в управлении производством в социалистических странах. Об этом красноречиво свидетельствуют выводы западногерманской правительственной комиссии, призванной дать рекомендации социал-демократическому правительству ФРГ: «Право рабочих на участие в органах управления предприятиями является не только политической целесообразностью, но и необходимостью для бизнеса»⁵.

Восхваление правый социал-демократией подобной практики как пути к «демократическому социализму» на деле способствует политике интеграции интересов рабочего класса и государственно-монополистического капитала.

В отличие от реакционной реформистской трактовки подлинно научную разработку теории и практики демократизации хозяйственного управления как важного шага на пути к социализму содержит учение В. И. Ленина о рабочем контроле. В современных условиях коммунистические партии капиталистических стран связывают обеспечение подлинной демократии прежде всего с демократической национализацией ключевых отраслей экономики, с ограничением власти монополий.

Правореформистский «путь к социализму» ни теоретически, ни практически не противостоит основам капиталистического строя. Он лишь стремится «модернизировать» государственно-монополистический капитализм, сделать его лучше функционирующим и более приспособленным к возросшим требованиям социальной ответственности. «Демократический социализм» не может решить исторических задач рабочего класса и преобразовать общество. Учению о научном социализме, закономерном характере социалистической революции правые социал-реформисты противопоставляют борьбу за мелкие уступки трудящихся ценой отказа от классовой борьбы.

Не только теоретически, но и на практике доказано, что ни в одной стране, где социал-демократические партии долгие годы стояли или стоят у власти, нет при-

⁵ Цит. по: Современный капитализм и рабочий класс: критика антимарксистских концепций. М., 1976, с. 182.

знаков приближения общества к социализму. Показателен пример Швеции, где социал-демократы в общей сложности более 50 лет находятся у власти. Социал-демократы рекламируют «шведский социализм» как пример «демократического социализма», как модель социализма, противоположную реальному социализму в СССР и других социалистических странах. Однако длительное пребывание социал-демократов у власти не приблизило Швецию к «преобразованию общества в социалистическом направлении». Наоборот, власть крупного капитала усилилась. Трудящиеся все более убеждаются, что идеи социал-демократов о «демократическом социализме» всего лишь утопия.

Таким образом, анализ экономических концепций современного реформизма показывает, что в целом нынешняя социал-демократия, как и прежде, выступаст в качестве одного из главных идейно-политических течений в международном рабочем движении. Эклектический плюрализм в идеологии реформизма, словесный отказ от капитализма и коммунизма по существу означают решительное размежевание лишь с марксизмом, с теорией и практикой научного социализма и переход на позиции идеологической маскировки сущности государственно-монополистического капитализма. Это подтверждает ленинскую оценку реформизма как антиреволюционной теории и практики, направленной на раскол единства рабочего движения.

Глава 12

Крушение теорий «всеобщего благосостояния»

Одной из характерных черт современного кризиса буржуазной политической экономии является банкротство созданных в 50—60-х годах теорий «государств всеобщего благоденствия». К числу наиболее пропагандируемых из них относились концепции «общества потребления» и «государства благоденствия».

Теория «общества потребления» возникла во второй половине 50-х годов в результате развития государственно-монополистического капитализма, в условиях относительно быстрого экономического роста, научно-технической революции и изменения соотношения сил в пользу социализма. В развитых капиталистических стра-

нах повысился уровень жизни трудящихся, была относительно невелика безработица (по сравнению с предыдущим этапом общего кризиса капитализма), выросла реальная заработная плата, массовый характер имел спрос на предметы длительного пользования. Под влиянием национальных и международных условий рабочий класс стал более организованным, а его борьба — более результативной. Достигнутый уровень развития тяжелой и легкой промышленности не только сделал возможным, но и требовал массового производства предметов потребления.

По мнению буржуазных экономистов, все эти новые явления в уровне жизни и потребления широких масс стали результатом «демократизации», «гуманизации», т. е. изменения якобы самой природы капитализма. Улучшение бытовых условий трудящихся масс буржуазные теории старались использовать для идеологической стабилизации государственно-монополистического капитализма. Как альтернативу социализму они разработали теорию «общества потребления», в которой представили капитализм как социальную систему, служащую росту всеобщего потребления. Прототипом «общества потребления» они считают США, так как там впервые был создан массовый спрос на предметы длительного пользования (прежде всего на автомобили). Тем самым американские буржуазные экономисты (один из первых — Ростоу) стремились подчеркнуть сложившуюся структуру потребления различных групп населения США — страны, объявленной примером для подражания. Идеологи «общества потребления» игнорировали коренные различия между частной собственностью на средства производства и личной собственностью на предметы длительного пользования, такие, как автомобиль, дом и т. д., утверждая, что, приобретая последние, и рабочий становится собственником.

Теория «общества потребления» пропагандирует мещанский идеал жизни. С одной стороны, абсолютизируется личная собственность, ее приобретение становится целью жизни, прославляется потребление. А с другой стороны, пропагандируется аполитичность или же рекламируется участие в таких общественных организациях и партиях, цель которых исключает революционное преобразование общества. Идеология «общества потребления» — и в этом ее основная функция — ставила пе-

ред собой задачу отвлечь рабочий класс от революционной борьбы.

Идеалом жизни в «обществе потребления» объявлялось, с точки зрения общества, нерациональное, однако соответствующее капиталистическим интересам безудержное потребительство. При этом удовлетворение духовных, нематериальных потребностей отступает на второй план. Искусственно создавалась иллюзия о безграничном удовлетворении материальных потребностей. Делалось это вопреки фактам реальной действительности тогда, когда даже в экономически наиболее развитых капиталистических странах такой тенденции не намечалось и не намечается.

Идеология «общества потребления» дополнилась теорией «государства благоденствия». После второй мировой войны капиталистические государства вынуждены были взять на себя выполнение различных социальных функций (пособия по безработице, пособия многодетным и одиноким матерям, различные формы социального страхования и т. д.). В экономически развитых капиталистических странах в результате этих мероприятий часть бюджета стала расходоваться на социальные нужды трудящихся. Частью экономической политики буржуазного государства стала социальная политика. Рост социальных расходов в структуре бюджета отразил соотношение сил между рабочим классом и классом капиталистов.

Расширение функций бюджета за счет социальных расходов своеобразно нашло отражение в теории «государства благоденствия». В соответствии с этой теорией буржуазное государство выступало не как орган классового господства, а его функции носили неклассовый характер. Утверждалось, что целью «государства благоденствия» являются обеспечение мира, ликвидация классовых антагонизмов, а также обеспечение благосостояния общества в результате осуществления его социальных программ.

Буржуазные экономисты пытались убедить широкие слои населения в том, что сущность современного капитализма, как и буржуазного государства, изменилась, приписывали капиталистической системе и государству такие черты, которых у них не было, нет и не может быть. В то же время тщательно скрывалась усиливающаяся эксплуатация рабочего класса и завуалирова-

лась классовая сущность буржуазного государства, которая особенно наглядно проявляется в периоды активизации борьбы трудящихся за свои права.

Расцвет теорий «общества потребления» и «государства благоденствия» был тесно связан с развитием государственно-монополистического регулирования экономики, разработанного в соответствии с теориями Дж. М. Кейнса. Жизнеспособность этим теориям обеспечивала благоприятная экономическая конъюнктура. Ухудшение же конъюнктуры подрывало доверие к кейнсианским рецептам регулирования экономики, и вместе с тем стали утрачивать свою популярность теории «общества потребления» и «государства благоденствия».

Крах кейнсианского экономического регулирования назревал постепенно. Уже в 1950—1960 гг. выявились определенные противоречия в кейнсианском направлении. Шли поиски выявления и разрешения противоречий, возникающих в ходе применения антициклического регулирования экономики.

Антициклическая экономическая политика вначале обещала «полную занятость», стабильные цены и сбалансированность бюджета. Однако довольно скоро выяснилось, что кейнсианские средства регулирования неспособны обеспечить одновременное достижение всех этих целей экономической политики.

В первые годы применения антициклической экономической политики дефицит бюджета рассматривался как временное явление, вызванное депрессией. Однако в последующем сформировался новый взгляд, соответственно которому правительства капиталистических стран должны сохранять хронический, устойчивый бюджетный дефицит. Сбалансированность бюджета как цель экономической политики была, как утверждали буржуазные экономисты, принесена на алтарь доктрине «полной занятости».

Оправдывая существование постоянного бюджетного дефицита, буржуазная экономическая наука сформировала свой новый тезис, утверждая, что ни в ближайшее время, ни в длительной перспективе необходимости в сбалансированности бюджета нет. При этом выдвигается одно-единственное требование: размер дефицита не должен превосходить рост валового национального продукта. Добавляя к этому утверждению ряд пожеланий, американский ученый Самуэльсон подчеркивал, что не-

·обходимо избегать расточительства и четко определять, какие из альтернативных целей следует реализовать в ближайшее время.

Однако, как показала практика, постоянный бюджетный дефицит имеет негативные последствия: увеличивается неэластичность бюджета, возникает необходимость уплаты значительных процентов, уменьшается возможность стимулирования спроса. В то же время в будущем сокращение бюджетного дефицита станет еще тяжелее. Более того, постоянный бюджетный дефицит не может обеспечить финансирование кейнсианских мероприятий по оживлению экономики в случае депрессии.

Противоречия в бюджетной политике, с одной стороны стимулирующей спрос, с другой — его уменьшающей, нашли отражение в новой теории «стоп-гоу». Основа ее базируется на предположении, что бюджетная политика может оказывать существенное влияние как на активизацию экономического роста, так и на его сдерживание. Если в результате расширения спроса цены слишком повышаются, тогда необходимо применять принцип «стоп», т. е. повысить налоги и уменьшить бюджетные расходы. Если же спрос сокращается, применяется принцип «гоу», т. е. сокращаются налоги и увеличиваются расходы бюджета.

В 60-х годах, особенно во второй половине десятилетия, выявились противоречия в теории «стоп-гоу». Так, при применении политики «стоп» рост цен сохранялся, приостанавливалось оживление конъюнктуры, увеличивалась безработица. При применении же политики «гоу» развертывание конъюнктуры запаздывало, однако цены продолжали расти.

По кейнсианским рецептам достижение «полной занятости» является пределом инфляции. Однако реальное экономическое развитие капиталистических государств во все большей мере опровергало эту идею. В результате кейнсианская экономическая политика не смогла определить выбор цели: или «полная занятость», или «стабильный уровень цен», так как предпочтение одной могло быть только за счет другой. В данной связи возникла новая теория, согласно которой «полная занятость» может существовать только при наличии инфляции, а стабильный уровень цен — только в условиях безработицы, причем стабильность цен может быть сохранена только за счет очень высокого уровня без-

работицы, а полная занятость — только за счет высокой инфляции. В соответствии с этой теорией экономическая политика должна определять одновременно уровень безработицы и уровень инфляции. Английский экономист Филлипс высказал предположение, что существует противоположная связь между темпами роста заработной платы и уровнем безработицы. На взаимозависимостях между уровнем безработицы, заработной платы и инфляцией была построена теория «кривая Филлипса», которую Самуэльсон назвал одной из самых важных концепций нашей эпохи¹.

В развитых капиталистических странах до второй половины 60-х годов уровень инфляции и безработицы был относительно терпимым. Их одновременность не доказывала, но в то же время и не опровергала правильность теории Филлипса. Имело ли место в 60-х годах несовпадение в движении инфляции и безработицы? Анализируя экономическое развитие капиталистических стран, можно найти примеры и той и другой тенденции. Например, в Японии быстрое экономическое развитие, небольшая безработица имели место при высоком темпе инфляции. Напротив, в ФРГ в те годы при незначительной безработице и темп инфляции был незначительным.

Инфляционные процессы необходимо рассматривать исторически, в связи с общим развитием капиталистической экономики. Для понимания причин и природы инфляции надо учитывать структурные изменения в государственно-монополистическом капитализме, имевшие место за последние десятилетия: значительное увеличение государственных расходов, чрезвычайно высокий уровень милитаризации, усиление роли в экономике монополий и т. п.

Современные буржуазные экономисты единственной причиной инфляции считают рост заработной платы. Однако это неверно. Повышение заработной платы нельзя рассматривать оторванно от структурных изменений в государственно-монополистическом капитализме. Естественно, в экономике государственно-монополистического капитализма сохраняется взаимосвязь меж-

¹ По Филлипсу, существует устойчивая обратная зависимость между изменениями процента, безработицы, темпами роста заработной платы и инфляцией. Чем выше уровень безработицы, тем ниже прирост заработной платы и инфляция.

ду ценами и заработной платой. Однако признание этого обстоятельства не означает отрицания того, что на их движение влияют и многие другие факторы. При этом важно иметь в виду, что в государственно-монополистической экономике произошли изменения и в соотношении сил буржуазии и рабочего класса и что в условиях инфляционного роста цен возникли новые формы борьбы между монополиями и профсоюзами за участие в распределении национального дохода.

Инфляционные процессы 70-х годов вызвали кризис теории Филлипса. Была создана новая концепция «естественной формы безработицы», явившаяся по сути буржуазной критикой теории «кривой Филлипса». Как утверждается в этой концепции, рост спроса вызывает инфляцию, однако безработица временно уменьшается, только лишь временно, потому что «инфляционное ожидание» включается в переговоры о заработной плате. Если рабочие ожидают роста розничных цен вследствие инфляции, то при заключении трудового соглашения они будут требовать более высокую заработную плату. Это затрудняет уменьшение безработицы, которая постепенно достигает прежнего уровня, но при более высокой норме инфляции.

Проявление противоречий кейнсианского регулирования экономики вызвало недоверие и к теориям «общества потребления» и «государства благоденствия». Уже в 60-х годах в капиталистических странах даже в условиях благоприятной конъюнктуры и относительно стабильного экономического развития проявились серьезные социальные противоречия, имели место напряженные классовые столкновения. Уровень развития здравоохранения, социального страхования далеко отставал от тех возможностей, которые были созданы достигнутым уровнем развития производительных сил. Обострение противоречий, связанных с кризисом городов, с загрязнением воздуха, вод и т. п., также со всей очевидностью проявилось в те же годы.

В конце 60-х годов некоторые буржуазные идеологи разработали теорию «нулевого роста». Большой резонанс получили концепции, в которых росту материального жизненного уровня трудящихся противопоставлялось повышение «качества жизни». Эта концепция разрабатывалась, в частности, в работах Дж. Гэлбрейта в начале 70-х годов. Гэлбрейт утверждал, что в эконо-

мически развитых странах материальные потребности удовлетворены в достаточной степени и поэтому спрос на предметы потребления не будет увеличиваться в значительной мере с увеличением объема материального производства. По этой причине на первый план должны выступать нематериальные потребности. По его мнению, средством ослабления противоречий капитализма является восстановление нарушенного равновесия, которое можно достигнуть с помощью инвестиций, способствующих улучшению «качества жизни», обеспечения защиты окружающей среды, развития услуг нематериального характера и качественного изменения материального производства.

Теория «качества жизни» явилась органической частью апологетики государственно-монополистического капитализма. Фальшивым стал ее тезис об обеспечении «качества жизни» трудящихся за счет нематериальной сферы. Экономическое развитие в условиях капиталистической системы всегда имеет отрицательное воздействие на все стороны жизни трудящихся масс. Буржуазная теория «качества жизни» создала ошибочную иллюзию, что государственно-монополистический капитализм способен стать системой, способной улучшить социально-экономическое положение трудящихся масс. Радикальное улучшение качества жизни предполагает и качественно новое общество путем революционного преобразования капиталистической системы.

Мировой экономический кризис 1974—1975 гг. углубил кризис как теории «общества потребления», так и теории «качества жизни». И в годы кризиса, и после него значительно выросла безработица. В странах ОЭСР доля безработных составляла: в 1960—1969 гг. — 2,3%, в 1970—1979 гг. — 4,3, в 1982—1984 гг. — 8%. В США в 1983 г. она достигла 9,6% против 4,3% в 1960—1969 гг.² В конце 70-х — начале 80-х годов розничные цены по-прежнему растут быстрыми темпами, способствуя снижению реальной заработной платы трудящихся. В условиях развернувшегося в начале 80-х годов мирового экономического кризиса, в сложной общественно-политической обстановке трудящиеся ведут упорную борьбу за сохранение рабочих мест, за созда-

² См.: Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. М., 1985, с. 16.

ние возможностей получения работы, за защиту своих экономических и социальных прав.

Глубокий структурный кризис государственно-монополистического капитализма и крах буржуазных теорий государственно-монополистического регулирования экономики сделали объективно невозможным прославление «общества потребления». Буржуазные экономисты перестали ратовать за улучшение «качества жизни». В последние годы в связи с критикой кейнсианства усилилось направление неоклассической школы буржуазной политэкономии.

Правительства капиталистических стран, пытаясь усмирить инфляцию, объявили политику «экономного бюджета». Разработка государственных программ, основанных на концепциях неоклассической школы, предусматривает значительное ограничение их социальных функций. По мнению теоретиков этой школы, их расширение будет препятствовать развитию частной инициативы, свободному функционированию рынка, повысит дефицит государственного бюджета и создаст целый ряд других экономических проблем.

Характерно, что, кроме реставрации давно ушедшего в прошлое капитализма свободной конкуренции, неоклассики ничего не предложили. Однако подобные теории игнорируют реальность, не учитывают монополистической структуры капиталистических хозяйств. Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что государственное вмешательство в экономику объективно неизбежно и что экономическую роль государства и в будущем нельзя не учитывать. Независимо от утверждений буржуазных экономистов в действительности ни в одной капиталистической стране не может быть и речи о возможности эффективного использования рыночных механизмов или же об уменьшении экономической роли капиталистического государства. Урезаются лишь статьи социальных расходов в бюджетах, но это отнюдь не является «оттеснением роли государства».

Выступая против сокращения социальных расходов государства на нужды трудящихся, неоклассики в то же время не считают необходимым снизить военные затраты, напротив, они даже предлагают увеличить их.

Несостоятельность концепций научно-технического прогресса

В современной идеологической борьбе немаловажное место отводится проблеме философской оценки научно-технического прогресса, в том числе научно-технической революции, вопросам развития науки и техники и их влияния на общество.

Наука и техника занимают важное место в марксистско-ленинском анализе закономерностей общественного развития. Рассматривая научно-технический прогресс в качестве составной части развития производительных сил, классики марксизма-ленинизма выявили наличие принципиальной связи между характером производственных отношений и уровнем развития производительных сил.

В этой связи классиками марксизма-ленинизма был сделан важный вывод, получивший свое историческое подтверждение в практике социалистических стран, о том, что только при социализме научно-технический прогресс осуществляется одновременно с социальным прогрессом. Но если при социализме научно-технический прогресс поставлен исключительно на службу интересам народа, то при капитализме перед ним ставятся совершенно иные цели. Наука и техника нашего времени силой классового эгоизма, ради обогащения властвующей в капиталистическом мире элиты обращаются против социального прогресса, против интересов народа¹.

При капитализме научно-технический и социальный прогресс — противоположные понятия. Буржуазные идеологи намеренно искажают назначение роли науки и техники, преследуя цель сохранения устоев капитализма. Какими бы различными ни были трактовки буржуазных апологетов, всех их объединяют следующие характерные черты.

Во-первых, стремление к пропаганде якобы «прирожденного технического превосходства капитализма». Буржуазные теоретики утверждают, что не социализм, а только «видоизмененный» капитализм предопределен историей в качестве носителя социального прогресса

¹ См.: Программа Коммунистической партии Советского Союза. Новая редакция, с. 20.

человечества. Так называемое социальное рыночное хозяйство расхваливается при этом как «гуманное и эффективное», как «единственная подлинная альтернатива различным вариантам социализма»².

Подобные фальшивые утверждения необходимы для того, чтобы доказать, что социализм не располагает якобы достаточными возможностями для обеспечения сравнимого с капиталистическим уровнем развития науки и техники и достижения на этой основе соответствующего социального эффекта.

Во-вторых, буржуазные идеологи считают, что государственно-монополистическая экономическая политика способна осуществить научно-техническую революцию в интересах всего общества. Ведущие представители так называемого технологического оптимизма, как, например, Г. Кан, директор Гудзоновского института (США), заявляли о том, что якобы все противоречия капитализма в социальной, экономической, политической и культурной областях разрешимы на основе научно-технического прогресса. При этом в качестве эффективных его стимулов рассматриваются принявшие мировые масштабы конкурентная борьба и политика сверхвооружений³.

В-третьих, для буржуазных и мелкобуржуазных концепций научно-технического прогресса характерно отрицание основного противоречия капитализма — между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения его результатов. В соответствии с такой трактовкой причины возникающих отрицательных социальных последствий и конфликтов рассматриваются не в существующей общественной системе, а всего лишь как последствия развития науки и техники.

В середине нашего столетия, когда проявились качественно новые направления в развитии производительных сил, многие буржуазные концепции о научно-технической революции находились в состоянии откровенной эйфории. Монополистическая буржуазия и ее идеологи считали, что в научно-техническом прогрессе найдено то «волшебное средство», которое обеспечит постоянно высокие темпы роста капиталистического

² *Mahnke H. J.* Nur die soziale Marktwirtschaft kann den Fortschritt sichern. — *Die Welt*, 1978, Februar, 4/5, S. 4.

³ *Kahn H., Wiener A. J.* Ihr werdet es erleben. Wien — München — Zurich — Innsbruck, 1977.

хозяйства, максимальную прибыль и бескризисное развитие экономики и, кроме того, наконец, разрешит антагонистическое противоречие между трудом и капиталом. Следуя этой теории, представитель французской буржуазной социологии Ж. Фурастье установил следующую мнимую причинно-следственную связь: «Наука, техника, экономика и социальный статус тесно взаимосвязаны; социальный прогресс зависит от прогресса науки, экономический прогресс — от технического прогресса, а технический прогресс — от научного прогресса»⁴. В учебнике по политической экономии, изданном в ФРГ, отмечалось: «Капитализм становится все более «социальным». Социальные трудности как бы автоматически устраняются на основе роста производительности труда»⁵.

Какова же судьба всех этих предсказаний? Сбылись ли они? Уже экономический кризис 1974—1975 гг., а также новый кризис 1980—1982 гг. наглядно продемонстрировали всему миру неспособность империализма в равной степени обеспечить благосостояние и социальную стабильность всех слоев населения. Напротив, резко обострились основные противоречия капитализма. Причина этого, однако, отнюдь не в застое или вялости развития научно-технического прогресса. Как раз наоборот, монополистическая буржуазия в небывалых масштабах использует достижения науки и техники в целях рационализации производственных процессов, в интересах сокращения общественно необходимых затрат труда. Особое внимание уделяется внедрению такой ключевой технологии, как микроэлектроника. Она позволяет осуществлять сбор и накопление информационных данных, управлять производственным оборудованием, производить вычисления с огромной скоростью. На основе ее применения надежность изделий может быть повышена от 10 до 1000 раз.

Соответственно сокращается количество приборов и оборудования, а также потребление энергии в расчете на отдельный функциональный элемент⁶.

⁴ *Fourastie J.* Gesetze der Wirtschaft von morgen. Wien, 1967, S. 251.

⁵ *Eynern G. V.* Politische Wirtschaftslehre. Köln — Opladen, 1968, S. 54.

⁶ *Fischer I., Hartmann K.* Technologie, Wachstum, Produktivität. Berlin, 1980, S. 56.

Реализация этих возможностей была начата с внедрением промышленных роботов. В 1980 г. численность таких роботов в промышленности Японии, США и ФРГ составляла свыше 1800 единиц. Больше половины этих автоматов было произведено в 1978—1979 гг.

Значительно возросло также число ЭВМ. Так, в ФРГ их количество увеличилось за период 1969—1979 гг. более чем в 8 раз — с 5000 до 43 000 штук. Если сюда добавить и малые ЭВМ, то эта цифра возрастет до 170 000 штук. В результате достигнутого на основе их использования технологического прогресса возник целый арсенал новых средств труда⁷.

Использование новейших достижений науки и техники значительно повысило рост производительности труда в странах капитала. За период 1971—1980 гг. она увеличилась в США на 35%, в Японии — на 89, в ФРГ — на 51 и во Франции — на 57%. За прошедшее десятилетие ФРГ удалось приблизиться к США и достигнуть более высокой производительности труда по сравнению с другими ведущими капиталистическими странами.

Не удивительно, что в своих апологетических измышлениях теоретики капитала доводят до общественности эти показатели в совершенно искаженном виде. Так, выдвигается тезис о том, что в 70-х годах произошло якобы «резкое замедление прогресса общественной производительности»⁸. На этой основе делается вывод о невозможности дальнейшего повышения уровня жизни трудящихся. Монополистическая буржуазия вот уже на протяжении последних лет ведет широкое наступление на социальные завоевания трудящихся, прикрываясь псевдотеоретическими рассуждениями о мнимом «кризисе производительности». Речь идет о наблюдавшемся в 70-х годах якобы застое в области производительности труда, который продолжается до настоящего времени. Буржуазные теоретики и политики пытаются убедить трудящихся в том, что они не вправе ожидать улучшения своего положения, так как необходимые для этого средства еще не созданы. Однако профсоюзы ФРГ сумели доказать, что производительность труда рабочих и инженерно-технического персонала значительно

⁷ Nachrichten zur Wirtschafts und Sozialpolitik, Frankfurt am Main, 1980, April, H. 4/80, S. 13.

⁸ Hof B. Neue Technologien — Chancen für Beschäftigung, 1981, S. 33/34.

возросла. Например, если в 1960 г. для производства конечного продукта стоимостью 1000 марок (в ценах 1970 г.) требовалось 88 часов, то в 1977 г. — всего 36 часов. Другими словами, для производства того же количества изделий требуется лишь 40% затраченного ранее рабочего времени⁹.

Объяснить создавшееся кризисное положение результатами использования достижений науки и техники, стало быть, нельзя. Нужен комплексный анализ всей системы, отражающий глубокие внутренние противоречия империализма. При этом следует учесть, что в 70-х годах реальные темпы роста производительности труда были ниже, чем в 60-х годах. Причина этого — неспособность государственно-монополистического капитала обеспечить соответствующий экономический рост производства. Вместо этого провозглашается политика «нулевого» или «минимального роста», порождением которой стали недогрузка производственных мощностей и массовая безработица.

Результатами научно-технического прогресса и достигнутого на его основе повышения производительности труда в условиях капитализма пользуются не широкие трудящиеся массы, а монополистический капитал. Несмотря на кризисное состояние капиталистической экономики и ухудшение условий реализации, продолжается рост прибылей. Так, в промышленности ФРГ чистая прибыль 100 крупнейших акционерных обществ за период 1965—1980 гг. возросла в 4,1 раза¹⁰. Несмотря на замедление темпов экономического роста, высокие прибыли были получены благодаря росту производительности труда, замораживанию заработной платы и сокращению реальных доходов трудящихся, а также крупным «подаркам» государства, выразившимся в предоставлении значительных налоговых льгот.

При капитализме наука и техника используются для усиления эксплуатации, а внедрение достижений НТР противоречит жизненным интересам широких трудящихся масс. Масштабы этого процесса могут быть наглядно представлены на примере деятельности монополий ФРГ в горнодобывающей и обрабатывающей отраслях. Со-

⁹ Gewerkschaftliche Monatshefte, 4/1980, S. 277.

¹⁰ Tammer H. Die Profiter der BRD-Industriekonzerne im Jahr 1980. — IPW-Berichte, 2/1982, S. 13.

кратив в период 1970—1979 гг. число занятых примерно на 15%, а количество отработанного рабочего времени — на 26%, они увеличили объем производства на 20%. Одновременно выпуск продукции в расчете на одного занятого возрос на 42%, а в расчете на один час рабочего времени — даже на 65%¹¹.

Вот уже в течение ряда лет рост интенсивности труда в странах капитала сопровождается сокращением реальной заработной платы трудящихся. За прошедшее десятилетие реальная заработная плата в США сократилась в среднем на 18,5%. В ФРГ, согласно данным официальной статистики, в 1980 г. реальная чистая заработная плата снизилась на 0,5%, а в 1981 г. — на 1,4%. По имеющимся данным на 1983 г., сокращение реальной заработной платы составило 2%. Сократилась покупательная способность на сумму, превышающую 40 млрд. марок. При этом производительность труда в то же время возросла на 6%¹².

Безработица в течение последних десяти лет носит массовый характер и относится к числу исключительно тяжелых проблем, с которыми приходится сталкиваться трудящимся империалистических стран. Монополистический капитал внедряет новую технику с целью проведения все более широкого сокращения рабочих мест. В процессе капиталистической рационализации сокращается доля рабочей силы. Среди трудящихся растет тревога за свое рабочее место, боязнь оказаться на грани полного экономического краха, неуверенность в завтрашнем дне. Со времени кризиса 1974—1975 гг. безработица стала носить хронический характер. Уже не связанный с циклическим развитием экономики, этот бич затрагивает миллионы людей, число которых продолжает расти. Если в 1973 г. в развитых капиталистических странах насчитывалось 8,6 млн. безработных, то в 1977 г. их число достигло 16,5 млн., а в настоящее время превышает 30 млн. человек. В числе этих людей растет доля тех, кто вот уже длительное время не может найти работы, а также тех, кому биржа труда уже не в состоянии помочь. В настоящее время безработицей затронуты практически все группы лиц наемного труда. Среди тех, кто оказался вытесненным из произ-

¹¹ IPW-Berichte, 9/1980, S. 4.

¹² Unsere Zeit, 22.X.1982.

водства, встречаются и квалифицированные рабочие, и лица с высшим образованием. Особенно сильна безработица среди молодежи. В настоящее время в ФРГ без работы оказались 200 тыс. молодых людей, при этом многие из них не только не имеют работы, но и лишены какой-либо перспективы приобрести профессию.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что монополистический капитал рассматривает проблему осуществления научно-технического прогресса в отрыве от обеспечения занятости. Тем самым обостряется противоречие между довольно значительным в ряде случаев развитием производительных сил и бедственным социальным положением широких трудящихся масс.

Таким образом, использование достижений научно-технического прогресса является причиной гигантского по своим масштабам недоиспользования ресурсов общественного труда. Генеральный секретарь ЦК СЕПГ Э. Хонеккер так характеризовал масштабы вызванного этим ущерба: «Вследствие исключения из процесса производства многомиллионной рабочей силы, недогрузки производственных мощностей в промышленно развитых капиталистических странах только за период 1974—1978 гг. было недодано продукции общей стоимостью более 700 млрд. долларов. Это примерно соответствует валовому национальному продукту Франции и Италии, вместе взятых»¹³.

Вызванные этими причинами потери ФРГ выразились в 1980 г. суммой в 57 млрд. марок (что равно 3,8% ВВП), в 1981 г. — 84 млрд. (5,4% ВВП), а в 1982 г. — 118 млрд. марок (7,3% ВВП).

Эти примеры служат ярким свидетельством противоречия, на которое в свое время обращал внимание К. Маркс: «Вообще капиталистическое производство, несмотря на все свое скопидомство, несомненно расточительно в обращении с человеческим материалом; точно так же как, с другой стороны, оно... оказывается также весьма расточительным в расходовании материальных средств, причем для общества теряется то, что выигрывают отдельные капиталисты»¹⁴.

¹³ Honecker E. Die nächsten Aufgaben der Partei bei der weiteren Durchführung der Beschlüsse des IX. Parteitagés der SED. Berlin, 1980, S. 22.

¹⁴ Karl Marx. Das Kapital, Dritter Band. In: MEW, Bd 25, S. 97.

В борьбе за получение монопольной прибыли и за изменение в свою пользу соотношения сил на международной арене наиболее агрессивные круги монополистического капитала внедряют новейшие достижения науки и техники в военное производство. Таким образом, наука и техника как производительные силы общества превращаются в силу его разрушения. Ставится цель нарушить военное равновесие между капитализмом и социализмом и создать возможности для ведения ограниченной, а на самом деле не поддающейся ограничению ядерной войны против СССР и других социалистических стран.

Таким образом, в руках наиболее агрессивных кругов мирового империализма наука и техника превращаются в опаснейшую угрозу для человечества. Ее несут «империализм и его политика — политика наиболее реакционных милитаристских, агрессивных сил современности»¹⁵.

Буржуазная идеология, конечно, не может игнорировать серьезные социальные потрясения в мире капитала, вызванные капиталистическим использованием достижений научно-технического прогресса. Подобные явления она пытается объяснить с помощью концепции так называемого технического пессимизма. Ее возникновение относится к середине 70-х годов — периоду, когда резко возросла неустойчивость в системе империализма. В целях отвлечения внимания от истинной причины, коренящейся в самой капиталистической системе, была сделана попытка возложить вину за создавшееся положение на технику, приписывая ей известную самостоятельность и «с трудом поддающуюся контролю внутреннюю динамику»¹⁶. Бывший председатель Союза немецких инженеров В. Деттмеринг, например, писал: «Ведущие в технологическом отношении нации мира со страхом видят, какую власть дает им технология в отношении совершенствования среды обитания человека. Поскольку же техника, в особенности в самом недалеком прошлом, развивалась в значительной мере на основе собственной внутренней динамики, она стала... в растущей

¹⁵ Программа Коммунистической партии Советского Союза. Новая редакция, с. 21.

¹⁶ Scheel W. Eröffnungsrede auf dem Philosophen-Weltkongreß am 27.8.1978. — *Kongreßzeitung*.

степени отрываться от целей, являющихся желательными с общественной и социальной точек зрения»¹⁷.

Создается впечатление, что пессимистическая трактовка технического развития полностью противоположна концепции, описанной выше. Однако независимо от того, восхваляется ли техника или предается анафеме, речь в данных буржуазных концепциях идет об отрыве научно-технического прогресса от производственных отношений, о недопустимом их игнорировании.

Лишь производственные отношения определяют цель и смысл экономического поведения, а тем самым место науки и техники в рамках существующего общественного строя. Именно здесь следует искать причину того, что, несмотря на блестящие достижения науки и техники, империализм не способен решить назревшие проблемы человечества.

Отвергая тезис об определяющей роли «внутренней динамики техники», не следует упускать из виду факт существования закономерной последовательности определенных стадий развития производительных сил. Они служат как мерилom степени развития творческих способностей человека, так и отражением существующих общественных отношений. В то же время они не имеют ничего общего с демоническими силами, приводящими к фатальным, неконтролируемым последствиям.

Научно-технический прогресс не может быть как ни чисто «техническим», так ни чисто «нейтральным» по отношению к системе процессом. Его цели и социальные последствия определяются экономическими и политическими отношениями. Империализм вообще не способен направить развитие науки и техники в правильное русло в интересах общественного прогресса. По этой причине отвергаются все три функции науки как фактора общественного прогресса: производительная, культурная и гуманистическая, социальная¹⁸.

Свидетельством неспособности капитализма реализовать это единство может служить уже то, что технологии, способствующие резкому подъему производитель-

¹⁷ Dettmering W. Die heutigen technischen Entwicklungen und die Anforderungen der Gesellschaft. — Universität Stuttgart, H. 7/1975, S. 717.

¹⁸ Hörz H. Wissenschaftlich-technischer Fortschritt und sozialistischer Humanismus. — Deutsche Zeitschrift für Philosophie, 3/4/1981, S. 354.

ности труда, в принципе используются лишь для скачкообразного роста производства. Реальностью же капитализма является «нулевой» или «минусовый рост», хотя современный уровень науки и техники позволяет обеспечить людей всем необходимым для их благосостояния и направить все человечество по пути к процветанию.

Причина усиления эксплуатации в капиталистических странах и возникшей в наши дни угрозы самому человечеству вследствие империалистического курса на конфронтацию заключается не в научно-техническом прогрессе. Монополистический капитал бесчеловечно распоряжается техникой ради прибыли.

В мире капитала в настоящее время разворачиваются процессы, нагляднее, чем когда-либо, демонстрирующие неспособность империализма использовать научно-технические достижения для преодоления своих противоречий и разрешения конфликтов. Так, в ФРГ в целях борьбы с безработицей правительство делает ставку преимущественно на стимулирование частных и государственных инвестиций¹⁹. В то же время оно значительно сокращает платежеспособный спрос, резко урезает социальные расходы и предпринимает усилия по замораживанию заработной платы. Растет сопротивление профсоюзов этой политике, так как меры направлены отнюдь не на борьбу с безработицей и на укрепление существующей системы. Уже сейчас наблюдается значительная недогрузка производственных мощностей. Инвестиционная деятельность частных предпринимателей ориентируется на расширение сбыта продукции. Эти возможности, однако, сокращаются под воздействием снижения платежеспособного спроса трудящихся. Кроме того, уже в настоящее время в экономике ФРГ из каждых 100 марок капиталовложений 70 расходуется на ликвидацию рабочих мест. Если до сих пор использование микроэлектроники в капиталистических странах лишало многих работы, то в перспективе масштабы этого процесса будут еще более значительными. Прогнозы последствий применения микроэлектроники, раз-

¹⁹ Regierungserklärung des Bundeskanzlers Helmut Kohl vor dem Deutschen Bundestag. «Koalition der Mitte: Für eine Politik der Erneuerung». — Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. Bulletin, S. 93. Bonn, 1982, 14. Oktober, S. 853.

работанные в ФРГ по заданию министерства исследований и технологии, следующие:

— в ближайшие 5 лет в ходе рационализации будет ликвидировано 300 тыс. рабочих мест, а в предстоящие 10 лет — 2,4 млн.;

— за тот же период существенно изменится содержание труда и возрастут требования к квалификации, которые приведут к сокращению 2,5 млн. рабочих мест;

— в долгосрочном плане 45—55% всех рабочих мест будет охвачено процессом внедрения микроэлектроники, т. е. почти каждое второе рабочее место будет ликвидировано²⁰.

Очевидные для всех катастрофические последствия «революции интегральных схем и роботов» заключаются в их способности заменять как рабочих, непосредственно занятых в материальном производстве, так и банковских служащих и конторских работников.

В условиях обострения противоречий, вызванных капиталистическим использованием достижений научно-технического прогресса, возникают так называемые альтернативные течения, стремящиеся найти выход из создавшегося положения. Не затрагивая основ капиталистической системы, их представители выступают против внедрения «крупной техники», за ограничение производства среднемасштабными технологиями. В книге «Маленькое — это прекрасно» английского экономиста Э. Ф. Шумахера пропагандируется распространение «средней технологии» и «технологии с человеческими чертами»²¹.

Подобного рода предложения, получившие распространение также и в ФРГ (Р. Юнгк, К. Траубе, Ф. Дуве и др.), являются иллюзорными. Подобные мелкотехнологические альтернативы предполагают сохранение капиталистических производственных отношений и отношений власти. Они выражают консервативность мышления и в то же время являются идеалами мелкобуржуазного реформизма. Не нужно особых усилий, для того чтобы доказать, что решение проблемы лежит отнюдь не где-то между мотыгой и трактором или серпом и

²⁰ Janßen H. Technischer Wandel und Rationalisierung aus tarifpolitischer Sicht. — Gewerkschaftliche Monatshefte, 4/1980, S. 251.

²¹ Schumacher E. F. Small is Beautiful. New York, 1973 (Deutsche Übersetzung: «Die Rückkehr zum menschlichen Maß», Reinbek bei Hamburg, 1977).

зерноуборочным комбайном, а в преобразовании социальной системы. Только социализм способен все завоевания культуры сделать общенародным достоянием и использовать науку и технику для дальнейшего укрепления экономической мощи социализма, для обеспечения и постепенного подъема материального и культурного уровня жизни людей.

Глава 14

Апологетический характер социально-экономического прогнозирования

Социально-экономическое прогнозирование буржуазных теоретиков развивается главным образом в рамках нового направления общественной науки, получившего название «футурология». Ее основоположник французский социолог Флейхтхайм провозгласил футурологию способом сглаживания «чрезмерной дихотомии» марксистского и буржуазного видения настоящего и будущего ради отыскания «третьего пути» общественного прогресса. В этом плане футурология сформировалась в трех направлениях: как «философия будущего», пытающаяся подняться над социальными учениями прошлого и настоящего; как «история будущего», выполняющая функцию социального прогноза; как методы разработки социальных прогнозов, широко использующие в прогнозировании математику, кибернетику, «теорию игр» и другие точные науки.

Порочность футурологии заключается, конечно, не в том, что ставится проблема предвидения, а в самой методологии подхода к социально-экономическому прогнозу. Эта методология основана на истолковании социальных процессов как прямого результата институциональных изменений в сфере техники и производства, т. е. производительных сил. При этом решающий элемент производительных сил — сама рабочая сила — выводится за скобки анализа или рассматривается только с точки зрения ее технической квалификации. Следовательно, методологически буржуазное социально-экономическое прогнозирование акцентирует внимание исключительно на развитии технической стороны производства, игнорируя ее социальные условия. Историческая ограниченность такой методологии исключает возможность

раскрытия противоречий общественной формы и определения путей преодоления этих противоречий.

Только материалистическое понимание истории позволило К. Марксу раскрыть экономический закон движения капиталистического способа производства, поставив социально-экономическое прогнозирование на научную почву. Именно в этой связи В. И. Ленин подчеркивал, что необходимо давать анализ общества «как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса»¹.

Наука, техника и технология в качестве способов овладения законами природы и использования их являются результатами человеческого труда, характер которого определяется исторически данной системой производственных отношений.

Тем самым социально-экономический прогноз развития капитализма методологически берет начало не в самой технике и производстве, а в общественной форме труда, из противоречия которой вытекает направленность всех общественных сдвигов. Решающую роль здесь играет Марксово открытие двойственного характера труда. В условиях товарного производства преодоление частной формы труда и превращение его в общественный предполагают сведение конкретного труда к абстрактному, что выражается в раздвоении продукта труда на полезную вещь (или услуги) и стоимость. Такое сведение по необходимости осуществляется в антагонистической форме, когда социальные условия овладения и использования техники и технологии в капиталистическом производстве теснейшим образом связаны с классовыми, производственными отношениями.

Из двойственного характера труда развивается вся гамма противоречий капиталистического способа производства, в связи с чем научный социально-экономический прогноз должен исходить не просто из развития техники, включая конкретные формы труда, а из тех общественных противоречий, которые порождаются отношениями двух сторон труда: абстрактного — по созданию стоимости товара и конкретного — создающего его потребительную стоимость.

Буржуазное социальное прогнозирование, игнорируя реальные противоречия капитализма и отвергая науч-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 58.

ную методологию их анализа, ставит ложную проблему абсолютной и повсеместной несовместимости технологического и социального развития. Непредсказуемость социальных последствий технологического роста на протяжении последнего десятилетия превратилась в ведущую тему социального прогноза. Американские футурологи Г. Канн и Б. Брюсс-Бриггерс попытались обосновать этот тезис с помощью примеров по предсказанию развития различных технических новшеств. В частности, изобретение телеграфа, по их оценке, не вызвало к жизни размышлений о том, что этот аппарат сделает власть самого конституционного президента более универсальной, чем власть абсолютнейшего из монархов.

Если технологический проект строит модель будущего исходя из технических возможностей человечества, то будущее видится как увеличенная, со всеми ее пороками, модель настоящего, игнорирующая традиционные человеческие ценности.

Подобное прогнозирование выступает как один из элементов обострения идеологической борьбы на мировой арене, когда изменение сил в пользу социализма в 80-х годах обусловило поворот в стратегии империализма от разрядки к конфронтации, новым виткам гонки вооружения, нагнетанию психологической войны.

Оценка причин такого поворота была дана Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым на XXVII съезде КПСС, где отмечалось, что «к переводу соревнования двух систем на язык военного противоборства империализм толкают и внутренние пружины, сама его экономическая сущность. Империализм в силу своей общественной природы постоянно генерирует агрессивную, авантюристическую политику»².

В русле империалистических маневров и фальсификаций мелькает множество различных «теорий» и прогнозов вроде всплывшей в последнее время «теории модернизации», призванной дать антима르크систское истолкование общественно-исторического развития. Ее сторонники — М. Леви, Р. Рюшелейер, Дж. Грегор и др., отказавшись от упрощенных схем «индустриального об-

² Горбачев М. С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза, 25 февраля 1986 года. М., 1986, с. 13.

щества», провозгласили необходимость проанализировать трудности «модернизации», меняющей все параметры «традиционного» общества. Одной из главных трудностей объявлено «приспособление» личности, социальной структуры, политического строя к современному промышленному производству, причем это «приспособление» мыслится как укрепление капитализма в процессе усиления его борьбы с социализмом. Модернисты используют методологию буржуазного прогнозирования, однако не разделяют взглядов антитехницистов. Если теоретики модернизации отражают позиции крупного капитала, то примыкающие к ним антитехницисты стремятся перевести на сторону крупного капитала среднюю и мелкую буржуазию.

Буржуазное социальное прогнозирование, провозглашая необходимость сохранения абстрактных человеческих ценностей, все более заметно пытается отмежеваться от сторонников безграничного технического прогресса как базы якобы попутного решения всех проблем человека. Ведущую роль в нем постепенно стал играть так называемый антипрогрессивизм. Антипрогрессисты оправдывают свои различные прогнозы ссылкой на якобы трезвый анализ основных тенденций социально-экономического и технического развития современности. На деле же подобный «анализ» призван увести внимание людей от углубляющихся противоречий капитализма, представить пороки и язвы этого строя не как неизбежное порождение его социально-экономической природы, а в виде неизбежных результатов развития науки и техники. Подобный идеологический сдвиг от предреканий капитализму вечного процветания к прогнозам губительного для человека развития НТР весьма знаменателен.

Еще недавно крупный капитал, стремясь поставить себе на службу научно-техническую революцию, сумел временно увеличить масштабы накопления, экономический рост и объем массы прибыли. Эти конъюнктурные факты послужили его апологетам основой при формировании концепций «научно-технического обновления», перерастания буржуазного общества в некое «новое общество». Отрицание социальной революции и подмена ее революцией научно-технической, якобы автоматически разрешающей все проблемы общественного развития, вылились в идею «конвергенции», представляющую

капитализм и реальный социализм не противоположными системами, а разновидностями единого индустриального мира, социально-политические различия между которыми будут, мол, стираться по мере научно-технического прогресса.

Широкое распространение концепций, опирающихся на принцип «технологического детерминизма», достигло апогея к середине 70-х годов. Однако социально-экономические реальности современности, вспышка капиталистических противоречий, укрепление позиций социализма наглядно выявили несостоятельность технократических иллюзий крупной буржуазии. Эйфория недавнего прошлого проходит, а идиллические надежды на то, что наука и техника сами по себе обеспечат решение всего комплекса социально-экономических проблем капитализма и заодно приведут в процессе «конвергенции» к самоликвидации социализма, лопнули, как мыльный пузырь.

Часть буржуазных идеологов от безграничной веры во всеислие техники и экономического роста метнулась к отрицанию всякого роста, к реакционно-утопическим призывам консервировать существующие структуры. Другая их часть выступила с пессимистическими концепциями якобы о невозможности сохранения достигнутого уровня цивилизации вообще — ни при капитализме, ни при социализме — на том мнимом основании, что развитие в рамках обеих противоположных систем нацелено на достижение экономической эффективности при игнорировании возможностей природы. Но попытка такого отождествления не выдерживает критики прежде всего потому, что само понимание результата экономической деятельности в этих системах в корне различно: капитализм всецело ориентирован на рост прибыли, социализм — на полное удовлетворение потребностей общества и человека, создание наиболее благоприятных условий для всестороннего развития личности.

Игнорируя эти качественные различия, буржуазные теоретики объявляют любую социальную систему, стремящуюся к достижению экономической эффективности, противоречащей сущности человека. В подобной постановке вопроса проявились неспособность идеологов крупной буржуазии представить капитализм как «справедливое», «лучшее» или просто «более привлекательное», чем социализм, общество.

При этом на рубеже 80-х годов наметилась новая тенденция: не объявление техники фактором роста угрожающих тенденций, а выявление «объективных» тенденций снижения ее роста.

Согласно взглядам французских социологов О. Джарини и А. Луберже, эффективность технологии достигает своих пределов, когда физическое производство перестает быть доминирующим сектором экономической системы³. В наши дни подходит к своему пределу союз науки и техники, характерный для «второй промышленной революции». «Постиндустриальная теория» считала развитие от третичной (инфраструктурной, сервисной) к четвертичной (сфера обслуживания) экономике признаком социального прогресса — перемещением деятельности в сферу обслуживания, сокращением рабочего класса и т. п. Реальные противоречия капиталистического общества показали иллюзорность таких представлений. Отсюда попытки пересмотра в «постиндустриальной теории» роли техники.

Материальное производство объявлено второстепенным по сравнению с распределением, хранением, управлением и т. п., к чему привело само развитие техники; главный удельный вес перешел к сервисной промышленности, требующей иной технической структуры производства. В результате вместо ожидавшегося процветания начинается нисходящая фаза длительного цикла, которая будет характеризоваться снижением технического прогресса.

Рассуждения об отрицательных последствиях технического прогресса служат всего лишь ширмой для маскировки обостряющихся противоречий капитализма. Такую позицию заняли и некоторые теоретики «индустриального общества», опьяненные в 60-х годах кажущимся всемогуществом техники и затишьем социальных бурь. Так, известный сторонник концепции «индустриального общества» французский социолог Р. Арон в период мирового экономического кризиса 1974—1975 гг. принял участие в выступлении по телевидению группы известных западных социологов. Выступления были затем объединены в книгу под названием «Какой кризис? Какое общество?». Все участники высказывали тревогу

³ *Giardini O., Loubergé H. The Diminishing Returns of Technology...*, 1978, p. 175.

за судьбы западной, т. е. капиталистической, цивилизации и пытались объяснить причины этой тревоги.

Р. Арон в этой связи заявил о пересмотре своих технократических взглядов, усилив попутно антисоветский оттенок своей позиции. Во-первых, он отверг возможность становления какой-то смешанной системы в будущем, которая взяла бы кое-какие черты от капитализма, а кое-что — от социализма. Во-вторых, заявил о «коренных пороках» советского общества, которые будто бы лишают его права на будущее, отнеся к ним «авторитарное планирование, однопартийность и общественную собственность». Наконец, в-третьих, сформулировал тезис, согласно которому само техническое развитие еще не решает социальных и политических проблем.

Социальный прогресс, утверждал Р. Арон, не является неизбежным следствием материального прогресса, в связи с чем необходимо осознать: не нужно ли замедление темпов экономического роста?⁴ Очевидно, что эта позиция отражала неверие в способность техники обеспечить социальный мир и экономическое процветание. Антисоветский же характер такой позиции отражал общее для западных идеологов абсурдное представление о социализме, который в силу перечисленных Р. Ароном «пороков» создает якобы возможность захвата монополии над техникой некой группой бюрократов или даже компьютеров и создания «античеловеческой общественной системы».

Тогда же, в 1974 г., известный американский писатель Б. Олдис, автор повестей «Звездный корабль» (1958 г.) и «Освобожденный Франкенштейн» (1973 г.), опубликовал роман «Восьмидесятиминутный час. Космическая опера». Роман — это как бы предупреждение тем либералам-конвергентам, которые надеются на благополучное слияние социализма и капитализма под влиянием требований техники. В результате реализации этой ошибочной мысли, предупреждает Б. Олдис, мир приходит на грань ужаса. В романе действие отнесено к 1994 г., а карта Земли после третьей мировой войны существенно изменена: большая часть Европы затоплена, Британские острова уничтожены, мир состоит из двух бло-

⁴ Aron R., Chatele F., Dumon R. Quelle Grise? Quelle Société. Cronoble, 1974, p. 41.

ков государств — так называемого Капкомма, т. е. капиталистическо-коммунистического союза, и диссидентских государств во главе с Японией и Бразилией. В «Капкомме» творятся страшные вещи, ибо управляет этим блоком «компьютерный комплекс», пытающийся поработить все человечество. Суть — в выводе. Прогресс техники, оказывается, ведет человечество, независимо от социального строя, к гибели или к господству «компьютерного комплекса», лишаящего человека человеческого. Ведь этот комплекс пытается заменить шестидесятиминутный час восьмидесятиминутным — мрачным символом бессмысленного зла — науки, техники, компьютеров и ученых.

Такие картины призваны подвести к мысли о необходимости бережного отношения к капитализму, ибо защита планеты от ужасов технизации представляется как общечеловеческая задача. И хотя капитализм тоже использует достижения техники, создавая предпосылки краха, тем не менее если уж делать выбор между угрозой технико-экономической катастрофы на Западе и социалистической революцией, то буржуазные идеологи призывают отдать предпочтение капитализму, который якобы только и может предотвратить катастрофу. Американский футуролог О. Тоффлер, автор известных книг «Шок будущего», «Экоспазм» и «Третья волна», писал: «Наши глобальные проблемы, несомненно, имеют угрожающий характер. Концом нашего мира мог бы стать не грохот взрыва или стон, а экоспазм»⁵. Тем самым защитники буржуазного строя пытаются уверить трудящиеся массы в бессмысленности борьбы за изменение социального строя, за социализм, так как дальнейший прогресс науки и техники при социализме будто бы грозит миру гибелью или чудовищным порабощением человека какой-то бездушной силой.

Итак, буржуазные идеологи перешли к проповеди идеи о том, что развитие техники и экономический рост ведут к катастрофическим последствиям, одновременно девальвируя извечные ценности человеческого бытия в виде физического и нравственного здоровья личности, ее интеллекта, свободы, возможности свободного общения с природой и др.

По мере углубления капиталистических противоре-

⁵ Toffler A. The Eco-Spasm Report. New York, 1975, p. 1.

чий середины 70-х годов идеи антитехницизма стали распространяться среди идеологов буржуазии со все убывающей скоростью. Специалист в области индивидуальной и социальной психологии Э. Фромм в одной из своих книг с симптоматичным заголовком «Иметь или быть?», пытаясь обосновать протест против индустриализации, подстегнутой научно-технической революцией, провозгласил гибельность любого развития, независимо от социально-экономического строя общества. Наблюдая пороки этого процесса в уродливых капиталистических формах, он пытался представить их как общечеловеческие, равнозначные крушению «земного града Прогресса». Современное общество, по его мнению, достигло изобилия потому, что людей вдохновляла мечта об этом «граде», но теперь последний превратился будто бы в Вавилонскую башню, грозящую рухнуть и похоронить человечество под своими обломками.

Та же идея пронизывала работы французского социолога Ж. Эллюля — фигуры сложной и противоречивой. Но по вопросу о влиянии технического и общественного прогресса на человека он занимал однозначную позицию, утверждая, будто миссия человека заключается в «разрушении прогресса», в движении в сторону, противоположную общественному развитию. Основным врагом человека он объявлял современную технику, якобы заведшую людей в тупиковую ситуацию, которая, мол, способна лишь обостряться в результате социальной революции.

Под цивилизацией, ориентированной на человеческие ценности, Ж. Эллюль подразумевает только капитализм, призывая сохранить его вопреки техническому прогрессу и социальным революциям. «Перед лицом растущей ненависти и осуждения в адрес западного мира, — писал Ж. Эллюль, — которые сопровождаются самоубийственной восточной экзальтацией многих европейцев, для меня, давнего критика технической цивилизации, становится обязанностью показать, что Запад есть и нечто совсем другое — непреходящая духовно-историческая ценность — и что конец Запада явился бы в настоящих условиях и концом всякой цивилизации»⁶.

Даже такой видный английский историк, как А. Тойнби, отвечая на вопросы об истоках идей антитехнициз-

⁶ Ellul J. Trahison de l'Occident, 1975, p. 7.

ма, усмотрел их в том, что все значительные достижения науки и техники XX в. в конечном счете так или иначе используются во вред человеку, не сопровождаются прогрессом общества, особенно расцветом культуры⁷.

Для придания своим тезисам видимости правдоподобия антитехницисты спекулируют на такой глобальной проблеме, как ухудшение окружающей человека среды, истощение невозобновляемых природных ресурсов, демографический взрыв и т. п. Сможет ли Земля прокормить 12—15 млрд. человек к концу XXI столетия? Какое общественное устройство обеспечит существование этой массы людей, если к началу XX в. на Земле проживало не более 1,5 млрд. человек? Казалось бы, реальные факты надвигающегося экологического кризиса подтверждают самые мрачные предсказания, сами подводят к выводу, что технический прогресс, экономическое развитие, бурный рост населения и процесс урбанизации подрывают устои жизни на Земле. Фантасты подбрасывают свои рецепты «выживания» в этих катастрофических условиях, например предложение уменьшить человека до размеров булавочной головки в условиях нехватки пространства, энергии, пищи. Эти идеи как бы подтверждаются подборками угрожающих человечеству фактов развития технической цивилизации. Одни предлагают реализовать стратегию «нулевого роста», другие испытывают ностальгию по прошлому, третьи твердят о неизбежности краха...

Цель капиталистического развития действительно ведет в тупик, о котором свидетельствует опасное использование достижений науки и техники во вред человечеству.

Развитие производства зависит от постоянного роста выработки как за счет повышения производительной силы конкретного труда преимущественно путем технического усовершенствования средств труда, так и за счет усиления интенсификации путем повышения затрат абстрактного труда в единицу времени. Капитализм использует этот рост в производстве абсолютной и относительной прибавочной стоимости, что ведет к постоянному воспроизводству классового отношения между

⁷ Tojnbée A., Ikeda D. The Tojnbée-Ikeda Dialogue. Tokio, 1976, p. 300.

капиталом и наемным трудом. Подчиненность науки, техники, производства социальным отношениям и целям капитализма ставит перед прогностикой прежде всего вопрос не о перспективах технизации, а о направленности общественного развития, его несовместимости с капиталистической системой и необходимости перехода к непосредственно-общественному производству.

Капитализм связан с заменой ручной ремесленной техники и технологии машинным производством. Его развитие сопровождалось серией научно-технических переворотов в русле буржуазных производственных отношений, доведя в условиях современной НТР выросшее из двойственного характера труда противоречие между производительными силами и производственными отношениями до того предела, который требует революционной замены капитализма более высоким общественным строем. Методология же буржуазного прогнозирования игнорирует связь между НТР и социальной революцией, представляет технику и производство в виде силы, независимой от существующих общественных форм. Это ведет к увеличению разрыва между повышающейся действительностью научно-технического прогнозирования и апологетическим характером различных социально-экономических прогнозов.

Буржуазные идеологи, не желая понять этого, обрушиваются на науку и технику и призывают приостановить промышленный рост, категорически отрицая социалистическую альтернативу капитализму.

Идеи кризиса технико-экономического роста, которые в разных формах высказываются западными идеологами, наряду с проповедью безысходности и неотвратимой катастрофы используются в целях выдвижения «новых» ориентиров и принципов прогрессивного развития. Эти «ориентиры» как бы нащупывались сторонниками «нулевого роста», но не были определены с достаточной ясностью. Во второй половине 70-х годов суть новых подходов выявилась уже определенно. Все больше и больше голосов начало твердить о том, что прогрессивное развитие не может быть сведено к экономическому росту, возрастанию валового национального продукта и количества производимых товаров. Одержимость материальным производством, по мнению некоторых противников технико-экономического роста, как было показано выше, отодвигает на задний план основ-

ные ценности общественного и личностного прогресса, разрушает природное, социальное и духовное окружение человека. Все это, как утверждает французский социолог Ж. Робин, приводит к кризису индивидуальности, к тому, что «человек пребывает в состоянии растерянности. Он вынужден, начиная с сегодняшнего дня, жить в мире будущего, обладая правилами жизни, унаследованными от прошлого»⁸.

Чем же предлагается заменить установку на экономический рост, чтобы обеспечить жизнь человека в будущем не по правилам прошлого, а по новым принципам прогресса? Попытку ответа на этот вопрос можно частично найти в работе коллектива ученых и журналистов, в основном западногерманских, очень претенциозного замаха. Она озаглавлена «Энциклопедия будущего. Побуждение к практическому формированию будущего». В предисловии одного из редакторов этой энциклопедии, Р. Юнга, утверждается, что ее замысел сравним разве что только с замыслом «Энциклопедии» Д. Дидро и Д'Аламбера, которые поставили перед собой практическую задачу — дать цельное представление о мире. По мнению Юнга, все последующие энциклопедии давали лишь разрозненные знания. Поэтому «новые энциклопедисты», как называют редакторы авторов этого труда, хотят заполнить пропасть и объединить различные области знания ради конкретной постановки проблем будущего. Более того, «новые энциклопедисты» замахиваются на то, чтобы помочь найти пути в будущем различным социальным слоям и группам западного общества и народам стран Африки и Азии. Эти пути, оказывается, связаны не с борьбой классов, а с преодолением изоляции классов, профессий, семьи, наций и различных идеологических форм.

Итак, прежние философские системы, прежде всего марксизм, отброшены в сторону одним мановением руки «новых энциклопедистов», и на пустом месте воздвигнута система новых «реалий» общественного прогресса. О чем же в действительности идет речь? Оказывается, по мнению Юнга, западные политики и менеджеры распространяют ложь, изображая настоящее и будущее как серию кризисов (истощение природных ресурсов,

⁸ Robin J. De la croissance économique au développement humain. Paris, 1975, p. 448.

загрязнение окружающей среды, болезни, убийства, недовольство жизнью, разложение демократических институтов и т. д.).

Истинно в этом заявлении одно: западные эксперты действительно распространяют ложь, когда рассматривают весь мир в состоянии кризисов. Огромная его часть представляет собой динамичную социалистическую систему. Только капиталистическая часть мира, вступившая в состояние общего кризиса, повинна в экономической депрессии, в хищническом расточении природных ресурсов, в загрязнении окружающей среды и т. п. Подобные пороки не имеют никакого отношения к социалистической части мира, где благо общества и человека лежит в основе всех видов деятельности. Попытка поставить на одну доску капитализм и социализм с самого начала выдает буржуазное первородство «новых энциклопедистов». Внеклассовый, по существу внеисторический исходный тезис ставит под сомнение всю серию мер, призванных заменить установку на технико-экономический рост какими-то новыми ориентирами. Между тем без роста, т. е. расширенного воспроизводства, ни о каком прогрессе, в том числе и с точки зрения личности, ибо ее потребности возрастают, не может быть и речи. Все дело в том, в каких общественных условиях и во имя какой цели осуществляется этот рост.

Итак, что же предлагается взамен роста «новыми энциклопедистами»? Они предлагают:

- ориентировать образование не на технико-экономическое развитие общества, а на развитие игровых и творческих способностей человека;

- выдвигать в качестве жизненных потребностей человека не увеличение присвоения материальных благ, а его «саморазвитие» (писатель Т. Ширмак);

- подчинить индивидуализм коллективным формам жизни, которых требует «биологическая природа человека» (социолог и биолог из Западного Берлина Т. Эберт);

- выступить против опасных последствий применения новейших средств воздействия на человеческий организм (генная хирургия, хирургия мозга, лекарства и т. д.) и негативных последствий «сенгорной депривации» (одиночного заключения, изолированности людей в современных жилищах и т. п.) (биолог из Мюнхена Э. Лашка-Гор);

— расширить работу по пропаганде «экологии человека, новых моделей человеческих отношений, здорового стиля жизни» (он же)⁹.

«Новые энциклопедисты», хотя и рассыпают подчас ультралевые обвинения в адрес капитализма, на деле рисуют утопическую, иллюзорную и в основе своей антисоциалистическую картину способов реализации выдвинутых ими требований. Коренной порок их подхода заключается в нигилистическом отрицании техники вообще, во внеклассовом представлении, будто не социально-экономические условия использования нейтральной техники, а сама техника повинна в человеческих бедах. В V разделе «Энциклопедии» английский журналист Р. Кларк прямо объявляет главным недостатком всех моделей будущего (значит, и научного, марксистско-ленинского социального прогноза) то, что они исходят из дальнейшего развития индустриальной технологии. Ссылаясь на использование этой технологии не более 20% населения Земли и на «невозможность» ее всеобщего распространения, Р. Кларк призывает вернуться к доиндустриальной аграрной и ремесленной технологии, к умеренности во всем!

Авторы «Энциклопедии» наивно связывают ликвидацию капиталистической эксплуатации и дегуманизации труда с «детехнизацией общества». С одной стороны, они видят разрушительные для человеческой личности последствия капиталистической организации трудового процесса. С другой — ошибочно связывают эти разрушительные последствия не с капитализмом, а с современной техникой. Отсюда выдвигается идея «самореализации в труде» не путем возврата к ремеслу и сокращения рабочего времени, а посредством реального изменения содержания труда на существующем рабочем месте. Многочисленные исследования социологов и психологов установили разрушительное воздействие на человеческий организм ритмов современных конвейеров, монотонности трудовых операций, возвращающих трудящегося в мир «частичного рабочего» мануфактуры, гнетущего влияния деинтеллектуализации труда и пр. Но оупляющая примитивизация основных трудовых операций на современных предприятиях порождена не только

⁹ Enzyklopädie der Zukunft-Eine Anstiftung zur praktischen Zukunftsgestaltung. Tübingen, 1978, S. 1.

и не столько техническим прогрессом, сколько капиталистической формой его эксплуатации, преследующей единственную цель — увеличение прибыли. Социалистическая общественная система, опираясь в настоящее время на ту же техническую базу, что и капитализм, использует ее иначе, иным способом (с точки зрения организации труда), в иных социальных целях.

Все рецепты спасения человека от гнета технизации, предложенные в «Энциклопедии будущего», носят не просто утопический, но и реакционный характер, в связи с тем что направлены они на возврат в прошлое, в мир мелкой собственности и ручного, примитивного труда.

Во всем этом обращают на себя внимание две идеи:

— никакие социальные перевороты на Земле не способны преодолеть бездушный мир всеохватывающей технизации;

— реализация мечты о счастье лежит совсем рядом, в отказе от техники и возврате в мир патриархальных общин.

Таким образом, с середины 70-х годов определенная группа буржуазных идеологов, столкнувшись с капиталистическими противоречиями, обостряемыми по мере усиления несоответствия между уровнем развития производительных сил и характером производственных отношений, начала атаку на технико-экономическое развитие вообще, как в капиталистической, так и в социалистической формах, объявила это развитие бесперспективным, с точки зрения человека, и выступила с суммой идей об отказе от технического прогресса и замене его серией естественнoисторических, вечных человеческих ценностей. Однако при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что главное направление этой атаки сосредоточено на антисоциалистическом фронте, нападки на капитализм играют роль дымовой завесы. Основная задача антипрогрессистов состояла в том, чтобы посеять среди трудящихся неверие в возможность ликвидации пороков, порожденных капитализмом, на путях социальной революции.

Именно эта идея, в частности, активно пропагандировалась так называемыми новыми философами из Франции А. Глюксманом, Б. Леви, М. Клавелем, которые превратили вымысел о «бесплодности» и даже «вредности» всех социальных преобразований в основной стержень своих концепций. Они оказались всего

лишь первыми ласточками, возвестившими об очередном этапе в борьбе монополистического капитала против широких трудящихся масс. Злобное охаивание революционных социальных преобразований стало распространяться по буржуазному миру, словно мрачное поветрие. Не успели пожелтеть страницы газет и журналов, рекламировавших этих «ниспровергателей» научного коммунизма, как на подмогу им бросились «новые экономисты», «новые правые» и прочие ревнители империализма, ярые противники реального социализма.

Так, «новые философы» на словах обрушиваются на бесчеловечную власть техники и государства и твердят об отупляющей власти идеологии, призывают к обновлению человеческой личности и считают единственной основой такого обновления романтизируемое ими прошлое. В книге «Кухарка и людоед» А. Глюксман пытается объяснить происхождение промышленной системы капитализма иначе, чем это сделал марксизм. Не потребности материального производства, а абстрактно-схоластический дух, как уверяет Глюксман, который в борьбе со своевольным духом плебса насаждала официальная церковь, привел к торжеству капитализма. А раз так, то рычаги преобразования эксплуататорской действительности буржуазного общества надо искать не в материальных условиях развития классовой борьбы в этом обществе, а в возвращении к свойственному плебсу язычески-чувственному мирозерцанию.

Но эти разговоры о преобразовании капиталистического общества не следует принимать всерьез. Класс капиталистов состоит из различных социальных слоев, и критицизм «новых философов» отражает недовольство тех групп, которые теряют свои позиции и разоряются по мере утверждения власти финансовой олигархии. Поэтому на деле словесная ярость направляется не против самих принципов и основ капитализма, а против крайних форм монополизации, рассматриваемых чуть ли не как искусственный для капитализма организм. Не случайно А. Глюксман ссылается на книгу М. Фуко «История безумия». Фуко связывал промышленно-экономическое развитие капитализма с постепенной «ампутацией» различных сторон и свойств человеческой личности, под которой подразумевается мелкий буржуа. И постепенно, мол, подобная «ампутация» достигла таких размеров, что адаптация «человеческой

личности», т. е. буржуа, к промышленно-механизированному обществу, т. е. финансовому капиталу, оказалась невозможной, и буржуа впал в состояние «невроза». Отправляясь от этой «истины», Глюксман начинает историю капитализма с «тоталитарных утопий» Т. Мора и Т. Кампанеллы и доводит ее до XX в. как процесс утверждения всеохватывающей, «тотальной организации», в которой личность человека оказалась окончательно отчужденной, а труд рабочего превратился в механический элемент бездушного механизма. В качестве символа этого отчуждения Глюксман называет город, из университетских центров которого якобы исходят все искусственные схемы организации современного общества.

Идеология марксизма и «русский коммунизм» представляются в этой связи как одна из ветвей развивающейся «тотальной организации» и форма технологического утопизма, противостоящего естественноисторическому опыту массового плебса. И западноевропейская, и социалистическая государственность выступают в этой схеме как первый и второй этапы соединения тоталитарного государства с технической рациональностью. Коль скоро дела обстоят таким образом, что и капитализм, и социальная революция, и социализм есть лишь насаждаемая государством технико-рациональная тоталитарная утопия, противостоящая естественноисторическим свойствам человеческой личности, то логика, по мнению «новых философов», подсказывает искать выход на пути создания условий для этой личности.

Примерно так же выступают против технологизированного общества, дающего средства к установлению господства «властелина» и подавляющего «мораль» человека, Леви и другие «новые философы». Все эти рассуждения перепевают один и тот же мотив. Личность с ее естественными инстинктами и свойствами подавляется, мол, тоталитарным государством и техническим обществом, а потому надлежит отказаться от ложной утопии прогресса и вернуть личность в ее естественные условия. Само собой разумеется, что под прикрытием лозунгов освобождения личности главный удар направлен против социальной революции пролетариата.

Будучи не в силах противопоставить обществу социальной справедливости какие-либо конструктивные альтернативы, ибо такие просто-напросто отсутствуют в мире, антитехницисты откровенно приступили к про-

поведи реакционного курса, политического и экономического мракобесия, провозгласили борьбу «за свободу, против социального равенства».

В данном случае лозунг свободы оказался лишенным даже того буржуазно-либерального содержания, которое вкладывали в него просветители XVIII в., идеологи шедшей к власти буржуазии. Но сегодня реакция не брезгует ничем, стремясь собрать под черное знамя борьбы против социального равенства, лживо изображаемого в виде нищенской уравниловки, самые различные слои и группы буржуазного общества, вплоть до неофашистских отрядов, под предлогом защиты человека от ига технизированного общества.

Но мог ли когда-нибудь антитехнизм остановить поступательное движение научно-технического прогресса? Конечно, нет, ибо это развитие — объективный исторический процесс наращивания все более мощных и качественно новых производительных сил общества. Другое дело — существующие диалектические взаимосвязи между достигнутым уровнем развития производительных сил и исторически данной системой производственных отношений. Буржуазный технологический критицизм как раз и вызван стремлением скрыть тот факт, что капиталистические производственные отношения не просто сдерживают развитие производительных сил, но порождают уродливые (например, милитаристские) формы такого развития, ведут к возникновению серьезных конфликтов и катаклизмов, несут в себе потенциальную угрозу человеческому обществу вообще. Что вызвало к жизни машину и крупную фабрику? Этот вопрос с исчерпывающей полнотой исследован К. Марксом в «Капитале».

В тринадцатой главе I тома «Машины и крупная промышленность» К. Маркс показал различие между машиной как «простым элементом машинного производства» и машиной как специфической экономической категорией капиталистического способа производства. Различие это совсем не связано с тем, что служит источником движущей силы — человек или сила природы. По этому поводу К. Маркс замечал: «Но тогда запряженный быками плуг, относящийся к самым различным эпохам производства, был бы машиной»¹⁰.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 383.

Машина как экономическая категория появляется лишь исторически, и промышленный переворот исходит от машины-орудия, которая затем образует всякий раз исходный пункт при превращении ремесленного или мануфактурного производства в машинное производство. Это объясняется тем, что только «в крупной промышленности человек научается заставлять продукт своего прошлого, уже овеществленного труда действовать в крупном масштабе даром, подобно силам природы»¹¹.

Смысл капиталистического использования машины состоит в том, что она способствует увеличению прибавочной стоимости, ибо применяется лишь тогда, когда труд, которого стоит ее производство, меньше стоимости замещаемой ею рабочей силы. Значит, в эпоху промышленного переворота XVIII в. колоссальный толчок промышленному производству дала не потребность в сохранении человеческого рода, а рожденная капиталистическим обществом потребность в безграничном присвоении прибавочной стоимости. Именно поэтому социализм лишает машину ее специфически буржуазного свойства — присвоения прибавочной стоимости — и ставит развитие машинного производства не в связи с ее внутренними неограниченными возможностями вплоть до уничтожения живой природы, а в связи со степенью удовлетворения разумных общественных потребностей, обеспечивающих максимально полное развитие человеческой личности — ее физических, умственных и нравственных свойств.

Эта поневоле упрощенная схема нужна для того, чтобы показать несостоятельность любой идеи о возможности общества по желанию в каждый исторический момент выбрать технический прогресс и механизацию или отказаться от них.

К. Маркс блестяще показал объективный предел существования капиталистической системы. В третьем отделе III тома «Капитала» он отметил противоречие между присущей капиталистическому способу производства тенденцией к «абсолютному развитию производительных сил» и целью производства в рамках этой формации — сохранению «существующей капитальной стоимости» и ее увеличению «в возможно большей степени», т. е. постоянно ускоряющемуся возрастании этой

¹¹ Там же, с. 399.

стоимости. Специфически буржуазная цель производства не может быть достигнута иначе, кроме как путем постоянного усиления интенсивности труда при параллельном использовании достижений НТР, но только ради этой цели.

В этой связи К. Маркс писал: «Методы, которыми он этого достигает, сопряжены с уменьшением нормы прибыли, обесценением наличного капитала и развитием производительных сил труда за счет уже произведенных производительных сил»¹². Следовательно, методы достижения цели приходят в противоречие с самой целью, ибо ненасытная жажда капитала в использовании все больших масс живого труда ради роста стоимости и прибавочной стоимости упирается в ряд объективных границ, в том числе и в невозможность беспрестанно повышать интенсификацию труда. Отсюда глубочайший вывод К. Маркса: «*Настоящий предел капиталистического производства — это сам капитал*, а это значит: капитал и самовозрастание его стоимости является исходным и конечным пунктом, мотивом и целью производства; производство есть только производство для *капитала*, а не наоборот: средства производства не являются просто средствами для постоянно расширяющегося процесса жизни *общества производителей*»¹³.

Создание подлинных условий для снятия общественных препон на пути обеспечения постоянно расширяющегося процесса жизни общества неразрывно связано с ликвидацией капитала как буржуазного общественного отношения, с обобществлением собственности и производства на деле.

Без этого любые предлагаемые меры по ориентации на развитие творческих способностей человека, ликвидацию отупляющих форм труда, участие трудящихся в управлении на низших этапах управленческой деятельности, коллективизацию форм жизни и пр. остаются пустопорожними фразами, сеющими вредные иллюзии.

Меры такого рода легко вписываются в пропагандируемую буржуазными идеологами систему «социального партнерства», возникшую в период фазы подъема капиталистического цикла. Член Политбюро ЦК Ком-

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I, с. 273.

¹³ Там же, с. 274.

мунистической партии Австрии Э. Виммер в книге «Социальное партнерство с точки зрения марксизма» убедительно показал, что политика «социального партнерства» является попыткой подчинить интересы трудящихся неким «всеобщим интересам», т. е. потребностям капиталистического развития¹⁴.

Проповедь технологического апокалипсиса легко уживается с идеей замены технико-экономического роста иной системой ценностей, на деле оказывающейся защитой основных условий самовозрастания капитала за счет эксплуатации наемного труда.

Законы общественного развития и классовой борьбы неумолимы. Всякие попытки их игнорировать, стремление подняться над классовой борьбой и встать выше «узкокорыстных» интересов различных социальных групп ведут в конечном счете к поддержке позиции господствующего класса, к борьбе против революционных прогрессивных сил, сплошь и рядом оказываются в болоте реакции и мракобесия. Именно это подтверждают неизбежная связь идей антитехнического и антиэкологического роста и поиск выхода из капиталистических противоречий без ликвидации капитализма, без социалистической революции с идеологией современного ультрареакционного тоталитаризма.

Империалистическая реакция рассчитывает расширить свою социальную базу за счет различных групп буржуазного общества, прежде всего за счет части средних слоев и люмпена, отводит этим группам место на крайне правом фланге идейно-политической борьбы против реального социализма. Этот реакционный замысел маскируется идейно-теоретическими концепциями, сердцевину которых составляют теоретические построения антитехнистов. Пропаганда подобных концепций в значительной степени направлена на средние слои современного буржуазного общества, с тем чтобы оторвать их от союзника — пролетариата, увести от идей научного коммунизма. Средние слои всегда были подвержены воздействию различных, подчас противоположных идеологий. Ряд мелкобуржуазных идеологов, как показывают события последнего времени, приняв за чистую монету буржуазные антитехнические концеп-

¹⁴ *Wimmer E. Sozialpartnerschaft aus marxistischer Sicht. Wien, 1979, S. 64.*

ции, подпали под их влияние, трансформируя подобные концепции на собственный мелкобуржуазный лад. Своеобразный мелкобуржуазный романтизм как течение в идеологической борьбе на мировой арене объективно направлен против углубления союза пролетариата со средними слоями, сеет вредные иллюзии, несет в себе семена политического мракобесия и вольно или невольно служит целям империалистической реакции. Марксистская критика этого течения — необходимая часть борьбы за союзника пролетариата в общедемократическом и социалистическом движении современности.

Введение	3
Часть I. МЕТОДОЛОГИЯ КРИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ	7
Глава 1. Некоторые теоретико-методологические проблемы критики современной буржуазной политической экономики	—
Глава 2. Методологические аспекты Марксовой критики буржуазной политической экономики	39
Глава 3. Несостоятельность буржуазной и реформистской критики марксистской теории трудовой стоимости	64
Глава 4. Искажение историко-теоретических истоков марксистской политической экономики	78
Глава 5. Критика буржуазных концепций социалистического планового хозяйства	100
Глава 6. Антимарксистские трактовки природы и характера труда при социализме	116
Часть II. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ	138
Глава 7. Некоторые аспекты концепции «свободного рыночного хозяйства»	—
Глава 8. Теоретические основы экономической политики неоконсерватизма	157
Глава 9. Противоречия теории экономического роста	173
Глава 10. Критика радикальной политэкономии	193
Глава 11. Правореформистская концепция «смешанной экономики»	210
Глава 12. Крушение теорий «всеобщего благосостояния»	226
Глава 13. Несостоятельность концепций научно-технического прогресса	235
Глава 14. Апологетический характер социально-экономического прогнозирования	246

**СОВРЕМЕННАЯ БУРЖУАЗНАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ:
КРИТИКА ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ**

Заведующая редакцией **В. И. Бударина**
Редактор **И. И. Чаплыгина**
Младший редактор **Е. Г. Рожкова**
Оформление художника **В. П. Григорьева**
Художественный редактор **А. М. Павлов**
Технический редактор **Н. Ф. Федорова**
Корректор **Г. Б. Абудеева**

ИБ № 2940

Сдано в набор 04.12.85. Подписано в печать 31.03.86. А 09638. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага типогр. № 2. Литер. гарн. Высокая печать. Усл. печатных листов 14,28.
Усл. кр.-отт. 14,28. Учетно-издательских листов 14,97. Тираж 6000 экз. За-
каз № 1547. Цена 2 р.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Московская типография № 11 Союзполиграфпрома при Государственном коми-
тете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113105,
Москва, Нагатинская ул., д. 1.

Новые книги

**В 1987 г. издательство «Мысль»
выпускает в свет:**

Аханов С. А. Эффективность общественного производства. — 10 л. — 1 р.

Анализируются концепции, выдвинутые советскими экономистами по вопросам эффективности общественного производства. Рассматривается сущность этой категории, система показателей, их взаимодействие на трех уровнях: народнохозяйственном, в рамках предприятия и региона; формулируются качественная и количественная определенности эффективности социалистического производства. На этой основе исследуются закономерности развития территориальной организации производительных сил.

Для партийных и хозяйственных работников, пропагандистов, преподавателей общественных наук.

Битунов В. В. Отрасль и территория: (Экономический анализ). — 15 л. — 1 р. 50 к.

В книге содержится анализ теории и опыта комплексного планирования в СССР. Рассмотрены специфика индустриальных и культурных центров, особенности их социального и экономического развития, метод комплексного решения возникающих в регионах задач, в частности обеспечения населения жильем, продовольствием, медицинским обслуживанием и т. д. Наиболее подробно исследуются новые формы и методы сочетания отраслевого и территориального планирования и пути их дальнейшего совершенствования, даются практические рекомендации по

улучшению системы организации планового управления городскими народнохозяйственными комплексами.

Для партийного и хозяйственного актива, работников планово-экономических органов,

Рыбаков О. К. Экономика СССР в системе международного разделения труда. — 17 л. — (Реальный социализм: теория и практика). — 2 р.

Многоплановое исследование базируется на марксистском анализе целей и задач политики КПСС в области дальнейшего развития экономического сотрудничества с социалистическими странами. В нем рассматриваются теоретические проблемы и новые формы международного социалистического разделения труда, роль сотрудничества в повышении уровня жизни населения стран социалистического содружества.

Для научных работников, преподавателей и слушателей высших партийных учебных заведений, лекторов и пропагандистов.

Уважаемые читатели!

Наиболее полную информацию о готовящихся к выпуску книгах издательства «Мысль» по экономике, философии, истории, географии можно получить из ежегодных аннотированных тематических планов выпуска литературы, имеющихся во всех книжных магазинах страны.

Сведения о выходящих в свет изданиях регулярно публикуются в газете «Книжное обозрение».

По вопросам книгораспространения рекомендуем обращаться в местные книготорги, а также во Всесоюзное государственное объединение книжной торговли «Союзкнига».

СОВРЕМЕННАЯ БУРЖУАЗНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ *